
Наталья Филимонова
Каникулы Теши Закроватного
Прикольный детектив
Большой секрет маленькой компании!
Иллюстрации Светланы Кондесюк

Наталья Филимонова

Каникулы Теши Закроватного

Москва
АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф53

Серия «Прикольный детектив»
Иллюстрации *Светланы Кондесюк*
Дизайн обложки *Марины Акининой*

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

Филимонова, Наталья Сергеевна

Ф53 Каникулы Теши Закроватного / Наталья Филимонова.— Москва: АСТ, 2015.— 183, [2] с.: ил.— (Прикольный детектив).

ISBN 978-5-17-083869-1

Что может девятилетний мальчик взять с собой на море в летний лагерь? В чемодане Миши Славина в детский лагерь «Солнышко» приехал *Теша Закроватный* — КВАРТИРНЫЙ — существо застенчивое, мохнатое и умеющее ходить сквозь стены.

Не то чтобы Теше нравилось путешествовать в чемодане: он вообще против всяческих приключений. А между тем приключений будет хоть отбавляй — ведь лагерь построили на месте старой усадьбы, полной привидений!

Теше, Мише и их новым друзьям предстоит не только познакомиться со множеством странных обитателей леса и моря, но и выяснить, что произошло в усадьбе сто лет назад, кто стучит в окна по ночам и какие опасности могут подстерегать в лесной чаще...

Это вторая сказочная повесть Натальи Филимоновой, автора книги «Нюся из-за Шкафа», ставшей лауреатом премии «Рукопись года» в спецноминации «Лучшая детская книга».

УДК 821.161.1
ББЛ 84(2Рос=Рус)6

Подписано в печать 03.03.15.
Формат 60 x 84 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 11,16.
Тираж 3000. Заказ № 6743

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1: 953000 — книги, брошюры

Вступление

— Надо же, какой ты, оказывается, смелый! — Нюся смотрела на Тешу с восторгом, перебирая тонкими зелёными пальцами новенькие разноцветные бусы из крашеных ракушек.

Теша зажмурился то ли от удовольствия, то ли от смущения.

Огромный чердак 67-го дома по улице Мира был набит битком. Кого здесь только не было! И разноцветные юные квартирные, и старички-домовые, и несколько кикимор, и четыре анчутки-коридорных из

разных подъездов; и крохотного роста девушка — красавица с длинными зелёными волосами — мавка[1], *жившая под ванной в 19-й квартире, а ещё полтергейст, и буки, и хоки из детских и кладовок. Были здесь, конечно, и Нюся из-за Шкафа, и старик Соколовский-Квартирный, и кикимора Маруня...*

«Как в день рождения!» — подумал Теша. День рождения ***разные*** *отмечали все вместе — один раз в году, второго марта. Но до следующей весны было ещё далеко, и «именинником» сегодня был он один.*

Разные из всего огромного многоквартирного дома собрались послушать истории о Большом Приключении великого путешественника Терентия Закроватного...

---

[1] Мавки, или навки, — близкие родственницы русалок. Славяне называли так зеленоволосых девушек-красавиц, которых часто можно было встретить на берегах рек и озёр. Больше всего на свете они любят расчесываться. Если встретишь такую мавку — предложи ей расчёску! Тогда она тебя не тронет. Если пожадничаешь — может и защекотать.

Глава первая
СНОВА НА МОРЕ!

— Защищайтесь, сударь!

Шевалье Мишель, известный среди жильцов 67-го дома по улице Мира как первая шпага Гаскони и Прованса, откинул полу плаща. Кончик его клинка подрагивал в сантиметре от подбородка противника.

— Защищайтесь, если вам дорога ваша честь!

Противник медлил. Неловко подняв шпагу и отступая, он зацепился за край своего плаща, попытался выпутаться, наступил на собственный хвост и грузно плюхнулся на пол. Полежав так немного, он робко спросил Мишу:

— Можно я уже под кровать пойду? По-моему, вот это вот фе... фи... не даётся оно мне, в общем.

Шевалье Мишель со вздохом опустил шпагу. Фехтовальщик из Теши и в самом деле был никудышный.

— И потом, там, по-моему... — Теша покрутил головой настороженно, будто принюхиваясь, после чего удовлетворённо кивнул: — Ну да. Там, на лифте, твоя мама поднимается.

— Ой! То есть — тысяча чертей! — Шевалье Мишелю пора было срочно перевоплощаться в Мишу Славина. Маме совершенно ни к чему было видеть их шпаги, на изготовление которых пошли два шампура для шашлыков и пара полиэтиленовых крышек от банок с вареньем.

Он развязал узел под подбородком, и его почти-мушкетёрский-плащ превратился в цветастую мамину шаль.

— Шляпу не забудь.— Теша — очень круглое существо маленького роста, с большими ушами и сплошь покрытое длинным светло-фиолетовым мехом — уже держал в толстеньких ручках свой плащ (мамин старый кухонный фартук) и шампур с рукоятью-крышкой, нетерпеливо помахивая длинным гибким хвостом с кисточкой на конце.

— Ага,— Миша сдёрнул с головы старую соломенную шляпу, в которую было воткнуто гусиное перо. Было слышно, как поворачивается ключ в замке входной двери.— Прячься, быстро!

Теша ухватил всю амуницию в охапку и скользнул в стену.

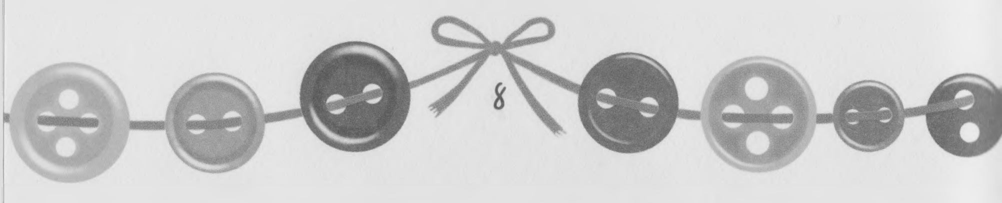
* * *

Теша Закроватный был не только закроватным, но ещё и *застенчивым*. Во-первых, он всегда и всех ужасно стеснялся. Чуть что — и Теша уже застеснялся. А во-вторых, опять-таки чуть что, он сразу прятался *за стенку*.

Прятаться за стенку совсем несложно, если ты — квартирный. Потому что все квартирные умеют ходить

сквозь стены. А если взять квартирного за руку, то вместе с ним сможет пройти сквозь стену и человек. Квартирные — они вроде домовых, только живут в многоэтажных домах. Сами они считают себя полновластными хозяевами своих квартир и «присматривают» за людьми, живущими в них, чтобы был в квартире порядок, а в семье — мир и лад.

Есть ещё у домовых и квартирных, да и у прочих *разных* — анчуток, кикимор и многих-многих ещё других — одна особенность. Видеть их могут обычно только дети. Взрослые не верят в них, а потому и смотреть по-настоящему не умеют. Как сказала одна Тешина знакомая — соседская квартирная Нюся из-за Шкафа: «У взрослых ум за разум зайдёт, если они квартирного увидят. Но они обычно себе глупость какую-нибудь выдумывают — показалось там, или соринка в глаз попала...»

* * *

— Опять дома сиднем сидишь? — Мама уже разувалась в прихожей, когда Миша выглянул из своей комнаты.— Сходил бы хоть погулял во дворе. Там, между прочим, мальчики какие-то играют. Погода чудесная такая... Лето же!

— Ага — мрачно буркнул Миша. Он догадывался, *какие* мальчики гуляют во дворе, и не сказать, чтобы его это особенно радовало.

— Сходи-сходи.— Мама управилась, наконец, с застёжками на босоножках и шуршала теперь какими-то пакетами.— Только надень футболку поприличнее. А эту отдай мне в стирку. И что ты вообще с одеждой делаешь?.. А я кушать пока приготовлю. Скоро папа уже придёт.

Вздохнув, Миша поплёлся в свою комнату переодеваться. Маме не объяснишь. В конце концов, она всего лишь женщина.

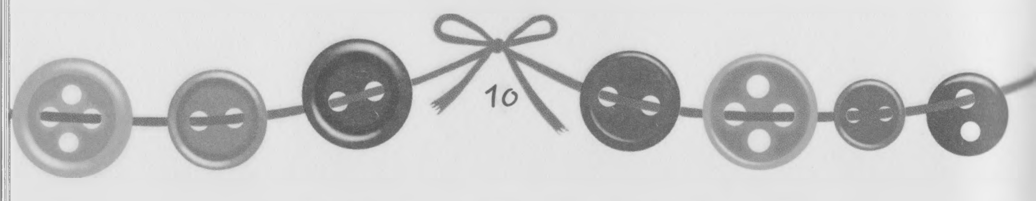
* * *

...Ну разумеется! Кто бы это ещё мог быть...

Посередине двора ещё в прошлом году оборудовали детскую площадку — с горками, качелями и лесенками. Впрочем, маленькие дети, которым площадка, собственно, предназначалась, случались на ней крайне редко. Потому что её оккупировал Дёма Квасников со своей свитой.

Денис Квасников, или, как его все звали, Дёма, закончил в этом году четвёртый класс. Был он довольно высок ростом, крупный, рыхлого телосложения и считался среди младшеклассников главным силачом. Впрочем, вступить в поединок с ровесником Дёме едва ли пришло бы когда-то в голову. Любимым его занятием было раздавать тычки и подзатыльники тем, кто помладше. В таком же роде подобралась и Дёмина «свита» — трое или четверо мальчишек немного младше него, задиравших всех вокруг. К Мише, учившемуся в третьем классе, Дёма питал даже нечто вроде нежности: обижать его можно было вполне безнаказанно. Миша не отличался особенно высоким ростом и силой и был обыкновенным щупленьким мальчиком. Разумеется, в честном поединке на шпагах всё это не имело бы большого значения, но Дёма был сторонником применения грубой физической силы, без всяких там фехтовальных изысков.

На детской площадке во дворе Дёма со товарищи подкарауливали малышей и не позволяли никому качаться на качелях.

Миша попробовал прикинуть обходные пути. Возможно, если прокрасться осторожненько вдоль стены, то можно будет нырнуть в следующий, проходной, подъезд...

Он бы, конечно, дал этому Дёме по шее. И всю его свиту бы раскидал моментально. Просто не хотелось связываться, да и потом они ведь плакать станут, пощады просить... Нет, вид плачущего Дёмы он определённо не сможет вынести. Жуткое зрелище.

Поэтому Миша, отважно пригнувшись, стал на цыпочках красться вдоль стены...

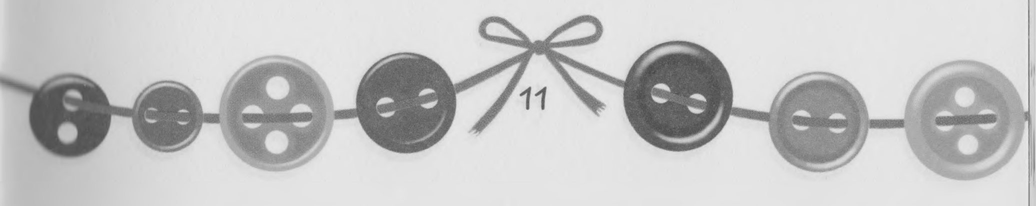
— Эй! — Окрик заставил его вздрогнуть...

* * *

«...А мог бы отделаться одной шишкой...» — отстранённо размышлял Миша, спустя несколько минут поднимаясь в лифте на свой восьмой этаж. Ссадины — ерунда, но вот огромный фингал под глазом... Драка была скоротечна, и Миша теперь с трудом мог понять, как это всё успело произойти так быстро.

Мама сейчас будет ахать и прикладывать к нему лёд и мороженых кур со всех возможных сторон, может быть даже и не битых вовсе. Мама всегда страшно переживает из-за всяких пустяков. Что с неё взять — женщина!

Папа, конечно, внушительно скажет, что шрамы украшают мужчину. Ему легко говорить, он в два раза больше Дёмы. И на работе начальник наверняка не лезет к нему с кулаками.

Миша вздохнул. Трудно рассчитывать на понимание в собственном доме.

* * *

За ужином мама непрерывно вздыхала и хмурилась, осторожно трогая кончиками пальцев то синяк под глазом сына, то шишку у него на лбу. Папа крякал и качал головой.

— Может, и не надо лучше? — отвернувшись от Миши, вполголоса спросила мама у папы.

— Да ну,— нарочито бодро ответил папа и в сотый раз за вечер повторил: — Шрамы украшают мужчину. И потом, я уже и деньги внёс.— После этого он посмотрел на Мишу и сообщил: — А у нас для тебя — хорошая новость. Тебе ведь понравилось в позапрошлом году в лагере? Тут у нас на работе давали детские путёвки с корпоративной скидкой. Особо отличившимся сотрудникам. Да.— Он многозначительно посмотрел на маму и даже кивнул, будто подтверждая свои особые заслуги.— Я подумал, что тебе будет полезно развеяться.

— В лагерь? — Миша даже подскочил, обрадованный.— В «Звёздный»?

В «Звёздном» он был в позапрошлом году, когда закончил только первый класс. Туда он ездил вдвоём с соседской девочкой Любой и хорошо помнил, как было здорово на море. Но прошлым летом Мишины родители не смогли купить ему путёвку. И в этом году он уже практически ни на что и не рассчитывал —

понимал, что чудес в жизни взрослого человека девяти лет от роду случается не так уж много.

— Нет. В «Звёздный» скидок не бывает, он... хм... дороговат немного,— промямлил папа.— И там всегда набор полный, желающих предостаточно. Этот — «Солнышко», кажется, или что-то в этом роде. У них недобор отдыхающих второй год. Да ты не переживай, этот лагерь тоже на море, отдохнёшь ничуть не хуже, чем в «Звёздном».

— А почему недобор? — Мама нахмурилась.— С ним что-то не так?

— Да нет,— папа как-то замялся,— ну, он довольно старый, этот лагерь. Ну и расположен на отшибе. А так — всё в порядке!

— Что-то мне здесь не нравится,— задумалась мама.

— В конце концов, я уже внёс деньги. У нас в конторе, между прочим, желающих было сколько угодно. И, да.— Он обернулся к Мише: — Путёвка горящая, на первый поток. Послезавтра едешь.

— Ну вот,— мама вздохнула,— как раз к поездке и разукрасился. Как нарочно. За два дня синяк, конечно, ещё не сойдёт...

— Шрамы... — начал папа своё обычное присловье, но мама посмотрела на него *так*, что он осёкся на полуслове и втянул голову в плечи.

* * *

— А вообще-то — повезло нам с этим лагерем.

Миша, вздрогнув, обернулся от компьютера. И как это мама всегда ухитряется заходить совершенно беззвучно?

— Вожатый вашего отряда — из нашего города, так что я тебя на вокзале прямо с рук на руки ему сдам,— продолжили мама, собирая какие-то Мишины вещи.— И ещё несколько ребят вроде бы отсюда. Так что ехать весело будете!

Миша при словах «с рук на руки» слегка скривился. Что он, маленький?

Мама извлекла из шкафа ворох какой-то одежды и вышла из комнаты. Миша тотчас кинулся к двери и прикрыл её.

— Эй! — позвал он, обернувшись к кровати,— Теша!

Теша в этот раз вышел из стены не один. Следом за ним появились сразу два существа, о которых стоит, пожалуй, сказать особо.

* * *

Одним из этих двоих был старик Соколовский-Квартирный — домовой, проживший на свете уже не одну сотню лет. Из всех жильцов девятиэтажки он был самым старым и мудрым, а потому считал своим долгом поучать и воспитывать юных квартирных вроде Теши Закроватного. Это был крохотного роста старичок с огромными руками и ногами и с такой длинной седой бородой, что вы бы подумали, что состоит он исключительно из бороды и мудрых серых глаз, обрамлённых морщинами.

Второе существо звалось Нюсей из-за Шкафа. Жила она за шкафом в детской соседней квартиры, нос имела длинный и любопытный, отличалась также зелёным

цветом кожи и склонностью находить себе повсюду приключения. Теша считал её самой красивой и смелой квартирной на свете, и Нюся беззастенчиво этим пользовалась всякий раз, когда у Теши случались конфеты.

Как раз благодаря Нюсе Миша и Теша когда-то и познакомились[1]. Квартирные вообще-то людям никогда не показываются. Но Нюся считала, что некоторыми правилами можно и пренебречь, если очень хочется.

* * *

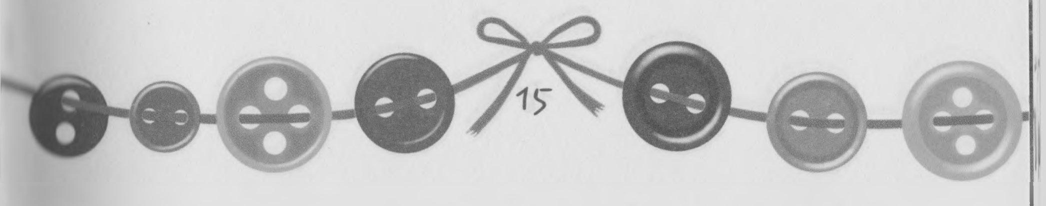
— Ты, говорят, уезжаешь! — оживлённо воскликнула Нюся, взмахнув длинным хвостом и забыв, как всегда, поздороваться.— Ужас как интересно!

— Кхм,— Соколовский-Квартирный укоризненно посмотрел на Нюсю, после чего обернулся к Мише: — Здравствуйте, молодой человек!

— Здравствуйте,— оробел Миша. Вечно занятый Соколовский-Квартирный заходил в гости нечасто, и Миша его слегка стеснялся. Нюся тем временем уже прошлась по комнате и плюхнулась в итоге на кровать.

— Я тут как раз учу вашего квартирного, как правильно собирать человека в дорогу,— сообщил Соколовский. Он на ходу машинально перекладывал окру-

[1] О том, как это произошло, ты можешь узнать, если прочитаешь книжку «Нюся из-за Шкафа». А если ты её уже читал, то, пожалуй, и сам знаешь всё нисколько не хуже автора.

жающие предметы в соответствии с собственными представлениями о порядке.

— Не надо никуда меня собирать! — возмутился Миша. Ещё бы! Мало того что мама считает его маленьким, так теперь, кроме неё, его ещё и домовые «собирать» возьмутся!

— Охохонюшки! — вздохнул Соколовский и сообщил непререкаемым тоном: — Люди совершенно не имеют представления о том, что надо брать в дорогу. И никогда не берут с собой самых нужных вещей.

— А вы-то откуда всё знаете? — возразил Миша.— Вы же вообще никуда из дома не выходите!

— Я вот однажды выходила! — хвастливо заявила Нюся. Она сидела на кровати, болтая ногами.

— И очень плохо,— хмуро отрезал Соколовский, после чего снова пристально посмотрел на Мишу.— Сами мы, положим, никуда и не ходим. Зато своих людей мы собираем в дорогу столетиями. Люди в этом ничего не понимают!

— Угу,— буркнул Миша,— может, вы уже вообще тогда со мной всей компанией рванёте? Или только Тешу со мной отрядите? Ну чтоб точно уже ничего не забыть? А? Что, Теша,— поехали со мной? — Миша заметил, как при этих словах вздрогнул Теша и как вытянулись физиономии Нюси и Соколовского. Сделав паузу, он оглядел перекошенные лица собеседников и, довольный произведённым эффектом, заключил: — Всё, баста! Сам разберусь, что мне нужно!

И вышел из комнаты.

* * *

Несколько секунд трое квартирных стояли в тишине, не шевелясь. Потом Теша, неловко повернувшись к остальным, зацепил кончиком хвоста цветочный горшок на подоконнике. Послышался грохот.

— Я приберу сейчас,— Нюся всхлипнула.— У тебя ведь теперь и без того... дел-то много будет...

— А это... — Теша нерешительно посмотрел на Соколовского,— это никак нельзя, ну... отменить? Он ведь не всерьёз, ты ж понимаешь...

— Молодёжь... — проворчал Соколовский.— Да что вы понимаете?! Всерьёз — не всерьёз! — Старик опустил голову, потряс бородой и сердито заключил: — Как будто я и сам не знаю, что не всерьёз! А только отменить не получится. Не выйдет из этого ничего, понимаешь ты, юноша? Ты должен! Это как... договор такой. У квартирных — свои ПРАВИЛА. Если мы станем их нарушать — тогда... ну не знаю я, уж чего тогда будет! Но что ничего хорошего — это точно! Если твой человек с собой позвал — стало быть, надо ехать.

— Да ты не волнуйся так! — Нюся погладила своей тоненькой лапкой Тешу по макушке, хотя сама едва не плакала.— Я вот тоже один раз... во двор выходила. И ничего! Всё хорошо со мной, видишь?

Теше было очень стыдно трусить, особенно при Нюсе. Но трусил он отчаянно.

— А ты мне... Бусы привези с моря, а? — Нюся уже загорелась новой идеей. А идея о новом украшении

не могла не занять её целиком.— Я слышала, там, на море, такие красивые бусы делают, из ракушек. Мне Люба рассказывала...

— Ага,— вздохнул Теша.— Привезу... если жив останусь.

* * *

Тут стоит сделать небольшое отступление. Как верно заметил Соколовский, у квартирных — свои Правила. Они не во всём совпадают с правилами, принятыми у людей. Но домовые и квартирные следуют своим Правилам, пожалуй, и получше, чем иные люди — своим.

Самое главное Правило для домовых и квартирных — это Правило Переезда.

Дело в том, что все домовые живут ровно столько, сколько стоит их дом. Но если хозяева — люди — переезжая на новое место, позовут домового с собой, он должен ехать с ними. И живёт он тогда уже на новом месте — снова пока дом стоит. Если только опять люди с собой не позовут.

Оттого и встречаются среди домовых долгожители вроде Соколовского-Квартирного. Семья, которой он верно служил много столетий подряд, не раз переезжала на новое место, но каждый раз кто-то из членов этой семьи говорил заветное: «Домовой, домовой, поехали со мной!» — или: «Хозяин, поехали с нами!»

Домовой или квартирный не может покинуть свой дом по собственной воле. И не отправиться со своим человеком, если позвали,— тоже не может.

Неспроста так всполошились квартирные из-за Мишиных слов. Сам того не желая, он произнёс те самые заветные слова, которые для домовых как заклинание, как договор, который нельзя нарушить.

* * *

Спустя полчаса под Мишиной кроватью стоял большой деревянный сундук с коваными углами и большим висячим замком. В сундуке лежали сплошь нужные, по мнению Соколовского, вещи:

√ связка свечей,
√ четыре коробки хозяйственных спичек,
√ моток верёвки,
√ моток медной проволоки,
√ небольшой чугунный утюг,
√ кастрюлька-котелок,
√ несколько холщовых мешочков с травами,
√ два складных садовых стула,
√ складной же перочинный ножик,
√ тёплое одеяло,
√ солнцезащитный крем,
√ зонтик,
√ изрядно потрёпанная «Книга о вкусной и здоровой пище» 1931 года издания,
√ пакет сушёных груш,
√ пакет орешков

и ещё тысяча мелких и крупных предметов совершенно уж загадочного назначения.

Теша с тоской смотрел на сундук и диву давался, как всё это в нём помещается.

— Может... утюг не надо?..— с тоской и робкой надеждой спрашивал он.

— Надо! — непререкаемым тоном отрезал Соколовский.— Без утюга в походных условиях — никуда! Я-то знаю!

— Да куда же мы этот сундук-то денем?!

— А в чемодан. Наше-то барахлишко завсегда в хозяйский чемодан поместится, ты не смотри, что на вид они по размеру почти одинаковые. Да и сам ты в тот же чемодан залезешь. Травы не перепутай! Вот в этом мешке — от кашля, здесь — от гриппа, это от головной боли, вот от бессонницы, а это — от морской болезни...

— Какой болезни? — удивился Теша.

— Морской,— важно пояснил Соколовский.— Она, ну... от моря бывает. Люди, они от моря все больные и зелёные, а всё равно лезут.

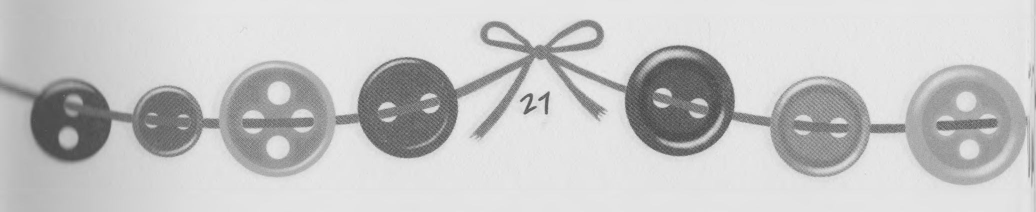
В этот момент прямо из обоев показался ещё один любопытный нос. Нос хищно пошевелился, а затем его обладательница выбралась из стены, деловито прошлась по комнате и, заглянув в сундук, одобрительно кивнула.

— Привет,— хмуро кивнул Теша.— Я вот тут... собираюсь.

— Я знаю,— пожала плечами вошедшая и, нимало не смущаясь, пояснила: — Я подслушивала.

Звали новую гостью Маруней, была она по роду занятий квартирной, а по национальности — кикиморой болотной.

Родилась она когда-то на свет кикиморой, и любимым её занятием в молодости было заманивать путников на болото блуждающими огоньками. На почве

общих интересов дружила в ту пору с лешим. А потом поселилась с людьми и стала кикиморой домашней, а позже и вовсе предпочла величать себя — домовой и о болотном прошлом вспоминать не любила.

— Ты, Теш, главное дело, с лешими дружбы не води,— авторитетно посоветовала она,— плохая компания. Ну и там, знаешь, русалки всякие... кикиморы опять же. В общем, много там всякого сброду будет. Так ты уж поостерегись, я-то знаю, о чём говорю!

— Ну,— хмыкнул мудрый Соколовский,— лешие-то, положим, и не самое худшее. И родня они нам, в конце концов, да и сами — в своём доме хозяева, как мы, только что дом у них — пуща лесная. Я так мыслю, что и подсобят, ежели чего...

— Ни. За. Что,— отчеканила Маруня.— Лешие — они...

— А я думал,— робко вмешался Теша,— Лешие — это так... вроде сказки.

Соколовский с Маруней разом замолчали, пристально посмотрели на Тешу, а потом вдруг расхохотались.

— Эх, молодо-зелено,— выговорил, наконец, Соколовский-Квартирный, отсмеявшись и вытирая выступившие слёзы кончиком бороды,— сказки... будут тебе сказки!

* * *

— Ну не знаю,— заметил Прокопий Капитонович.— Не бывало ещё такого, чтобы человек домового с собой позвал, не насовсем уезжая.

— Так ведь в том-то и дело! — с горячностью подхватил Теша.— Страшно же! А ну как он назад меня забудет с собой позвать? И что тогда... там, в лагере,— насовсем оставаться?!

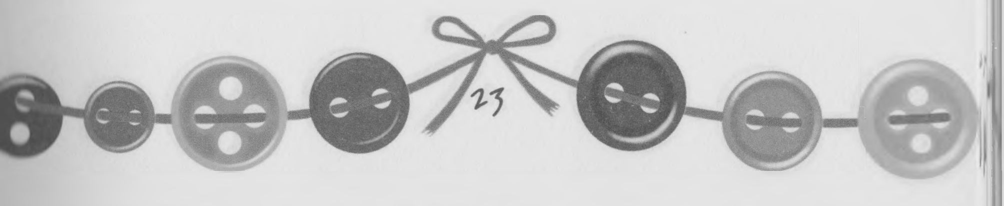
— Вот и нечего кататься бесперечь,— уверенно заявил Прокопий Капитонович.

— Так ведь... — Теша даже задохнулся от возмущения, однако не нашелся что сказать и обернулся к Соколовскому-Квартирному.

Прокопий Капитонович с первого этажа считался в доме номер 67 личностью весьма уважаемой и авторитетной. Дело в том, что, в отличие от большинства юных квартирных — ровесников многоэтажки,— он появился на свет несколько десятков лет назад, в небольшом частном домике по соседству. Правда, своего переезда Прокопий Капитонович почти не помнил, поскольку благополучно проспал его, забравшись в комод. Выглянув из окна на следующий день, он увидел привычную картину — мусорный бак и угол металлического гаража, в точности такого же, какой был в его прежнем дворе. Поэтому он так и остался навсегда убеждён, что мир состоит из двух-трёх домов, и отовсюду в нём виден край гаража и мусорный бак. Тем не менее среди домоседов-квартирных он почиталася за великого путешественника.

Впрочем, спорить с авторитетом Соколовского, пережившего не меньше десятка переездов, он, конечно, не мог. Что, кстати, немало раздражало самого Прокопия Капитоновича.

Соколовский, степенно откашлявшись, кивнул, наконец, большой косматой головой:

— Человек сказал: «Поехали со мной!» Нельзя Правила нарушать! Сказано — надо!

Прокопий Капитонович открыл было рот, чтобы что-то возразить, однако его уже никто не слушал, а какая-то мелкая кикиморка даже шикнула на него.

— Ну так что там? Что дальше? — зашумели все сразу.

— Ну... — Теша оглянулся вокруг и, убедившись, что все собравшиеся на чердаке внимательно его слушают, набрал побольше воздуха: — Дальше был чемодан...

* * *

Мишин чемодан оказался неожиданно тяжёлым. Хорошо, что на колёсиках.

«Что она туда насовала?» — недовольно думал Миша, выволакивая чемодан из такси. Маме трогать поклажу он не давал принципиально. Кто здесь мужчина, в конце концов?

Кругом сновали люди с чемоданами и тележками, таксисты зазывали пассажиров, диспетчер поминутно объявлял о прибывающих и отбывающих поездах. Мама между тем озиралась вокруг, ища кого-то глазами.

— Ну где же он? — Мама нахмурилась.— Сказал, будет в джинсах и оранжевой футболке. Никого похожего не вижу. А ты?

Миша молча помотал головой. Его внимание привлёк пёстрый ларёк неподалёку. На прилавке расположились разноцветные коллекции динозавров, роботов-трансформеров и каких-то журналов. Он дёрнул маму за рукав:

— Я схожу, посмотрю?

— Да, конечно,— рассеянно ответила мама, продолжая оглядываться.

Возле прилавка киоска стоял худенький темноволосый мальчик, одетый в короткие шорты и белую футболку. На носу у него красовались толстенные очки в пластмассовой оправе. На вид он был немного младше Миши. Мальчик придирчиво рассматривал сборный скелет тираннозавра, попутно непонятно для кого комментируя увиденное:

— Если хотите знать моё мнение, пропорции тела у данного тиранозавруса рекса соблюдены чрезвычайно неточно,— видно было, что полную усталую киоскёршу нисколько не интересует мнение темноволосого мальчика, но она терпеливо слушала, подперев щёку ладонью, а мальчик гнул свою линию: — Хвост, как минимум, слабоват. Вы себе, вообще, представляете, как бы он с таким хвостом держал равновесие? А вот эти передние конечности? И потом, эти зубы. Могу спорить, что ни у одного динозавра вообще — ни одного, вы слышите! — не может быть таких ровных и здоровых зубов! Это, в конце концов, неисторично. Динозавры не очень-то следили за гигиеной полости рта.

— Вот у этого чудища вроде поменьше зубы.— Продавщица протянула мальчику другого динозавра, поменьше размерами.

— Ну что вы говорите,— отмахнулся мальчик.— Это же диплодокус халлорум. Отряд ящеротазовые, инфраотряд зауроподы, семейство диплодоки. Он вообще травоядный!

Лицо продавщицы вытянулось:

— А сколько тебе лет, мальчик?

— Восемь,— равнодушно ответил тот, придирчиво осматривая диплодока и неодобрительно качая головой.— Ну вообще-то я биолог. Просто сейчас в лагерь на каникулы еду. А что касается гигиены, раз уж вы этим вопросом, я смотрю, заинтересовались, то не до того там было. Вот если, к примеру, бронтозавр какой — за ним, конечно, особенно и охотиться не надо — подходи да ешь. С любого конца. Если голову откусить, он ещё потом ходить будет, пока обо всём догадается. Спокойно себе ешь дальше. Но бывали ведь жертвы и пошустрее. А кроме того, существует версия, что тираннозавры были не столько хищниками, сколько падальщиками...

Продавщица сморщилась:

— Возьми, мальчик, динозавра. Не надо денег, просто так возьми... только не рассказывай про них больше, не надо...

Мальчик небрежно сунул фигурку диплодока в карман, отвернулся от прилавка и пошёл куда-то в направлении центра площади.

Миша уже успел заметить, что ничего особенно интересного на прилавке нет. Поэтому он поспешил догнать незнакомого мальчика:

— Привет! А я тоже в лагерь еду. Ты не в «Солнышко»?

— Привет.— Мальчик остановился.— В «Солнышко». Ну давай знакомиться. Арам.

Арам без улыбки протянул худенькую руку, и Мише ничего не оставалось, как пожать её.

— Миша. Мне уже, кстати, девять. А Арам — это Арамис?

— Нет,— спокойно пояснил тот.— Арам — это Арам...

Они подошли к Мишиной маме. Рядом с ней стоял какой-то длинный нескладный парень в джинсах и оранжевой футболке и ещё куча народу. Парня отличала слегка мятая одежда, стрижка «полубокс» и крупные, трогательно оттопыренные розоватые уши. На вид ему было лет 18–19. Мишина мама шепнула сыну, что это его вожатый Костик. Молодая красивая женщина с тёмными волосами была, видимо, мамой Арама, поскольку она тут же рассеянно обняла его за плечи, продолжая слушать, как парень в футболке что-то рассказывает, неловко взмахивая руками. Рядом стояла маленького роста рыжеволосая девочка с суетливой мамой и невысоким грузноватым папой. И ещё здесь были двое рослых и крепко сбитых мальчиков постарше, с отцом. Эти трое чем-то неуловимым неприятно напоминали Дёму Квасникова. Мишу передёрнуло. Хорошо, что они явно будут в другом отряде.

— Отличный фингал.— Рыжая девочка бесцеремонно разглядывала Мишу.— Классно тебе врезали.

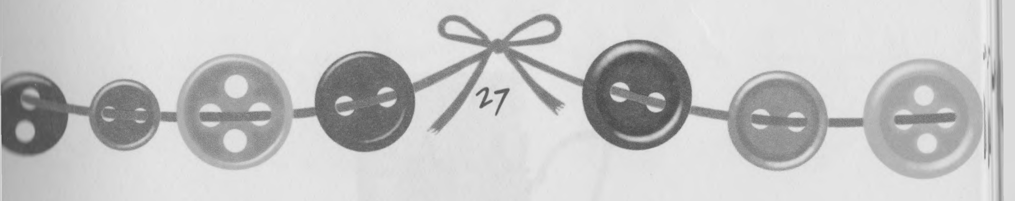
— А представляешь, какой фингалище у того парня? — насупился Миша.

— Представляю,— легко согласилась девочка.— Я — Тоха.

У Тохи были длинные волосы и широко расставленные серо-зелёные глаза. Когда она улыбалась, становились видны чуть крупноватые зубы.

— Антонина! — грозно одернул её папа. Девочка слегка поморщилась.

В этот момент Мише вдруг стало не до новых знакомых. Тут бы от старых как-то отвязаться... К двум

старшим мальчикам, с унылым видом волоча ноги, плёлся... Дёма Квасников!

* * *

Когда родители и Дёмины братья наконец вышли из купе, вожатый долго откашливался и хмыкал, разглядывая то носки своих сандалий, то объявление, что курить запрещено. Он явно не знал, что следует теперь говорить или делать.

— Вас-то как зовут? — начала наконец разговор Тоха, которая, едва оставив вещи в своём купе, немедленно отправилась к мальчикам.

Ничего удивительного: если в её собственном купе, кроме неё, пока никого не было, то здесь собрались все её новые знакомые: вожатый, Арам, Миша и Дёма.

— Кхм. Да! — вскинулся вожатый.— Давайте знакомиться! Меня зовут Константин Алексеевич. Я буду сейчас называть ваши имена по списку, а вы отзывайтесь.

— Для Константина Алексеевича у него слишком оттопыренные уши... — едва слышно пробормотал Арам.

— Домбаян, Арам!

— Тут я.

— Квасников, Денис!

— Здеся...

— Славин, Михаил!

Миша молча кивнул и поднял руку.

— Гаврина, Антонина!

Тоха пожала плечами.

— Гав-рю-шааа! — прыснул Дёма. А затем, изображая голос кота Матроскина из мультфильма, промяукал: — Гаврюша, ко мне!

Маленькая рыжая девочка с косичками подобралась, отвела назад плечо, несильно сжала кулак... Молниеносное движение — и через пару секунд Дёмин нос уже стремительно наливался помидорным цветом.

Вожатый Константин Алексеевич вклинился между ними и вцепился в плечи обоим.

— Девочкам хамить вредно для здоровья! — назидательно сообщила Тоха Дёме, который оторопело смотрел на неё, не двигаясь и как будто ещё не веря тому, что произошло, и доверительным тоном добавила: — Особенно если восточными единоборствами занимаются. Третий год уже...

— Ребята! — расстроенно и немного возмущённо протянул Константин Алексеевич и, как показалось Мише, даже шевельнул ушами от волнения.— Ребята!..

Но, что сказать дальше, он, увы, так и не смог придумать и только поднимал и опускал плечи, до тех пор пока вполне собой довольная Тоха не ушла обживаться в своё купе.

Миша смотрел в окно и внутренне улыбался. Каникулы обещали быть не такими уж пропащими...

Глава вторая

ВАГОН НОМЕР ЧЕТЫРЕ

— До двух часов можно спать спокойно.— Константин Алексеевич положил телефон на столик. Темнота за окном стремительно сгущалась.

— Почему до двух? — зевнул Миша.— Мы же утром прибываем.

Константин Алексеевич вздохнул:

— Ночью на станции ещё две вожатые садятся. Девушки. Им надо будет с вещами помочь. Но вы можете спать, я сам справлюсь.

Вставать в два часа ночи и помогать каким-то неведомым девушкам тащить чемоданы Константину Алексеевичу решительно не хотелось.

Дёма уже посапывал на верхней полке, над местом вожатого.

— Я до двух не ложусь, если что,— Арам свесился со второй полки.

Константин Алексеевич лишь покачал головой: Арам определённо не производил впечатления чемпиона по переноске тяжестей.

— И что же ты собираешься делать до двух часов ночи?

— Читать, разумеется,— Арам пожал плечами с независимым видом. На его подушке и в самом деле уже лежала раскрытая толстенная книга.

— Во-первых, детям необходимо не менее восьми часов здорового ночного сна,— сердито сообщил вожатый.— А во-вторых, сейчас всё равно свет выключат.

— Во-первых,— передразнил его Арам,— откуда вы знаете, здоровый у меня сон или не очень? А во-вторых, у меня есть фонарик.

Константин Алексеевич вспыхнул, его прозрачные уши слегка порозовели:

— Я не собираюсь затевать дискуссии...

— А почему? — Арам пристроился поудобнее и подпёр щёку ладонью.— Во-первых, в споре рождается истина. А во-вторых...

— Так! — перебил его вожатый, решительно вставая.— Я вернусь через десять минут. Через пятнадцать. И чтобы все спали, когда я вернусь!

Он с грохотом задвинул за собой дверь купе.

— Сейчас,— едва слышно возле самого Мишиного уха шепнул Тешин голос.

Пушистый фиолетовый комок неловко взобрался на столик. Теша встал на цыпочки, подтянулся к верхней полке, где лежал, уткнувшись в книжку, Арам, а потом вдруг стал дуть что было силы.

— Всё,— уже в полный голос сообщил явно довольный собой Теша, спрыгивая со стола на нижнюю полку.— Будет спать.

Миша привстал и с недоверием посмотрел на полку над собой. Арам мирно сопел носом в книжку.

— Ты зачем это сделал? — нахмурился он, изумлённо глядя на квартирного.— И вообще, откуда ты взялся?..

— Ты позвал,— вздохнул Теша.— А этот пусть спит. Во-первых,— продолжил он, тоже невольно копируя интонации вожатого,— не люблю, когда ругаются. А во-вторых, я есть хочу. У меня всегда на нервной почве аппетит страшный просыпается. Вот мы как из дома вышли, так я с тех пор есть хочу...

Миша потряс головой, пытаясь привыкнуть к мысли, что квартирный едет с ним в лагерь.

— Там мама бутерброды какие-то положила...— Он протянул руку к пакету, оставленному под столиком, и осторожно, стараясь не шуршать, потянул его к себе.

— Поздно,— Теша снова вздохнул.— Нет уже тех бутербродов. Хорошие были. Только маленькие. Очень.

— Когда ж ты успел? — изумился Миша.

— Пока в чемодане сидел. Я не виноват, я нервничаю. Я из дома, между прочим, не выходил никогда. И это ты меня сюда притащил. Вообще.

— Ну и сиди голодный,— обиделся Миша.— Всё-равно есть больше нечего.

Теша тем временем уже наполовину влез в ящик под нижней полкой прямо сквозь стенку.

— Сейчас-сейчас... где-то тут было... Вот! — Он вылез с довольным видом, держа в руках здоровенный помидор.

— Негусто, но лучше, чем ничего... соли бы... и перчику, пожалуй, не помешает,— Теша растерянно оглянулся, будто и впрямь ожидая увидеть стоящую на полке солонку.

— Ты что! — Миша испуганно протянул руку к помидору.— Это же не моё. То есть не наше!

Но было поздно: Теша поспешно впился в помидор зубами.

В этот момент поезд дёрнулся и остановился. С верхней полки ухнула толстенная книжка Арама и угодила Теше прямо по голове. Громко клацнули зубы. Во все стороны брызнул розовый помидорный сок.

— Брать чужое — нехорошо,— наставительно сообщил Миша.— Наказание вот тебе.

— Не наказание это никакое, а дом этот дурацкий, передвижной! — пробурчал Теша с набитым ртом.— Никакого покою!

— Всю простыню мне забрызгал,— недовольно прокомментировал Миша и подобрал с пола книгу. На обложке было написано что-то по-английски.

Дверь в купе с грохотом отодвинулась:

— Чаю? Этот, в тамбуре,— ваш будет? Так вы ему передайте...

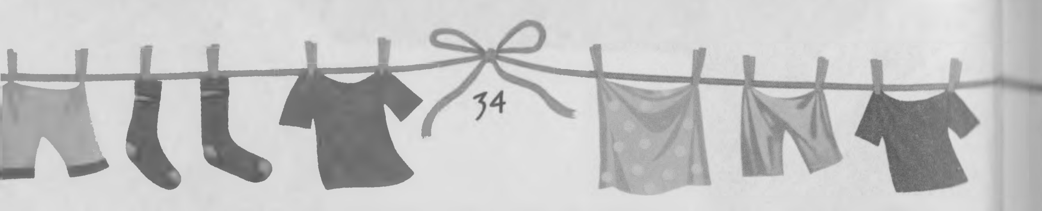
— Вы-вы-вы...— кто? — Миша, вытаращив глаза, разглядывал странное существо, стоящее в дверях.

— Не видишь, что ли? Купейный [1] я,— буднично ответил вошедший. Голос у него, надо сказать, отличался особой ворчливостью.

---

[1] *Купейный* — в славянской мифологии никак не упомянут. По данным автора, существует в единственном экземпляре. Ареал обитания — четвёртый вагон поезда номер 1132, курсирующего по маршруту Аляпьевск — Солнцеморск. Нумерация вагонов с хвоста поезда. Убедительная просьба персонажа: не сорить, не курить, предъявлять билеты по требованию. Чай и постельное белье — в купе проводника.

Купейный состоял преимущественно из огромной синей фуражки и роскошных пшеничного цвета усов. Там, где заканчивалась фуражка, почти сразу начинались усы. А там, где заканчивались усы, почти сразу заканчивался и весь Купейный. Из-под козырька блестели внимательные острые глазки.

— Из-за тебя это, что ли? — Миша подтолкнул Тешу под бок.— Никогда в дороге всяких... таких не видел.

— Смотреть не приучены, вот и не видите,— исподлобья глянул на него Купейный.— Я чего сказать-то хотел. Вы этому, своему... который в тамбуре дымит,— вы ему так и передайте. Начальник, мол, запрещает. Тут вам не всякое там. Тут в тамбурах курить не разрешается у нас! А то ишь — мусорят!

— Мы не мусорим,— вздохнул Миша.— А Константину Алексеевичу скажем. А чаю утром лучше, наверное.

— Ну и ладушки,— кивнул большой головой Купейный, заметно успокаиваясь.— Уж вы скажите. А то со мной ссориться, знаете ли... сами не обрадуетесь, вот!

В этот момент одновременно произошли два события: тронулся поезд, и кто-то со стороны коридора попытался отодвинуть дверь в купе, но её как будто заклинило.

— Вот и этот ваш... из тамбура, явился. Пойду я, пожалуй.

Миша быстро лёг на свою нижнюю полку и натянул одеяло до подбородка. Теша шмыгнул в ящик под полкой, прихватив с собой надкушенный помидор. Ку-

пейный бесшумно скользнул сквозь стенку, и тут же дверь купе отодвинулась.

Костя глянул на полку Арама, удовлетворённо кивнул самому себе и плюхнулся на свою полку. Очень скоро в купе было слышно только сонное дыхание спящих.

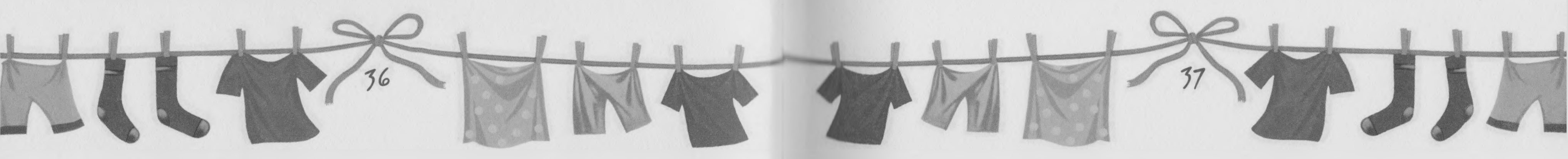
Однако спустя некоторое время к этому звуку прибавился ещё один.

Дело в том, что Арам, устраиваясь на верхней полке, не пожелал расставаться со своим рюкзаком. Весь остальной багаж разместился в ящиках под нижними полками, но вот небольшой рюкзачок Арам уложил рядом со своей подушкой и постоянно придерживал его одной рукой — будто боялся, что тот убежит. Так он и заснул, продев одну руку в петлю рюкзака. И вот теперь этот самый рюкзак вдруг зашевелился.

Арам сонно приподнял голову, посмотрел на рюкзак, оглянулся вокруг — и резко вскочил... то есть попытался вскочить — резко сел и едва не скатился с полки.

— Ой! — тихонько вскрикнул он, но тут же зажал себе рот рукой. Схватил рюкзак и, свесив ноги вниз, бесшумно спрыгнул сначала на столик, а с него — на пол. Осторожно, стараясь поменьше шуметь, нащупал ногами свои тапки, медленно — чтобы не грохотать — отодвинул дверь купе и выскользнул в коридор, не выпуская рюкзака из рук.

— Ну тихо, тихо,— прошептал он рюкзаку, осторожно закрыв за собой дверь. Коридор вагона был пуст: все уже спали.— Сейчас выпущу.

Он присел на корточки, положил свою драгоценную ношу на пол и приоткрыл клапан.

— Иди гулять... вольное создание.

Из рюкзака высунулась сначала кожистая небольшая голова, когтистые передние лапы... а затем выбралась и вся черепаха.

* * *

Как потом узнали Миша и Теша, Арам Домбаян собирался стать великим учёным. И все, кто был с ним знаком, нисколько не сомневались, что у него это получится. В свои восемь лет он прочитал столько книг, сколько иные взрослые и не видели за всю жизнь. И каждую прочитанную книгу он мог рассказать наизусть с любого места: память у него была фотографическая. Ещё Арам знал два иностранных языка и играл на виолончели — довольно скверно, впрочем, что и сам признавал с удовольствием. Он терпеть не мог занятий в музыкальной школе.

Больше всего на свете будущий великий учёный любил животных. Что, впрочем, и неудивительно: ведь и свои великие открытия он планировал делать в области биологии. Дома у него, кроме мамы, папы и старшей сестры Люси, жили собака, две кошки, морская свинка и волнистый попугайчик, но Арам был убежден, что в большом доме Домбаянов, если постараться, нашлось бы место ещё для пары-тройки жирафов, семьи кроликов и небольшой анаконды. Однако, увы, часто великие замыслы натыкаются на непонимание обывателей. Вот и родители Арама считали, что анаконда — это уже слишком, и напрочь отказывались рассматривать варианты даже с ужом или безобидным полозом.

Но Арам был упрям и продолжал любить животных, встречая, как правило, у них полную взаимность.

Черепаху он нашел на улице. Бог весть как она там оказалась. Вероятнее всего, попросту сбежала от прежних хозяев. Во всяком случае, когда её встретил Арам, она неторопливой рысью двигалась навстречу верной гибели — к автомобильному перекрестку.

Арам мгновенно полюбил её и спас в школьный рюкзак. С этих пор — вот уже несколько дней — он не расставался со своим рюкзаком. К счастью, черепаха была зверем негромким, молчаливым, и скрывать её существование от бдительных родителей не составило особого труда. Кормил он свою подопечную по ночам и по ночам же выпускал погулять, размять лапы. Правда, черепаха оказалась свободолюбивой и время от времени пыталась совершить побег. Но Арам, как начинающий черепаховладелец, был всегда начеку.

В лагере Арам рассчитывал найти для своей подопечной постоянное место жительства. Там был лес и озера, а значит, черепахе должно было понравиться. Так он считал.

* * *

— Эй! — Строгий окрик застал Арама врасплох.— Кто разрешил с животными?! Документики на четвероногое имеются?

— Эээээ... документики?..— Арам с изумлением разглядывал своего собеседника и не мог поверить собственным глазам.

В отличие от Миши, у него не было опыта общения ни с домовыми, ни с прочими *разными*, но по фуражке он сделал вывод, что тот работает проводником.

— Эээ, понимаете...— начал Арам.

Тем временем черепаха припустила от него по направлению к Купейному. Арам, передвигаясь на корточках, попытался её поймать, но черепаха быстро обогнула Купейного, и мальчик, бросившись вслед беглянке, чуть не сшиб его.

— Документы у меня... есть, конечно. Но они все в купе. Там все спят, понимаете? Я не хотел бы никого будить. Ей нужно гулять, видите ли. А потом, это всего лишь черепаха. Она не топает, не кусается и не кидается на людей.

В этот момент Араму удалось наконец поймать черепаху, и та немедленно укусила его за палец. Если тебя когда-нибудь кусала черепаха, ты знаешь, что это очень больно, и не станешь осуждать Арама за то, что он вскрикнул и выпустил свою питомицу из рук. Та тут же припустила в направлении тамбура. Это была очень проворная черепаха.

— Безобразие! — нахмурился Купейный и встопорщил усы.— Я буду вынужден сообщить начальнику поезда. О контрабанде и безбилетном проезде.

— Контра... Что? Да вы что, издеваетесь?! — изумился Арам. Он уже снова настиг черепаху и накрыл её рюкзаком.— Что я такого сделал?

— Сделал или не сделал — не мне решать. А у тебя дикое животное без намордника. Лично я ни за что не отвечаю в такой ситуации,— Купейный сдёрнул с головы фуражку, смял её в руках, а затем снова нахлобучил почти до самого носа и сердито продолжил: — Утром во всём разберёмся. Сейчас тебе в любом случае пора спать.

— Да! — с облегчением воскликнул Арам.— Я умираю от желания поспать немедленно! Мой растущий организм нуждается в здоровом ночном сне! Доброй ночи!

Он хорошо знал, что рано утром они сойдут с поезда, а значит, есть надежда, что вопрос о документах и наморднике для черепахи не потревожит хрупкую психику Константина Алексеевича.

* * *

Арам только-только удобно устроился на своей верхней полке, положив шевелящийся рюкзак рядом с подушкой, как пронзительно заверещал будильник в телефоне Константина Алексеевича.

— А? Что?! — Заспанный вожатый резко сел и принялся озираться. Миша тоже приподнял голову, сонно хлопая глазами. Арам, прижав к себе драгоценный рюкзак, старательно делал вид, что спит. Дёма, всхрапнув, только перевернулся на другой бок.

Поезд замедлил ход, в очередной раз резко дёрнулся и наконец остановился.

— Ч-чёрт... — шёпотом пробурчал Константин Алексеевич, вскочил и принялся, неловко поворачиваясь и ударяясь плечами о верхние полки, натягивать шорты. Мимоходом он выглянул в окошко, пытаясь разглядеть своих коллег.

В окно было видно, что на совершенно пустом полустанке в круге света под фонарём, нетерпеливо оглядываясь вокруг, стояла девушка лет восемнадцати, с длинной русой косой, одетая в светлые шорты до колен и синюю майку. Вокруг девушки возвышались эвересты и фудзиямы из огромных кофров, чемоданов, клетчатых сумок и даже, кажется, каких-то сундуков.

— Однако! — присвистнул Константин Алексеевич и тихо добавил: — Надеюсь, это не наша...

Миша с любопытством выглянул в окно:

— А вдруг наша?

— Боюсь,— вздохнул Константин Алексеевич,— помочь ей надо в любом случае. Похоже, она одна... Кстати, наших-то две штуки должно быть. Так, молодые люди! Кто тут помочь вызывался?

Дёма продолжал безмятежно посапывать во сне. Арам старался не шевелиться. Не то чтобы он не хотел или ленился помочь. Просто у него были все основания предполагать, что, если он отлучится из купе, его рюкзак может предпринять новую попытку к бегству.

— Ладно,— Константин Алексеевич снова вздохнул и посмотрел на Мишу,— хоть ты вставай. Там одному не управиться. Возьмешь те чемоданы, что на колесиках.

— Ага...

— Поторапливайся, тут стоянка короткая...

Когда Миша и Константин Алексеевич вышли из купе в коридор вагона, на какую-то секунду им показалось, что прямо на них несется цунами. Или тайфун. Или ещё какое стихийное бедствие из тех, которым много в жизни повидавшие синоптики дают нежные женские имена...

Весило цунами не меньше центнера и одето было в длинное платье с рисунком из крупных цветов марсианской окраски. На шее у стихийного явления болталось длинное ожерелье из трех рядов крупных красных бусин. Впрочем, шея — понятие условное, поскольку в действительности дама обладала длинным рядом под-

бородков, заканчивавшимся где-то в глубине декольте. С лица сыпалась светлая пудра, пламенела малиновая помада. Над верхней губой выступили капельки пота, и где-то между ними ещё одной каплей казалась крупная, выпуклая родинка. Прическа феноменальной дамы решительно не вязалась со всем остальным обликом: она представляла собой встопорщенный ежик, выкрашенный в угольно-черный цвет с кроваво-красными «перьями». На затылке волосы были обесцвечены. Дама тяжело дышала, колыхаясь всем телом и бормоча что-то бессвязно-гневное.

— Ааа! Вы здесь! Это вы! — Неизвестная при виде вожатого обвиняюще протянула руку и ткнула в него пальцем.

— Н-не я,— растерялся Константин Алексеевич.

— В лагерь — вы? — задыхаясь, уточнила дама. Разговаривала она решительным басом.

Константин Алексеевич растерялся ещё больше и только молча кивнул.

— Так чего вы тут торчите?! Сейчас поезд тронется! Кто, по-вашему, должен помочь нам с чемоданами? — С этими словами она развернулась на каблуках и устремилась в направлении тамбура.

Константин Алексеевич пожал плечами и поплёлся следом.

На перроне в окружении чемоданов по-прежнему топталась одинокая девушка.

Константин Алексеевич храбро подхватил пару баулов покрупнее и, неестественно согнувшись, поволок их по направлению к открытой двери вагона. Миша одновременно с незнакомой девушкой вцепился в

большой чемодан на колесиках, на котором сверху лежала огромных размеров дамская сумочка с бахромой. Проводник, увлечённый на перрон женщиной-вихрем, ухватил какой-то сундук. Тем временем Мадам Цунами, как мысленно окрестил её Миша, приплясывала рядом, не делая попыток помочь и только подбадривая их отдельными репликами.

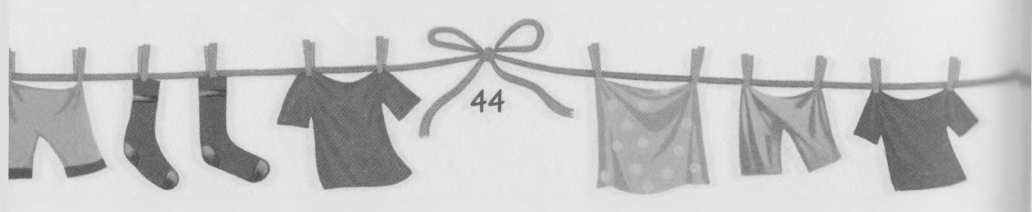
В конце концов и она, пыхтя, вцепилась в одну из ручек сумки, которую пытался поднять вожатый в дополнение к двум другим.

— Да что там такое — кирпичи? — прокряхтел он, обливаясь потом.

— Там?..— Дама внезапно отпустила свою ручку сумки, отчего Константина чуть не переломило пополам, и доброжелательно улыбнулась: — Да ничего особенного, самое необходимое... Кастрюли всякие, сковородки, мука, круп разных понемножку, картошка, само собой, как без неё, морковка, лук, тушёнки домашней пара банок, электроплитка, варенье опять же...

Вожатый тем временем доволок наконец свою ношу до входа в вагон и с кряхтеньем попытался закинуть её наверх. Мадам Цунами, добродушно хмыкнув, отстранила его и легко, одним движением, закинула самую большую сумку. Проводник в дверях ругался на чём свет стоит и бурчал, что «поезд вот-вот тронется».

— Суся, детка, ты заходи пока, мы тут сами разберёмся! — с нежной улыбкой обратилась мадам к девушке. Та покорно, взяв сумку с бахромой, забралась в вагон. Константин Алексеевич втащил кое-как неподъёмный чемодан на колёсиках.

Миша оглянулся. На перроне оставались ещё две большие сумки.

— Давай,— сказал Константин Алексеевич,— сейчас подтащим их, ты будешь подавать мне, а я сверху приму.

Миша кивнул. Бегом они кинулись за оставшимися сумками, волоком подтащили их ко входу, вожатый поднялся на ступеньку... и в этот момент послышался скрежет колёс, поезд дёрнулся и медленно тронулся.

Миша беспомощно смотрел на медленно проплывающий мимо вагон. Мадам Цунами и её Суся зашли уже, наверное, в своё купе, где-то там спала Тоха, а в соседнем купе — Арам и Дёма. А с ним, Мишей, оставались на перроне только две большие клетчатые сумки, а в них, как он знал теперь,— электроплитка, картошка и варенье.

«Ну с голоду, может, и не умру... какое-то время»,— подумал он обречённо.

Тем временем Константин Алексеевич, одним прыжком вскочив в тамбур, сорвал стоп-кран. Впрочем, это только так говорится легко — сорвал. На самом деле стоп-кран — штука очень тугая, и, если вы не качаете каждый день перед ужином штангу весом с небольшого слона, сорвать его не так-то просто. Константину Алексеевичу, впрочем, придавала силы мысль о том, что он несёт ответственность за школьника, и то, что в него, как дед и баба в репку, вцепились примчавшиеся Мадам Цунами и Суся. Совместными усилиями им удалось выжать рычаг до конца.

Поезд содрогнулся от головы до хвоста и возмущённо заскрежетал — с ним нечасто обращались так

бесцеремонно. В плацкартных вагонах с третьих полок посыпались чемоданы и безбилетники.

— Молодёжь! — пропыхтела Мадам Цунами, неожиданно легко для своей комплекции выскочила из вагона, в несколько прыжков добежала до Миши, подхватила одной руки обе сумки, другой рукой — Мишу и вихрем понеслась назад, к двери.

В тамбуре тем временем разгорался скандал. Набежавшие сразу из трёх вагонов проводники хором кричали на Константина Алексеевича. Тот неумело оправдывался, напирая на свою ответственность за жизнь и здоровье школьников. Проводники, в свою очередь, угрожали вызовом бригадира поезда и неминуемым штрафом.

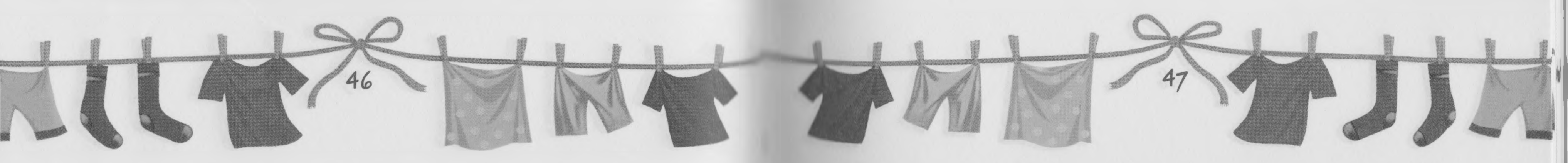
Поезд между тем снова дёрнулся и медленно начал движение.

Мадам Цунами мгновенно оценила обстановку, взволновалась и даже как будто обрадовалась. Подтолкнув Мишу в сторону вагона, она трубно возгласила:

— Суся, девочка! Забери детей... да, недотыкомку этого тоже,— тут она без всяких церемоний подтолкнула Константина Алексеевича. Тот не оказал сопротивления.— Загрузи их в купе, детка. Я тут разберусь пока...

В вагоне выглядывали из своих купе сонные пассажиры, спрашивая друг друга, что произошло («Авария? Преступника задержали? Контрабандиста?»). Константин Алексеевич, Миша и Суся с облегчением ввалились в свои купе. В способности мадам «разобраться» со всеми проводниками мира никто из них не усомнился.

В купе было тихо. Дёма безмятежно посапывал на своей полке. Арам на секунду свесил голову и тут

же снова улёгся, делая вид, что и не думал просыпаться.

Миша и Константин Алексеевич, не глядя друг на друга, забрались в свои постели. Миша некоторое время ещё ворочался, переживая из-за Теши и гадая, заснул ли тот или отправился гулять по вагону? И не случится ли с ним чего, ведь он совершенно не знает, как себя вести в незнакомом месте?

Переживал он напрасно. Когда поезд тронулся, Теша, забравшийся на ночевку в багажный ящик под Мишиной полкой, упал с груды чемоданов и... провалился сквозь стенку. Надеюсь, ты помнишь, что все квартирные умеют ходить сквозь стены, стены вообще не препятствие для них. Упав, Теша просто пролетел сквозь тонкую перегородку... и оказался в багажном ящике соседнего купе. Прежде чем вернуться назад, Теша решил как следует осмотреться.

В купе была занята одна-единственная верхняя полка — оттуда тревожно смотрела в окно взъерошенная Тоха. Вскоре дверь купе открылась, и вошла уже знакомая нам девушка с полустанка со странным именем Суся. Девушка откинула крышку багажного ящика — того самого, где затаился Теша,— поставила туда несколько сумок и закрыла.

Теша собирался уже честно перебираться назад, в свое купе. Но тут его внимание привлек загадочный запах, доносившийся из одной из сумок. Судя по запаху, там, в недрах сумки, таились неслыханные сокровища. Теша повёл носом. С капустой... и с мясом тоже... и, похоже, несколько штук с повидлом. Исключительно для того, чтобы проверить своё предположение, Теша сунул голову в сумку. Так и есть! Завёрнутые в несколько газет, в эмалированной кастрюльке лежали они — ещё тёплые, одурманивающие ароматом, лишающим всякой воли и разума,— жареные пирожки!

Теша удовлетворённо вздохнул.

«Я только понюхаю ещё немного...» — подумал он и нырнул в сумку.

* * *

В скором времени вагон наконец угомонился. Устало зевая, разошлись по своим купе пассажиры. Сбежали проводники, оглушённые тирадами Мадам Цунами. И только маленький Купейный с веником и совком шёл по коридору и ворчал что-то себе под нос. У двери купе номер восемь он остановился, пробормотал что-то едва слышное и сделал странный жест руками в воздухе. После этого он удовлетворённо кивнул самому себе и побрёл прочь.

На свете были всего три вещи, которые Купейный по-настоящему не любил: зайцы-безбилетники, курильщики в тамбуре и срывы расписания. И все они случились в одну ночь: безбилетная черепаха, куривший в тамбуре нескладный пассажир и сорванный стоп-кран — всё вместе это было уже слишком! И главное, Купейный точно знал, где именно угнездился источник беспорядков. Все нарушители собрались этой ночью в одном купе.

Конечно, он не взаправду грозил Араму нажаловаться начальнику поезда. Начальник был человеком взрослым и здравомыслящим, ни в каких купейных не верил

и видеть их тоже, соответственно, не мог. С другой стороны, наказать нарушителей Купейный вполне мог и сам — своими методами...

* * *

Глубокой ночью в восьмом купе сломался кондиционер. Очень скоро стало невыносимо душно, простыни начали липнуть к телу и как-то особенно остро запахли хлоркой. Константин Алексеевич, долго ворочавшийся с боку на бок, в конце концов встал и приоткрыл окно.

Через несколько минут Дёма на полке над ним приподнял голову. Богатырский сон Дёмы Квасникова вообще мало что могло нарушить (в этом, впрочем, мы уже имели случай убедиться). Но сейчас сырой ночной ветер из окна хлестал ему прямо в лицо, и, как бы ни было жарко в купе, Дёме внезапная свежесть не слишком пришлась по вкусу.

— Очумели, что ли? — сипло спросил он куда-то в пространство, не особенно интересуясь, кто именно «очумел».

Константин Алексеевич, вздохнув, снова встал и закрыл окошко. Всё-таки он нёс ответственность и не мог допустить, чтобы вверенный ему ребёнок простудился.

Через несколько минут в купе снова стало душно.

— Ну хоть дверь приоткройте,— простонал со своего места Арам,— невозможно же...

Константин Алексеевич отщёлкнул замок на двери, приоткрыл её и лёг.

Дверь тут же с грохотом отъехала в сторону до упора. Затем задвинулась в обратную сторону. Снова отъехала. Задвинулась...

— Нет, ну так совсем спать невозможно! — возмутился на этот раз Миша.

Дверь продолжала хлопать. Он вскочил, резко дёрнул, а затем с удивлением посмотрел на свою руку. Задвижка замка осталась у него в ладони. Дверь захлопала с особым злорадством.

В этот же момент внезапно ожило радио под потолком — прямо над головами Дёмы и Арама.

— А теперь,— жизнерадостно сообщило оно,— концерт по заявкам наших дорогих радиослушателей!

— Я ттте щас покажу «заявки»,— Дёма, тихо сатанея, хлопнул по кнопке выключателя радио. Какой-то винтик с тихим звоном отлетел на пол.

Радио зашипело, закашляло и вдруг радостно запело хором.

— Вместе весело шагать! — бодро выводило радио куплет за куплетом.

— Я тте щас... — зло выл Дёма, уже изо всех сил колотя кулаком по динамику.

— Не порть имущество, оно казённое! — пытался угомонить его Константин Алексеевич.

— По простооорам! По простоооорам! — глумилось радио.

— Кажется, там выключатель сломался,— с ужасом пробормотал Арам. Миша тем временем с выражением уже полной обречённости на лице пытался приладить

задвижку к двери, ногой придерживая её в закрытом положении.

...За окном проплывали какие-то унылые фабричные трубы, и уже занималось рассветное марево, когда в восьмом купе наконец все угомонились. Выключить радио или хотя бы убавить звук не удалось, поэтому динамик завесили сложной ширмой из одеял, чтобы хоть как-то приглушить концерт. Духота так и не спáла, но все так устали, что готовы были заснуть при какой угодно температуре. Закрыть болтавшуюся дверь купе тоже не удалось. Арам предложил попробовать зафиксировать её ремнями. Связав в длинную верёвку четыре ремня (если ты думаешь, что это просто, попробуй завязать ремень в узелок...), обитатели купе прикрутили его одним концом к ручке двери, а другим — к сеточке для полотенец над Мишиной полкой.

— Теперь наконец можно поспать,— утомлённо пробормотал Константин Алексеевич, проверяя надёжность последнего узла.

— Нет,— тихо возразил вдруг Арам. Все с испугом посмотрели на него. Тот виновато пожал плечами.— Мне в туалет надо...

Константин Алексеевич закрыл глаза, сжал кулаки, вздохнул несколько раз. Потом потянул дверь, насколько позволяли ремни. Образовалась узенькая щелочка.

— Пролезешь? — Его взгляд ясно говорил, что лучше бы пролезть. Впрочем, Арам был очень худеньким мальчиком.

— Постараюсь,— он снова пожал плечами.

— А я — не пролезу... — вклинился Дёма.

Константин Алексеевич тихо застонал.

* * *

— Безобразие, я считаю! — Маруня от возмущения прямо-таки скомкала своё крошечное и без того морщинистое личико.— Вот этот — Купейный! Или как его там... из новых этих, надо быть. Пакостит вона! Тоже мне, порядки у него...

— Может, и из новых,— Соколовский коротко зыркнул на неё.— А может, и из старых. Старики-то, конюшие да табунники[1], знать, не все сгинули, глядишь, кто и занятие сменил. Хотя,— он доброжелательно посмотрел на Тешу,— уши-то у него конские али людские были?

— Н-не знаю,— оробел Теша.— Фуражка у него там... на ушах.

— Тьфу ты! — ещё больше рассердилась Маруня.— Да какой там табунник! Ведёт себя как... чисто кикимора!

— Да нет,— вздохнул Соколовский.— Как домовой, он себя и ведёт. Напакостили — сами и виноватые. В своём доме он хозяин...

* * *

Утром обитателей восьмого купе разбудил настойчивый стук в дверь. Поспать они успели часа полтора, и снились им только кошмары.

---

[1] В старину говорили, что за лошадями в конюшне присматривают конюшие. Своим любимым животным они даже заплетали гриву в косички. А табунники присматривали за табуном, берегли его от диких зверей и конокрадов. Табунник, кстати, выглядел совсем как человек — вот только уши у него были лошадиные.

— Да просыпайтесь уже! Наша станция через десять минут! — Голоса Тохи, Суси и Мадам Цунами ворвались в тяжёлые сны мальчиков и вожатого достойным финальным аккордом.

В панике все четверо поскатывались со своих полок и принялись лихорадочно одеваться. Самым сложным оказалось распутать узел из ремней и снять с динамика одеяльную завесу. При этом обнаружилось, что барахливший ночью кондиционер почему-то заработал нормально, шумное радио выключилось само собой, и дверь вовсе не хлопает.

— Вы чего тут разоспались?! — Свежая и явно отлично выспавшаяся Тоха втиснулась в купе.— Мы уже и чаю попили, и собрались, а вы чего?

Она плюхнулась на Мишину полку, отодвинув коленкой чей-то чемодан.

— Я вижу, у вас была весёлая ночь,— протянула она, разглядывая помидорные пятна на Мишиной простыне.

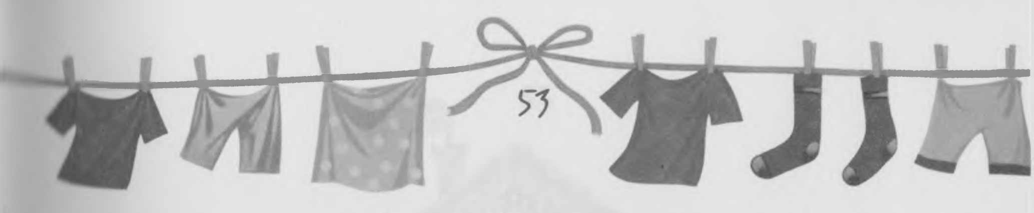
— Да уж... — хором ответили Миша и Арам.

— А в вагоне, говорят, мыши, представляете? — продолжала Тоха, пока мальчики лихорадочно собирали свои вещи.— По крайней мере, эта жуткая тетка так думает.— Она могла смело называть Мадам Цунами «жуткой теткой», поскольку та, едва заглянув к мальчикам и неодобрительно цокнув языком, вернулась в своё купе.— У неё все пирожки из сумки пропали, даже крошек не осталось! И у меня тоже бутерброды исчезли...

Миша, заподозрив недоброе, решил сменить тему:

— А как вам спалось сегодня? Кошмары не мучили?

— Кошмары? — удивилась Тоха.— Какие могут быть кошмары! В поезде так здорово спится! А за

окном, если проснёшься, всё время такая красота — к морю же едем!

Миша украдкой глянул в окно. За их окошком ночью проплывал какой-то унылый пейзаж с облезлыми заборами и дымящими трубами. Впрочем, сейчас кругом были зелёные деревья.

— Ну, вы готовы? — В купе заглянула умытая и выспавшаяся Суся.— Через минуту наша станция.

«Интересно,— запоздало подумал Миша,— её и в самом деле так зовут?»

— Уже выходим! — Константин Алексеевич, так и не расчесавшись, бодро подхватил первый попавшийся чемодан из своего багажного ящика.

По коридору мимо прошёл невидимый для большинства присутствующих Купейный.

— Мыши! Это в моём-то вагоне — мыши! За детишками бы своими лучше следили, а у меня вагон образцово-показательный... — удалялся его возмущённый голос.

Глава третья
ПРИЕХАЛИ!

На станции Мадам Цунами, оставив бесчисленные чемоданы и сумки на попечение своей спутницы, скрылась в толпе.

— Меня вообще-то Ксюша зовут,— ни с того ни с сего извиняющимся тоном сказала Суся.

— Константин Алексеевич,— строго представился вожатый и протянул Ксюше руку.

Девушка оробела, опустила глаза и очень несмело пожала его тощую руку.

Мадам Цунами, решительно отстраняя всех со своего пути, направлялась к ним. Следом за ней плелись несколько вышедших из других вагонов незнакомых ребят постарше и девочек разного возраста.

— Все в сборе, мои цыпляточки! Отлично! — провозгласила Клавдия Аркадьевна.— Теперь остаётся подождать немного — через полчаса следующий поезд, на нём ещё несколько ребятишек приедут. Давайте-ка отойдем в сторонку. Кто меня ещё не знает? Меня зовут Клавдия Аркадьевна Трамболюк, в нашем лагере я

совмещаю должности старшего воспитателя, музыкального руководителя и вожатой. Так что песенки, стишочки, сценочки, мероприятия мы с вами, мои сладкие, будем все вместе готовить...

— Исключительно точная у неё фамилия,— шепнул Арам на ухо Мише, пряча улыбку.— Клавдия Тромбон. Большая и громкая...

— А пока мы с вами поиграем в увлекательную игру! — громогласно продолжала Клавдия Аркадьевна, не ведая, что обрела новое прозвище.— Сейчас мы все встанем в кружок и возьмёмся за ручки. Котенька,— она обернулась к Константину Алесеевичу,— будьте любезны, помогите мне...

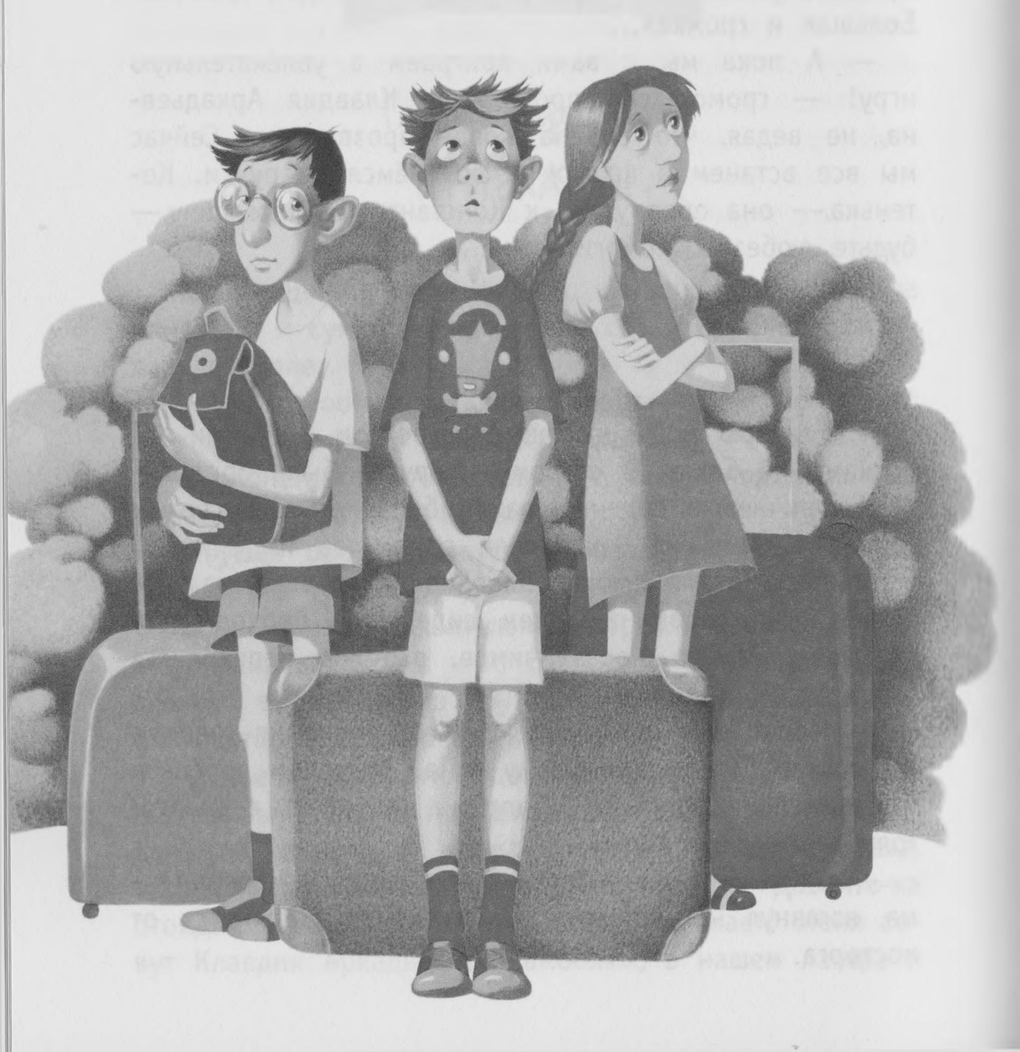
* * *

...К лагерю ехали вахтовым автобусом с синими полосками на боках. В старом «Икарусе» были ободранные коричневые сиденья, пахло бензином и нагретым металлом. Миша и Арам сели рядом, за их спинами устроились Тоха и Ксюша. Клавдия Аркадьевна, развернувшись на своем переднем сиденье в проход, рассказывала что-то неразличимое, пытаясь перекричать фыркающий и пыхтящий мотор.

— Море! — внезапно севшим от волнения голосом прошептала Тоха, сидевшая у окна. За рядом деревьев и скалистыми уступами и впрямь виднелась серовато-голубая полоска воды.

— Ух тыыыы... — Миша, перегнувшись через Арама, взглянул на горизонт и на секунду задохнулся от восторга.

В глаза ударило ярким солнечным бликом, отражённым от воды, и нестерпимо захотелось немедленно раздеться и, разбежавшись, нырнуть в прозрачную воду, поднимая фонтаны брызг. Эххх... наверняка сначала заставят разобрать вещи, ещё какие-нибудь дурацкие игры затеют... ничего все эти вожатые не понимают!

За противоположным окном вдалеке возвышались горы, иногда вплотную к дороге подступали деревья. «Икарус» подпрыгивал на ухабах. Внутри было шумно: старшие ребята ехали в лагерь не в первый раз, и многие были уже знакомы между собой.

— А мы с охраной едем... — заметил как бы между прочим Арам. В ответ на Мишин вопросительный взгляд он молча указал глазами за окно.

За автобусом, лишь немного от него отставая, ехал мотоцикл с коляской. Водитель мотоцикла был в каске, так что лица разглядеть было нельзя. Зато было отлично видно, что на нём полицейская форма.

— Ого,— заинтересовался Миша.— А может, он нас преследует? Может, у нас преступник на борту?

— Это,— хмыкнул Арам,— профилактический рейд. Он знает: если наш Тромбон ещё раз назовёт Константина Алексеевича Котенькой, наверняка прольётся кровь.

— Ну,— задумался Миша,— если она будет продолжать звать меня «Мишаня» и «цыплёночек», я, пожалуй, тоже за себя не отвечаю...

За полчаса на станции Клавдию Аркадьевну возненавидели все. Тоху она окрестила «Тосечкой-зайкой», Арама — «Арамчиком-лапулей», а Константина Алексеевича величала исключительно «Котенькой», отчего тот начинал багроветь лицом и тяжело сопеть. Ксюша сочувственно шепнула ребятам: «Это ещё что! Вот я в детстве буквы не все выговаривала. Своё имя произносила вместо «Ксюша» — «Суся». Вот тётя Клава, то есть Клавдия Аркадьевна, меня с тех пор так и зовёт...»

Еще Клавдия Аркадьевна любила трепать собеседника за щёку и радостно гулко ухать в ответ на его

возмущение. Правда, когда она нежно обратилась к Квасникову «Деничка, козлёночек мой...»,— Миша на мгновение испытал к ней нечто вроде симпатии.

Автобус, в очередной раз подпрыгнув на кочке, замедлил ход: подъехали к высокой ограде из металлических прутьев, когда-то выкрашенных в зелёный цвет, а теперь — облупленных и ржавых. Посередине каждой створки ворот красовалась вылинявшая пятиконечная звёздочка. Возле ворот стояла небольшая кирпичная сторожка, в открытых окнах которой виднелись развевающиеся на ветру желтоватые тюлевые занавески.

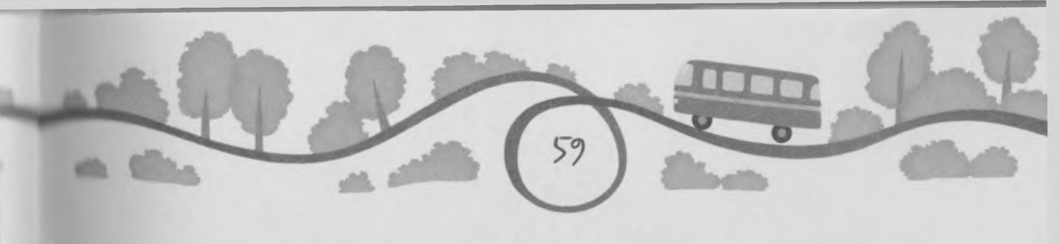
Водитель автобуса посигналил несколько раз, и из сторожки вышел грузноватый лысеющий мужчина средних лет, одетый в чёрные мятые брюки и чёрную же куртку с белой надписью на спине: «Начальник службы безопасности». Под незастегнутой курткой красовалась жёлтая майка с надписью «Calve» на груди, немного коротковатая и открывавшая кусочек округлого незагорелого живота.

Начальник службы безопасности приостановился, внимательно оглядел автобус и мотоцикл полицейского, будто ожидал увидеть некую неведомую угрозу, после чего наконец открыл ворота.

На асфальтовой площадке сразу за воротами автобус остановился. Здесь уже стояли два таких же «Икаруса» и толпились дети и взрослые.

— Так, ребятишечки, выходим по очереди, в дверях не задерживаемся! — трубно провозгласила Клавдия Аркадьевна и первой направилась к выходу.

На площадке уже ожидала целая делегация встречающих. Помимо пузатого начальника службы безопасно-

сти, здесь была ещё высокая, очень прямая дама неопределённого возраста, одетая, несмотря на летнюю жару, в строгий костюм, в очках и с тугим пучком на затылке; сутулый мужчина с залысинами на лбу и несколько юношей и девушек — очевидно, вожатых. Почти у всех на груди были беджики с именами.

Тем временем из люльки мотоцикла выбралась высокая нескладная девочка, на вид едва ли старше Миши. Сняв шлем, она обернулась к полицейскому:

— Ну всё, пап. Счастливо.

Тот неловко обнял девочку. Без шлема он оказался совсем не страшным: скуластый, круглолицый, с тёмными, чуть седеющими на висках короткостриженными волосами.

— Ну, за порядок в лагере отвечаешь... — полусерьёзно-полушутя начал он.

— Да, пап, я знаю,— отмахнулась та.— Так не забудь: суп в холодильнике, манты в морозилке найдёшь, на неделю тебе должно хватить. Рубашки в шкафу глаженые. И не забудь за свет заплатить.

Их группа собралась на пятачке вокруг Константина Алексеевича и Ксюши. Последняя лихорадочно перепроверяла свои списки.

— Гаврина, Гаврина,— бормотала она, после этого подняла голову и с отчаянием в голосе сообщила: — Нет Гавриной в списке!

Тоха пожала плечами с независимым видом.

— Гаврина! — Мощный голос Клавдии Тромбона из-за спины заставил подскочить и Тоху, и Ксюшу.— Деточка, а ты в моём отряде! А я тебя ищу-ищу...

— Я должна быть в том отряде,— нисколько не смущаясь, возразила Тоха.— У вас — первоклашки, а я уже в третий перешла...

— Ну, заинька,— расплылась в улыбке Клавдия Аркадьевна,— у меня и первый класс, и второй. А здесь — третий-четвертый. Кто закончил уже.

— Мы с Домбаяном ровесники! — не сдавалась Тоха.— Ему тоже восемь лет! А мне уже практически девять. Ну, восемь... с половиной.

— Полдевятого,— негромко подсказала незаметно подошедшая строгая дама с пучком на затылке. На её бедже была надпись мелкими буквами: «Ногаева Зоя Валерьевна» и крупными: «ДИРЕКТОР». Арам прыснул. Тоха вскинулась с независимым видом.— Отряды уже сформированы. А что до прибавления себе годков — вряд ли вы долго будете придерживаться этой линии, милая...

Слегка улыбнувшись, дама отошла к соседнему отряду.

— Гадина! — прошипела ей вслед Тоха.— Что у неё там на беджике было написано — Нагайна?

— Вообще-то Но́гаева,— усмехнулся Арам.— Но по сути, похоже, верно...

— Ничего, я ещё вернусь,— угрюмо бухтела Тоха, пока Клавдия Аркадьевна уводила её, придерживая за плечо.

— А правда, почему ты не с ней в отряде? — удивился Миша.

— А я в школу в шесть лет пошёл,— зевнул Арам.— И всё равно там скукотища. Ничего интересного.

Кроме Миши, Арама и Дёмы, в их отряде оказались дочка полицейского — её звали Эльмирой Мухтияровой,— ещё три девочки, которых Миша не запомнил,

и довольно упитанный мальчик, представившийся Серёжей Сёмочкиным. Вожатые уже успели прицепить себе беджи с именами. На бедже Константина Алексеевича было написано «Костя». Впрочем, как бы его ни звали, говорил он мало, всё больше хмурился, молчал и озирался по сторонам. Ксюша, краснея и запинаясь, взяла на себя роль ведущей.

— Общий сбор будет завтра. Завтра второй день заезда, в нашем отряде ещё несколько человек прибавится,— рассказывала она.— Сегодня мы с вами расселяемся, знакомимся, осматриваем лагерь.

— А купаться когда? — вырвался у одной из девочек мучивший всех вопрос.

— Если позволит погода и врач разрешит — через три дня,— ответила Ксюша.

Ребята разочарованно загудели.

— Почемуууу? — в один голос замычали сразу несколько человек.

— Правило лагеря. Для начала вам нужно адаптироваться. Будем принимать солнечные ванны. А на сегодня у нас с вами ещё куча дел. И кстати, можете начинать придумывать название и девиз для отряда. Завтра устроим мозговой штурм.

— А обед когда? — с надеждой спросил Сёмочкин.

— Спорим, что в отличие от нас, он завтракал? — шепнул Арам на ухо Мише.

Тот, взглянув на Сёмочкина, только кивнул. Спорить не имело смысла. Серёжа и сейчас жевал шоколадку.

— Обед — после расселения. Сейчас мы с вами идём знакомиться со своим корпусом, раскладываем вещи, выбираем кровати, а потом организованно пойдём кушать.

Корпус оказался совсем маленьким — на один отряд. В нём был короткий коридор, упиравшийся одним концом в общий холл с несколькими креслами, книжным шкафом, диваном и стареньким телевизором. С другого конца коридорчик загибался буквой «Г», и из этого ответвления две двери вели в туалет и душ для мальчиков и для девочек. В основном коридорчике тоже было две двери, которые вели в жилые комнаты. Спальни мало чем друг от друга отличались. Меблировка каждой состояла из десяти кроватей, прикроватных тумбочек и двух шкафов. Разве что в комнате мальчиков одной тумбочки не хватало, а у девочек некоторые кровати были сдвинуты попарно.

Миша и Арам выбрали две соседние кровати у окна, одно из мест у другого окна занял Дёма, а Сёмочкин предпочёл поселиться поближе к шкафу.

* * *

Когда все разобрали свои вещи и ушли вместе с Ксюшей в столовую, в опустевшей комнате начали происходить странные вещи.

Первым спрыгнул с кровати рюкзак Арама. После этого зашевелился Мишин чемодан на колёсиках.

Проехавшись прямо в чемодане на середину комнаты и удостоверившись, что вокруг никого нет, Теша решил, наконец, выбираться. Первым делом он обратил внимание на медленно ползущий куда-то рюкзак, натыкавшийся на ножки кроватей.

— Бедная ты животина,— пробормотал он, наклонился и открыл клапан рюкзака. Черепаха невозму-

тимо поползла дальше, таща за собой рюкзак. Впрочем, вскоре ей удалось от него избавиться. А Теша смог наконец осмотреться на новом месте жительства.

Первое, чего ему по-настоящему захотелось,— это забраться обратно в чемодан. В нем было несколько тесновато, но к чемодану он по крайней мере уже привык.

В этой комнате, противоестественной и невозможной по всем квартирным понятиям, было страшное. Здесь стояли десять кроватей! Квартирный Терентий по фамилии Закроватный никогда ещё в своей не столь уж долгой жизни не встречал таких комнат. Он привык жить за кроватью Миши — за единственной кроватью в детской!

При этом некоторые из кроватей размещались здесь не у стенки, как, по мнению Теши, полагается размещаться всякой уважающей себя кровати, а прямо посреди комнаты — так что устроиться *за* этими кроватями было вовсе невозможно!

— Ой-ой-ой-ой-ой! — Теша зажмурился и пожелал немедленно оказаться в своей любимой детской, через стенку от Нюси и её шкафа. Небось таких испытаний и самому Соколовскому на долю не перепадало.

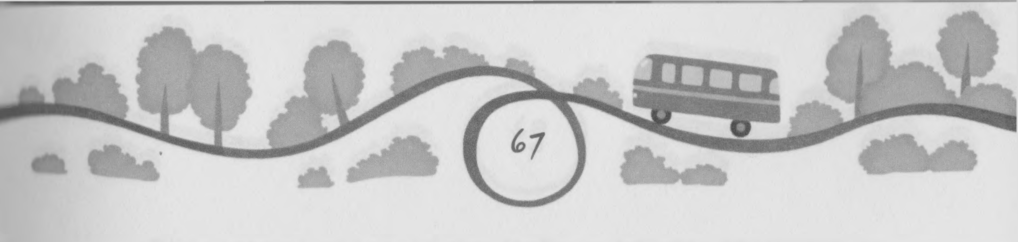
Теша кинулся к ближайшей кровати у стенки и попробовал забраться за неё. Однако здесь оказалось столько пыли, что квартирный немедленно расчихался. Пулей вылетев из своего укрытия, Теша тут же забрался под соседнюю койку. Тут пыли было ничуть не меньше, но обнаружился ещё и в спешке задвинутый кем-то чужой чемодан. Здесь квартирный приостановился: из чемодана отчетливо тянуло шоколадом.

— Хммммм... — Теша заинтересованно потянул носом.— Пожалуй, после таких ужасов стоит перекусить...

Конечно, Теша знал, что этот чемодан чужой, и даже смутно догадывался, что трогать его не стоит. Но что прикажете делать бедному квартирному, когда столовая и кухня — неизвестно где, а кушать от переживаний очень хочется? Он решил, что съест одну, совсем малюсенькую, шоколадку. В чемодане, к слову, шоколадных батончиков, карамели и цукатов оказалось куда больше, чем одежды и чего бы то ни было ещё. Никто и не заметит ущерба в такой куче, уверенно решил Теша.

Спустя полчаса несколько успокоившийся Теша (своё спокойствие он подкреплял время от времени очередной малюсенькой шоколадкой) нашёл наконец себе место в этой комнате. По здравом размышлении он пришёл к выводу, что лучше всего ему будет устроиться за кроватью, которую выбрал Миша. Решив так, он даже удивился, как такой простой вариант не пришёл ему в голову раньше. «Наверное, это я от голода поглупел»,— решил он. Теша без труда определил это место — Миша бросил на свою кровать кепку, а в тумбочку уже положил зубную щетку и мыло.

Вещи домовых людям невидимы — если, конечно же, хозяева вещей не решат иначе. И любой сундук домовых в человеческом чемодане всегда поместится. Так что о том, что в его сумке на колесиках, помимо самого Теши, разместился ещё и огромный сундук последнего, не подозревал до сих пор даже сам Миша Славин.

Теперь, определив «свой угол» на новом месте жительства, Теша решил потихоньку его обустраивать. И первым делом он втащил под Мишину кровать свой кованый сундук.

* * *

Тем временем в столовой подавали суп. О том, что это именно суп, все узнали со слов вожатых, хоть жизненный опыт многих ребят утверждал, что суп обычно выглядит и пахнет несколько иначе.

— Любопытно было бы проанализировать химический состав этого... ммм... продукта,— вздыхал Арам, уныло болтая ложкой в вязкой желтоватой жижице.

— Да,— вздохнул Сёмочкин в пустую тарелку.— Это ужасно. И мало. Надеюсь, хоть второго будет побольше.

Миша и Арам посмотрели на него с уважением. Оба не отличались хорошим аппетитом, а уж доесть тарелку столовского супа представлялось им чуть ли не подвигом.

— А кто тут у нас плохо кушает? — громыхало за соседним столом. Там Клавдия Аркадьевна беспощадно кормила своих «цыпляточек» из младшего отряда. «Цыпляточки» отбивались, как могли, но в её арсенале была очень действенная угроза: к непокорным она подходила и начинала кормить с ложечки. Уже успели пострадать двое, включая Тоху.

Константин Алексеевич и Ксюша обедали за отдельным столом для вожатых. Кроме них, здесь сидели ещё несколько девушек и молодых людей.

— Вот ты, Котенька, и сам, я смотрю, плохо кушаешь,— с упреком выговаривала Клавдия Аркадьевна, решив, наконец, отдохнуть от трудов праведных и присоединиться к банкету.— Оттого и худенький такой. И детки у вас голодные сидят все. Сусенька, ну вот хоть ты бы проследила...

— Клавдия Аркадьевна,— начал Константин Алексеевич громким злым шёпотом,— «детки», я думаю, вполне поедят и без нашего участия. И даже, боюсь, без вашего. И, кроме того, я бы очень попросил вас в присутствии подопечных обращаться ко мне по имени-отчеству.

— Как скажете, Константин Лексеич, как скажете,— легко согласилась Клавдия Аркадьевна, хохотнула и протянула пухлую руку, чтобы потрепать вожатого по щеке. Тот ловко увернулся и быстро встал из-за стола, чтобы унести тарелку из-под супа.

* * *

— Она — сущий кошмар,— жаловалась немногим позже Тоха, сидя на кровати в комнате мальчиков и болтая ногами. Выглядела она при этом как-то странно растрёпанно, но Миша никак не мог понять, что не так с её внешностью.— Еле сбежала. Она там сейчас строит малышню, в какую-то дурацкую игру играть заставляет.

— Малышню? — хмыкнул Арам.

— Ты-то уж молчал бы,— тотчас обиделась Тоха.— Сам от горшка два вершка.

Дёма сразу после обеда ушёл в корпус старшего отряда — знакомиться, как он сказал. Сёмочкин копался в своём чемодане: он съел две порции второго, чем заслужил шумное одобрение Клавдии Аркадьевны, но был все ещё голоден.

— Ничего не понимаю... — начал он, но тут в комнату заглянула вожатая Ксюша:

— Мальчики? Мы сейчас пойдем знакомиться с лагерем, посмотрим главный... — Тут её взгляд упал на Тоху, и она, охнув, осеклась. Глаза вожатой всё расширялись, а Тоха выпрямилась с обычным своим независимым видом, отвернулась к окну и даже попыталась что-то насвистывать. Свистеть она, впрочем, не умела. «Всё-таки девчонка, что с неё взять»,— удовлетворённо подумал Миша.

— Тоня,— с запинкой произнесла вожатая,— милая, скажи, а что с твоими волосами? Ой, ребят, я сяду, пожалуй... — Она бессильно опустилась на одну из свободных кроватей, не спуская глаз с Тохи.

— А что с ними такое? — невозмутимо переспросила Тоха.

— По-моему, их нет... — вздохнула Ксюша.

Ну конечно, девчонки всегда такие вещи первыми замечают, подумал Миша. У Тохи не было больше кос. На её голове топорщились во все стороны неровно обрезанные короткие волосы. При этом кривая чёлка доходила до бровей, а на затылке волосы местами вообще были выстрижены ёжиком.

— А по-моему, креативно,— хмыкнул Арам.

— Вот уж не поспоришь... — Вожатая разглядывала девочку, как диковинный экспонат в музее.

— Они мне никогда не нравились,— пожала плечами Тоха.— Вечно мешаются только.

— Почему же ты не попросила маму отвести тебя постричься в парикмахерскую? — спросила Ксюша, стараясь сохранять ровный тон.

— Она бы мне никогда не разрешила! У неё любимое занятие — заплетать мне косички и выбирать заколочки. «У тебя такие прекрасные волосы, девочка моя!» — Последнюю фразу она произнесла слегка картавя и повысив голос.

— Ну и что нам теперь с тобой делать?

— Ничего особенного,— Тоха посмотрела Ксюше прямо в глаза.— Можно любоваться.

— Ох, горе ты моё луковое... — вздохнула вожатая.— Ножницы-то где взяла?

— С собой привезла,— не моргнув глазом, усмехнулась Тоха.— Я ещё дома решила, что косы сразу обрежу.

— Тащи сюда свои ножницы... попробуем сделать что-нибудь пристойное... с твоей буйной головушкой. Пойду пока что, попрошу Константина Алексеевича самому экскурсию по лагерю провести.

Она вышла из палаты, всё ещё качая головой.

— И чего суетятся,— пожала плечами Тоха.— Подумаешь, волосы...

* * *

Ксюша и Тоха ушли в комнату вожатых — приводить в порядок стрижку, а все остальные отправились

на экскурсию по лагерю. Правда, Мише удалось-таки на несколько минут улизнуть и пробраться в свою палату, пустую и безлюдную.

— Теша! — Он повысил голос.— Теша!

— Ну чего тебе? — Теша выбрался из-под его кровати.

— Я тебе пару булочек из столовой принёс,— Миша вынул из кармана шорт и протянул Теше свои трофеи.— Цени! Все решили, что я вроде Сёмочкина, вечно голодный, в всё ради тебя! И кстати, имей в виду: в поезде — это было свинство!

— Что — свинство? — возмутился Теша, не переставая, впрочем, торопливо жевать булку. Конечно, он прекрасно знал, о чём речь.

— Тромбоновы пирожки! И бутерброды ребят! И помидоры! И всё остальное!

— А мне что делать,— пробубнил с набитым ртом Теша,— я так не могу жить. Я в таких условиях и вымереть могу. И булочки, имей в виду, это для питания квартирного маловато...

— Эх,— вздохнул Миша.— Что с тобой делать... Ладно, что-нибудь придумаем.

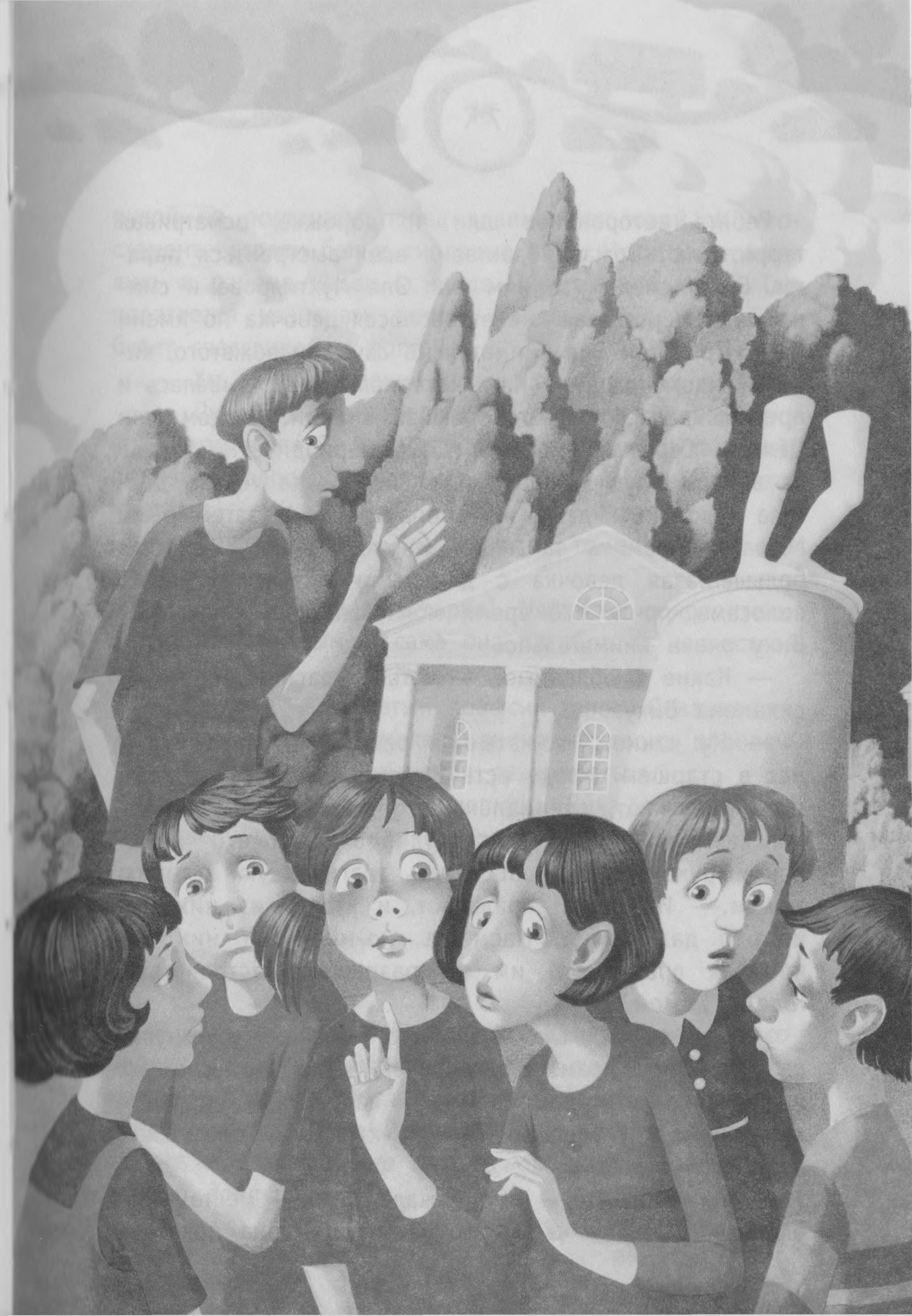
* * *

...Экскурсия получилась довольно скучной. Константин Алексеевич, показывая лагерь, рассказывал что-то явно заученное наизусть. На территории лагеря, кроме большого главного корпуса, столовой и спортивной площадки, располагался с десяток таких

же, как у их отряда, маленьких одноэтажных корпусов, причём некоторые из них пустовали. У одного даже оказались заколочены окна. «Это аварийный корпус, требует ремонта»,— коротко пояснил вожатый. При этом одна из девочек, которая уже бывала в «Солнышке» в прошлом году, рассказывала невероятные истории о том, что в этом корпусе кто-то умер. По её рассказам выходило, что кто-то из детей, живших в корпусе, погиб там под упавшей балкой. С другой стороны, она же сама рассказывала, что балка упала после того, как корпус закрыли. «Что-то здесь не сходится»,— подумал про себя Миша.

— А ещё там влюблённые свидания назначают,— продолжала девочка шёпотом, трагически поднимая брови. Миша уже запомнил, что её звали Викой Незнамовой. Вика трещала без перерыва, нисколько не обращая внимания на монотонный рассказ вожатого. Тот, впрочем, даже не пытался заставить её замолчать, а поскольку Вика рассказывала куда эмоциональнее и не хуже его знала, где что находится, неудивительно, что слушателей у неё в скором времени оказалось больше, чем у Константина Алексеевича.

Внешне Вика чем-то напоминала любопытную лису: у неё было треугольное личико, острый нос и небольшие любопытные серые глаза. Она была невысокого роста и состояла, казалось, преимущественно из локтей и коленок. Стриженные «под каре» гладкие русые волосы она убирала за уши. «Всезнамова» — так окрестил её про себя Миша.

Ребята неторопливо шли по дорожке, осматривая территорию. Вожатый заставил всех выстроиться парами. Сразу следом за ним шли Эля Мухтиярова и симпатичная сероглазая и светловолосая девочка по имени Катя. При этом Эля внимательно слушала вожатого, кивая каждому слову, а Катя нетерпеливо оглядывалась и прислушивалась к разговорам за спиной. Следом шли Дёма и Серёжа Сёмочкин (Дёма периодически хватал за волосы идущую перед ним Элю, но та только дёргала головой и даже не оборачивалась), затем были Миша и Арам, а замыкали шествие Вика и смуглая большеглазая девочка с длинными густыми тёмными волосами, почти всё время молчавшая, но слушавшая Вику очень внимательно.

— Какие влюбленные? — чуть покраснев, переспросила она Вику.

— Ну какие... вожатые, и ребята иногда... Вот у нас в старшем отряде есть Рома и Юля. Они каждый год приезжают, специально чтобы видеться,— Вика, рассказывая, бурно жестикулировала, будто пытаясь и руками тоже рассказать трагическую историю любви.— Их семьи враждуют, и кто-то из них там кого-то даже убил. Насмерть, по-моему. У них там кровная вражда. И им не разрешают встречаться, Юле с Ромой...

— О, бедный Вильям! Я знал его, Горацио,— усмехнулся себе под нос Арам. Его, впрочем, мало кто услышал. А Миша отметил про себя, что надо будет спросить, кто такой этот Горацио. Может, кто-то из вожатых с непростой судьбой.

— А вообще-то,— продолжала Вика,— место влюблённых у нас — вон там, у статуи,— она показала

рукой на постамент перед зданием столовой. На постаменте стояли белые гипсовые ноги. Ноги заканчивались в районе колен, а выше ничего не было.— Там полагается назначать первое свидание. Тогда любовь будет счастливой и долгой.

— Хм. Благословение ногами? — удивился Арам.

— Дурак,— не поворачивая к нему головы, прокомментировала Вика,— там раньше статуя была,— она понизила голос до страшного шёпота: — Это про́клятая Настасья!

— Проклятая?! — ужаснулась темноволосая девочка.

— О, это жуткая история! Настасья покровительствует влюблённым, а сама она погибла от несчастной любви...

— Ребята! — Вожатый повысил голос. Оказывается, он давно пытался привлечь внимание своих подопечных, но только теперь начал раздражаться.

— Потом расскажу,— шепнула Вика и повторила таинственно: — Жуткая история!

* * *

— Кхм! — крякнул Соколовский-Квартирный. Все собравшиеся на чердаке обернулись к нему.— Что могу сказать. В целом, вполне достойно, юноша. Насколько можно судить. Пока. Хотя, однако, не без упущений. И мне, признаться, не такое доводилось видеть! — строго добавил он.

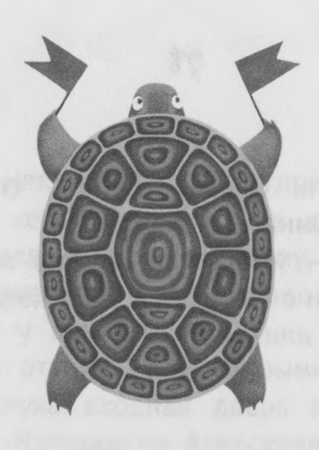
— Да ты погоди! То ли ещё будет! — горячился Теша.

Старый домовой уже не в первый раз прерывал Тешин рассказ своими замечаниями. Правда, ругал он юного квартирного гораздо чаще, чем хвалил.

— Да чего там! — зашумели все сразу.— Давай дальше!

Теша посмотрел на Нюсю. На её мордочке было написано любопытство.

— Очень страшно было,— честно признался он.— И странно!

Глава четвёртая
ПРОПАЖИ И НАХОДКИ

День, наполненный событиями и знакомствами, подходил к концу.

— Вы все тут? — заглянула в палату Ксюша. Тоха и Миша болтали, сидя на подоконнике. Арам ползал под кроватями: по его словам, он потерял своего динозавра.— Пора умываться перед сном. Арам, ты решил собрать всю пыль? Тоня, тебе давно пора в свой корпус, Клавдия Аркадьевна тебя обыскалась. У вас давно отбой.

Дёма, предусмотрительно забежав за кровать так, чтобы от Тохи его отделяла металлическая спинка, показал на своё запястье. Часов там, впрочем, не было.

— Тоха-Полдевятого! — Сам захихикав собственной шутке, он, однако, тут же пригнулся: Тоха ловко запустила в него подушкой. Впрочем, предпринять что-то ещё она уже не успела: Ксюша, взяв её за плечо, бесцеремонно выставила девочку из палаты. На самом деле шёл уже десятый час.

— А Сёмочкин Серёжа где? — спросила вожатая, снова окинув комнату взглядом.

— Не знаю,— Миша равнодушно пожал плечами,— его, кажется, давно не было... Мы когда гулять ходили, он с нами был или нет?

— По-моему, нет,— неуверенно произнёс Арам, пытаясь отряхнуть серые следы пыли с белой футболки.— Он ещё после ужина, по-моему, пропал.

— После ужина? — Ксюша как будто побледнела.— Может, он у девочек?

Не дожидаясь ответа, она быстрыми шагами вышла из палаты. Хлопнула входная дверь корпуса. Слышно было, что вошёл Константин Алексеевич, Ксюша что-то сказала ему, и оба торопливо вышли.

В ту же минуту дверь палаты снова распахнулась и в проёме появилась Вика с сияющим лицом, на котором большими буквами было написано: «Я знаю страшную тайну!»

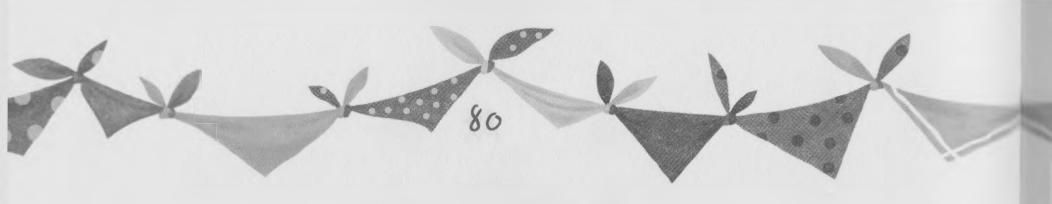
— А вы знаете... — с восторгом начала она,— в нашем отряде мальчик пропал!

— Уже в курсе,— заметил Арам, заглядывая за свою кровать.

— Да что ты там всё ищешь? — слегка раздраженно воскликнул Миша. Он опасался, что Арам может ненароком увидеть Тешу. Объяснять кому-то, что квартирный приехал за ним присматривать, ему совершенно не хотелось.— Ты Сёмочкина там надеешься найти?

— Ээээ... а почему бы и нет? — нашёлся Арам.— В конце концов, такой обжора наверняка и спит неплохо. Может, заснул где-нибудь... Вот мне бабушка рассказывала, что моя мама в детстве засыпала строго по часам — в десять ноль-ноль. Где бы ни была. Залезла, например, под кровать за чем-нибудь, десять ноль-ноль — все, там и отключилась. Может, наш Сёмочкин такой же?

— Так вроде и нет ещё десяти ноль-ноль? — удивился Миша.— Или уже есть?

— Ну, наверное, у него другой какой-то график. Может, он в девять выключается.

— Так, может, его по корпусу поискать надо? — неуверенно спросил Миша.— А то Ксюша сразу куда-то на улицу побежала...

— Я думаю,— с воодушевлением сообщила Вика,— с ним случилось что-то ужасное! В этом лагере полным-полно привидений, его наверняка утащили и съели. И теперь он сам будет являться по ночам!

— И просить пожрать,— вклинился Дёма. В привидения он не верил.

Слышно было, как открылась входная дверь корпуса, и кто-то тяжело прошёл по коридору.

— Ну мы можем поискать... найдём где-нибудь его искалеченное тело... — задумчиво продолжала Вика.

— Тьфу на тебя! — рассердился наконец Арам.— Какое ещё тело?! Пошли!

Все вместе — Миша, Арам и Вика — вышли из палаты. Дёма, поразмыслив полминуты, решил, что хоть он и не верит в привидения, но оставаться в комнате одному всё же не очень хочется. С криком: «Подождите!» — он кинулся следом за остальными.

— Так,— сразу приняла командование на себя Вика,— вы осмотрите пока душевые и туалет для мальчиков, а я позову девчат, мы посмотрим в холле.

— Нет уж,— возразил Миша,— искать — так всем вместе. И к тому же вряд ли он заснул в туалете или в душе, это уж особенный талант нужно иметь.

— Откуда нам знать про его таланты? — философски заметил Арам и направился в сторону общего холла. По дороге он почему-то очень внимательно смотрел себе под ноги и заглядывал во все углы.

Вика по пути заглянула в свою палату.

— Айда с нами труп искать! — жизнерадостно крикнула она.

Катя и темноволосая девочка, сидевшие на одной кровати, одновременно взвизгнули и прижались друг к другу. Эля Мухтиярова, которая читала, лёжа поверх застеленного покрывала, закрыла книгу, заложив её цветным календариком с какими-то пометками.

— Какой ещё труп? — спокойно спросила она.

— Да не труп, а этого обжору, который где-то задрых,— недовольно пояснил Дёма.

Эля молча поднялась с кровати и решительно вышла в коридор к остальным. Две другие девочки вышли, по-прежнему боязливо обнимая друг друга за талию.

В холл ребята ввалились всей гурьбой. Эля Мухтиярова с очень серьёзным лицом шла первой. Время от времени она отдавала негромкие чёткие указания непререкаемым тоном. Впрочем, слушать её всем было недосуг. Вика просто наслаждалась происходящим, другие девочки испуганно озирались, Дёма плелся позади всех, делая вид, что его это вовсе не касается, Миша старался держаться от него подальше, а Арам был занят какими-то собственными поисками. Зайдя в холл, он первым делом заглянул под диван и под кресла, а потом принялся приподнимать подушки и покрывала.

— Ты что, думаешь, он под подушкой притаился? — негромко съязвил Миша.— По-моему, для этого он крупноват...

— Кто знает, кто знает... — пробормотал себе под нос Арам.— Некоторые проявляют чудеса изворотливости, когда хотят, чтоб их оставили в покое.

Ребята уже осмотрели все углы и даже шкафы в холле, но Серёжи нигде не было.

— Смотрите! — свистящим шёпотом прошелестела Вика, заглянув за шкаф, неплотно примыкавший к дальней стене холла.

Все кинулись к ней, ожидая увидеть нечто невероятное, и сгрудились за её спиной.

— Что там? — робко спросила Катя, которой ничего не было видно. Её подружка, крупно вздрагивая, уткнулась носом ей в плечо.

За шкафом была дверь. Широкий шкаф, как оказалось, стоял почти в метре от стены, образуя коротенький коридорчик. А в стене прямо за ним располагалась крашенная белой краской дверь, никем до сих пор не замеченная. Дверь была неплотно прикрыта, из-за неё доносились какие-то шорохи и шаги.

— Пахнет чем-то жареным,— сказал Арам, поводя носом.

— Вот! — торжествующе воскликнула Вика.— Там его и доедают!

— Пропусти-ка,— Эля решительно отодвинула Вику от прохода, подошла к двери и рванула ручку на себя. Остальные вытянули шеи, кое-кто сделал несколько шагов вперёд...

За дверью была небольшая комната с двумя кроватями, столом и шкафом. На окне висели кокетливые занавески с оборками, стены были увешаны фотографиями, а обе постели застелены одинаковыми — явно не казёнными — цветастыми покрывалами. На столе лежала белая скатерть с вышитыми по краю попугаями, поверх скатерти была расставлена сервизная

посуда — кто-то, очевидно, собирался пить чай. На тумбочке возле одной из кроватей стояли какие-то баночки, тюбики и флаконы, на другой располагалась электроплитка, на которой стояла скворчащая сковородка.

В комнате царила Клавдия Аркадьевна. Вооружившись вилкой и деревянной лопаткой, она осторожно переворачивала пирожки на сковородке.

— Не спится, зайчики мои? — Обернувшись на скрип двери, она сразу расплылась в улыбке.— Кушать небось хочется? У меня пирожочки как раз скоро поспеют. Вкусненькие, домашние! Будете? — Тут она как будто опомнилась и удивилась: — А чего вы, цыплятки, не спите-то, бродите?

— Мы,— Эля попятилась,— мы... мы нечаянно зашли.

— Ну и ладушки. Тогда давайте баиньки ложитесь. Ксюша с Котей вас ещё не укладывали? Мои малышата угомонились уже.

— Мы сейчас ложимся, Клавдия Аркадьевна,— закивала Эля.

— Только вы уж... — Клавдия Аркадьевна замолчала на секунду, потом кинулась к тумбочке и извлекла из неё пакет печенья: — Вот, угощайтесь! Только Зое Валерьевне про мою плиточку не говорите, заиньки, ладно? — Она протянула пакет Эле. Та взяла его и, не глядя, сунула в руки Мише, стоявшему к ней ближе всех.

— К-какую плиточку?

— Электрическую. Ни к чему ей это.

Эля закивала и поспешно закрыла дверь.

— Куда теперь? — буднично спросил Арам.

— Куда-куда,— сердито передразнила Эля.— По койкам! Хватит уже, наигрались в детективов. Того и гляди, к директрисе вломимся.

— Директриса не в нашем корпусе,— возразила Вика.— Она в главном.

Арам первым развернулся и вышел из холла в коридор, за ним следом потянулись остальные.

Однако первой странное движение впереди заметила все-таки девочка с тёмными волосами. Издав невнятное восклицание, она прижала одну руку к губам, а вторую протянула вперёд, указывая на что-то шевелящееся на полу коридора.

— Че! — завопил Арам.— Стой, мерзавец! — С этими словами он буквально рухнул на пол и схватил то самое нечто, что шевелилось в тёмном углу.— Нервы у вас никуда не годятся, барышни,— оглянулся он, ещё стоя на коленях и радостно прижимая черепаху к груди.— Обыкновенная черепаха. Европейская болотная. Самец. Характер нервный. Зовут — Че Геварра...

В этот момент дверь корпуса распахнулась. Арам поспешно сунул черепаху за пазуху.

Первым вошёл угрюмый Серёжа Сёмочкин. Молча, ни на кого не глядя, он прошёл в палату и закрыл за собой дверь. Следом вошли Ксюша и Константин Алексеевич.

— Что вы все здесь делаете? — изумилась Ксюша.— Немедленно мыть ноги, умываться и по палатам!

— А мы уже умылись, пока вас не было,— не моргнув глазом, соврал Дёма.

— Тогда отбой! — Константин Алексеевич сделал свирепые глаза и указал на дверь палаты.

Спустя двадцать минут все наконец угомонились.

— Если что-то будет нужно,— сказала Ксюша, собираясь выходить из палаты мальчиков,— обращайтесь ко мне. Константин Алексеевич спит в другом корпусе, в общей вожатской. А я — в этом, вместе с тетей... с Клавдией Аркадьевной. Так что меня в случае чего всегда можно позвать. К нам из холла можно попасть...

— А мы уже знаем,— брякнул Дёма.

Ксюша посмотрела на него с удивлением, но спрашивать ничего не стала.

— Спокойной ночи! В случае чего — я у себя! — Константин Алексеевич нажал на кнопку выключателя, и свет в палате погас. Минуту ребята пролежали в тишине.

— Сёмочкин! — громко зашептал Миша. Серёжа лежал на своей кровати, отвернувшись от всех к шкафу.— Сёмочкин!

Серёжа слегка всхрапнул.

— Да брось, ну все же знают, что ты не спишь. Мы тебя искать даже ходили! А где ты был?

Сёмочкин помолчал немного, но потом всё же решился ответить.

— Я в городок хотел сходить,— сказал он тихо, не поворачиваясь к остальным.— Мы же ехали недолго оттуда. Я так думаю, что и дошёл бы... если б не поймали.

— Ничего себе! — Миша даже приподнялся на своей кровати.— А зачем ты туда пошёл?

— У меня все шоколадки из сумки пропали,— трагически прошептал в ответ Сёмочкин.— Я без них совсем не могу. Думал ларёк какой найти, купить себе вкусненького чего-нибудь... с изюмом там или с арахисом. Или с изюмом и арахисом сразу...

Дёма прыснул в подушку. Арам тронул Мишу за плечо и молча указал глазами на тумбочку между их кроватями. На ней лежал, забытый всеми, пакет с печеньем Клавдии Аркадьевны. Миша кивнул.

— Серёж,— Арам почесал у себя за ухом,— тут тебе... гостинчик от белочки передали...

— Угу,— расхохотался Миша,— маленькой белочки!

* * *

Теша страдал. Во-первых, ему было очень голодно. От всех волнений и переживаний и без того всегда прожорливый квартирный чувствовал просто-таки зверский аппетит. Принесенные Мишей с ужина булочки и несколько кусочков хлеба показались ему совершенно неубедительными. А выйти из корпуса на поиски столовой он не решался.

Вдобавок Теше было одиноко. Дома ему всегда было с кем поболтать — кругом было полным-полно других квартирных, анчуток и прочих *разных*, всегда можно было сходить к кому-нибудь в гости, да и Миша, оставаясь один в комнате, любил с ним поболтать или поиграть. Теперь же Миша постоянно был чем-нибудь занят и практически ни на минуту не оставался один в комнате. Показаться посторонним людям было бы уж вовсе против всех Правил, а потому Теша практически весь день просидел безвылазно под Мишиной кроватью, чувствуя себя при этом очень несчастным.

Услышав хруст печенья с кровати Сёмочкина, Теша сразу догадался: его предали! Кому-то отдали *его* печенье, выстраданное и заслуженное всем этим страшным днём.

«Ну и ладно,— подумал Теша.— И не очень-то хотелось. А потом, значит, «не тронь чужое», «это не наш помидор»! Тьфу!» После этого мысли Теши направились в новое русло. Сумки мальчиков он уже все обследовал. Он точно знал: в них не осталось ничего съестного. Он слышал также, что в соседней комнате живут девочки. Наверняка у них-то что-нибудь найдётся. И вот тут перед квартирным вставал непростой выбор.

Дело в том, что, согласно Правилам, домовые и квартирные могут брать в «своей» квартире всё что вздумается. И для них это вовсе не считается кражей. Правда, если хозяева — люди начнут свою вещь искать, квартирный тотчас же обязан её вернуть и положить на самом видном месте. А если вещь никто не ищет — значит, она не очень-то и была нужна. Правда, из этого правила есть одно исключение — носки. Да-да, все квартирные коллекционируют носки, и их они не возвращают никогда. Зато они забирают только по одному носку из пары — чтобы всё было по-честному.

Впрочем, носки сейчас волновали Тешу меньше всего. Теша был голоден.

Но что считать своей квартирой, если ты не дома?

В конце концов он пришел к выводу, что исследовать корпус он просто обязан.

«Во-первых,— рассуждал он,— это как квартира. А в квартире много комнат. Все мои. Другого квартир-

ного вроде же нет? Нет! Значит, мои. А во-вторых, хозяйственный квартирный должен поддерживать порядок в своих владениях. И знать их. Точно! Соколовский бы меня одобрил...»

Придя к такому заключению, он мигом пробрался сквозь стену в палату девочек и оказался под пустующей кроватью. Возле стены, видно с каких-то незапамятных времен, валялась пыльная стеклянная бутылка из-под колы.

Девочки не спали. Одна только Эля Мухтиярова дисциплинированно лежала в постели с закрытыми глазами и пыталась уснуть. Остальные, приподнявшись на локтях в своих кроватях, делились впечатлениями этого дня. Теша решил пока притаиться.

— Этот Арам — слишком болтливый,— высказывала Вика. Остальные девочки прыснули.— Что?! А я-то что?! Я не болтливая, я общительная!

— А мне понравился Денис,— призналась красавица Катя.— Мне показалось, он такой сильный, интересный... А тебе, Алён, кто из мальчиков понравился?

— Я... Я не знаю пока,— смутилась темноволосая Алёна.

— А как вам наш вожатый? — не унималась Катя.— По-моему, он довольно интересный...

— Угрюмый какой-то,— заметила Алёна и снова засмущалась.— Мне кажется, он здесь не хочет на самом деле работать.

— Его заставили! — оживилась Вика.

— Чепуха,— отмахнулась Катя,— мне кажется, он просто грустный. Может, у него несчастная любовь? Вы видели, как он смотрел на нашу Ксюшу?

— Как? — в один голос переспросили Вика и Алёна.

— Страдая! Он наверняка влюблён. Бедняга.

— А вот тот маленький мальчик, рыжий,— неуверенно начала Алёна,— который к нашим ребятам заходил,— он не в нашем отряде?

— Рыжий? — переспросила Катя недоуменно.

— Как-то его так зовут... Тоха, что ли? Антон, наверное...

— Знаешь,— не совсем уверенно ответила Катя,— по-моему, это девочка...

В этот момент у Теши, сидевшего под кроватью, затекли ноги. Попытавшись сменить положение, он неловко дёрнул хвостом и задел бутылку. Та, звякнув, выкатилась из-под кровати.

Девочки разом завизжали. Через несколько секунд в комнату влетела перепуганная Ксюша и включила свет. Все девочки сидели на своих кроватях, натянув одеяла до подбородка. Даже Эля подскочила от визга. При виде вожатой все повернули головы и заговорили одновременно.

— Здесь привидения! — вопила Вика.— Я же говорила!

— Здесь мыши! — кричала более практичная Катя.

— Здесь кто-то есть... — испуганно и неопределённо шептала Алёна.

— Да дайте же поспать, трещотки! — возмущалась Эля.

— Тихо, девочки! — Ксюша подняла руку в останавливающем жесте. Вторую руку она прижимала к груди.— Все живы? Все целы?

«Лучше я зайду сюда завтра... — решил Теша.— Нервные они тут все какие-то. У них, видишь ли, нервы, а мне спать теперь голодным...» С этими мыслями он снова перебрался сквозь стенку в комнату мальчиков.

* * *

Всю ночь в коридоре поскрипывали половицы и слышались глухие вздохи. Что-то стучало под полом. Спалось неспокойно.

Глава пятая

СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ, или О ЧЁМ ГРУСТИТ НАСТАСЬЯ

— Вы сегодня уже опытные, всё в лагере знаете,— торопливо объясняла Ксюша на ходу,— теперь вам нужно помочь расселиться остальным ребятам, всё им показать и рассказать...

В ворота уже въезжал знакомый полосатый автобус. Ребята, которые провели не самую спокойную ночь в своей жизни, и в самом деле чувствовали себя умудрёнными опытом в сравнении с новичками.

— Гроссман, Доброхотов, Исакова, Куковицкие! — выкликал Константин Алексеевич у открытой двери автобуса. Он хотел помочь выгрузить багаж, но сумки уже вытаскивал высокий сутулый мужчина с залысинами на голове.

— Это Михалыч,— шепнула Вика,— завхоз.

Вместе с вожатым к ребятам подошли два мальчика в одинаковых полосатых футболках и две неразличимо похожие девочки-близняшки. Ещё одну девочку, с

заплаканными глазами и опухшим лицом, держала за руку незнакомая женщина.

— Ну, ребята,— откашлявшись, начала Ксюша,— наконец-то мы все в сборе! Давайте отойдём к нашему корпусу и начнём знакомиться!

— Погодите,— строго прервала её женщина.— Дайте с ребёнком попрощаться!

— А вы, простите, кто? — опешила Ксюша.

— Я — мама Лизаньки Исаковой! — сообщила незнакомка.— И я хочу предупредить вас, Лиза у нас очень ранимая девочка, я просто вынуждена просить вас отнестись к ней с особым вниманием!

— Но, но обычно у нас... с родителями прощаются на станции... — растерялась Ксюша.

— Лизанька — не обычная девочка! — с нажимом проговорила мама, требовательно ухватив Ксюшу за локоть.— Ей требуется внимание! Я не могла оставить её, не убедившись, что здесь всё в порядке.

— Мам, я домой хочу,— всхлипнула девочка, снова готовая разреветься.

— Ну что ты, радость моя,— женщина присела на корточки и расцеловала дочь в обе щеки,— я поговорю сейчас с директором и осмотрю весь лагерь. Но уверена, с тобой здесь всё будет в порядке!

— Бедная Лиза! — пробормотал Арам с усмешкой.

— Жжжжуть! — шептала между тем Вика.— Кошмррррр!

— Чего такое? — без особенного интереса переспросил Миша. Он уже усвоил, что Вика способна найти что-нибудь «жуткое» на ровном месте, а уж если не найдет, то непременно выдумает.

— А вы знаете, что нас в отряде — *тринадцать*! Это дурной знак!..

Девочки-близняшки ссорились между собой, похоже было, что одна из них взяла у другой то ли заколку,

то ли туфли. Мальчики в одинаковых футболках — в красно-синюю вертикальную полоску (только у одного на спине была цифра «7», а у другого — «9») — продолжали какой-то спор.

— Месси — супер! — доказывал один.— Столько голов за один сезон...

— Да все равно Пеле по количеству золотых медалей пока ещё никто не переплюнул! — горячился другой.

— Не помешаю? — вклинилась между ними бойкая красавица Катя. За ней, опустив глаза, подошла и смуглая темноволосая Алёна.— Меня Катей зовут, Величко, а это вот Алёна Гасанова.

— Дима! — хором сказали оба мальчика и одинаковым жестом протянули руки.

Катя захихикала, но протянутые руки всё-таки пожала по очереди:

— А вы не братья?

Мальчики удивленно переглянулись, замотали головой и хором сказали:

— Неееееe...

Потом один из них, повыше, с более тёмными волосами и с цифрой «9», пожал плечами:

— Мы только что в автобусе познакомились. Мы вообще из разных городов.

— Похоже, встретились родственные души,— прокомментировал Арам.

В конце концов, договорились, что одного из них все будут звать Димой, а другого — Митей, чтобы не путаться.

«Ну и отряд,— тоскливо думал Миша.— Мало мне дубины Квасникова! Плакса ещё эта. Всезнайка-сплет-

ница какая-то. Футболисты чокнутые. Катя-воображала. И Тоха тоже. Да она, вообще, и не наша даже. Да и Арам — вундеркинд, тоже мне... Зазнайка. Ну и каникулы будут...»

* * *

Общелагерная линейка проходила на спортивной площадке. Вела её директриса лагеря Зоя Валерьевна, которую уже все в шестом отряде привычно звали Нагайной.

— Итак,— говорила она в микрофон,— я объявляю о торжественном открытии очередной смены в нашем лагере «Солнышко»! Ура!

«Ура» нестройно подхватили некоторые из ребят, и Нагайна замолчала, чтобы подождать, пока все откричатся.

— Кое-кто из вас,— продолжила она,— с нами уже не первый год. И я прошу этих ребят рассказать остальным о дисциплине в нашем лагере. Но на всякий случай я поясню сама. Детский оздоровительный лагерь «Солнышко», которым я имею честь руководить, является образцовым учреждением. Однако и у нас порой происходят... всевозможные ЧП. Что я считаю неизбежным, когда в одном месте собирается столько детей. И за детские шалости мы по-детски и наказываем. А за серьезные — наказываем всерьёз. Ставим в угол, например. Вот в шестом отряде у нас уже есть кандидат постоять в углу — господин Сёмочкин первым в новом сезоне заслужил эту сомнительную честь.— Серёжа Сёмочкин при этих словах опустил голову и

постарался скрыться за спинами других ребят.— Виновный в серьёзных проступках отправляется на так называемую Камчатку — в красный уголок, который находится у нас на первом этаже главного корпуса.

Миша зевнул.

— У нас в прошлом году,— громко зашептала Вика,— один мальчик за всю смену моря так и не увидел. А как-то, говорят, был случай, что кто-то на Камчатке все три смены просидел, целое лето! А его мама, кстати, только рада была, что с ним сладили хоть как-то...

— Ну и наконец,— не унималась Зоя Валерьевна,— сложный вопрос. О телефонах. Ваши родители проинформированы об этом моменте. Мы находимся в природной «чаше». По две стороны от нас — лес, с третьей стороны — горы, с четвертой — море. Здесь не ловят сотовые. Думаю, все, кто, несмотря на предупреждение, приехал с телефоном, уже успели в этом убедиться. Поверьте, через неделю-две, в течение которых вам никто не позвонит, телефон превратится в игрушку, и вы запросто забудете его — на пляже, в лесу, где угодно. Во избежание потерь я прошу всех сдать свои мобильники вожатым. Они будут храниться под замком в моём кабинете, и перед отъездом вы получите их назад. Проводной телефон, по которому вы можете звонить родителям, также находится у меня. Что ж, надеюсь, мы разобрались с оргвопросами и можем теперь перейти к развлекательной части нашего мероприятия...

На площадку вышли Тромбон и несколько девочек в длинных сарафанах и кокошниках. Арам негромко застонал...

Репрессии начались сразу после линейки: Нагайна требовала, чтобы Сёмочкина наказали за побег. Правда, Ксюше удалось уговорить её отложить наказание на вечер, чтобы Серёжа не пропустил общую игру.

Вся вторая половина дня прошла в игре «по станциям» — Ксюша разрисовала на листе ватмана красивый «маршрутный лист», и ребята всем отрядом бегали от одного пункта к другому, выясняя, какого цвета занавески в кабинете у директрисы и умеет ли плавать техничка. В разгар игры пропали Митя Гроссман с Димой Доброхотовым. Впрочем, найти их удалось довольно быстро — по грохоту и звону битого стекла. Оказалось, мальчишки успели разыскать в главном корпусе кладовую со спортивными снарядами, найти футбольный мяч и высадить окно в кабинете директора. Завхоз Михалыч, осмотрев место происшествия, молча принялся сметать осколки, предоставив Ксюше ахать и охать, ругаясь на своих подопечных.

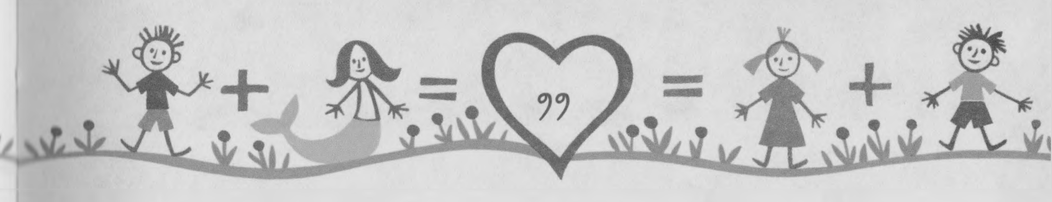
Возвращались в свой корпус уже в сумерках. Предстояло придумать название и девиз для отряда. Ксюша предложила обсудить это в холле. Она зажгла длинную парафиновую свечку и попросила Константина Алексеевича погасить свет. «Так интереснее!» — объявила вожатая.

— Серёж... Ну тебе пора... отбывать наказание.

— Угу,— Сёмочкин повесил голову.

— Константин Алексеевич, вы отведёте его в красный уголок? — Ксюша вопросительно посмотрела на вожатого, все ещё стоявшего в дверном проёме.

Тот молча кивнул, подождал, когда к нему подойдёт Сёмочкин, и решительно положил руку ему на плечо. От хлопка двери, закрывшейся за Серёжей и Констан-

тином Алексеевичем, пламя свечи дрогнуло и погасло. На секунду воцарилось молчание — всем стало слегка жутковато.

— Я... сейчас! — Ксюша чиркнула в темноте спичкой, но та сломалась.

Лизанька шумно сглотнула.

В этот момент стоявший в углу телевизор внезапно ожил и зашипел. Экран вспыхнул голубоватым светом, по нему пошла рябь, замелькали переключаемые каналы. Ксюша от неожиданности выронила спички, кто-то из девочек закричал.

— Ребята,— нашлась, наконец, вожатая,— у кого пульт от телевизора?! И... и включите кто-нибудь свет!

Эля уже стояла возле выключателя. Через секунду свет вспыхнул, однако телевизор продолжал шипеть и мигать. Пульта ни у кого не было. Дима Доброхотов и Митя Гроссман одновременно пожали плечами. Арам почему-то вдруг начал кружить по комнате, время от времени поднимая руки. Все, включая Ксюшу, в изумлении смотрели на него. «Вот так, наверное, люди и сходят с ума,— подумал Миша.— Жалко. Неплохой, в сущности, был Арам. С такого-то умищи попробуй не сойди. Все-таки толстые книжки на английском до добра не доводят...»

— Жжжжжуть! — шептала Вика Незнамова.

— Чисто теоретически,— спокойно начал Арам, продолжая расхаживать туда-сюда,— луч от пульта должен идти по прямой. Перемещаясь по комнате, я пробовал заслонить телевизор от луча, чтобы вычислить его траекторию. Сигнал прекращается, только если я стою здесь,— он остановился,— и это означает, что сигнал идёт... с дивана!

Арам обвиняюще вытянул руку, и все немедленно обернулись к дивану напротив телевизора. Диван был совершенно пуст, если не считать пары подушек. Однако Эля решительно подошла к нему и раскидала подушки.

— Домбаян,— процедила она сквозь зубы,— разберись с этим...

Ребята моментально сгрудились вокруг дивана.

Под подушкой верхом на пульте от телевизора мирно лежала черепаха по кличке Че Геварра, европейская болотная. Самец.

* * *

Днём Теша всё не решался внимательно осмотреться в спальне девочек — в комнату периодически кто-нибудь забегал, и приходилось быстро прятаться. Для него страшно непривычным оказалось то обстоятельство, что в его новом «доме» так много детей. В родной квартире видеть Тешу способен был только Миша, при взрослых же квартирный мог хоть колесом ходить. А здесь приходилось прятаться непрерывно, разоблачение грозило каждую минуту!

Услышав, как заскрипела входная дверь корпуса, Теша осторожно выглянул в коридор и выяснил, что весь отряд в полном составе, вместе с вожатыми отправился в общую комнату. «Отлично!» — Теша даже потёр лапки от удовольствия. Значит, в ближайшее время в спальни никто не зайдёт. Весело помахивая хвостом и что-то мурлыча под нос, он направился к своей уже любимой тумбочке.

— Я сейчас, только возьму у себя кое-что и сразу, я быстро! — торопливо проговорил Серёжа Сёмочкин, забегая в комнату и захлопывая дверь перед самым носом вожатого. Он обернулся к своей тумбочке и замер.

Замер и Теша, до этого момента торопливо что-то жевавший, наполовину забравшись в тумбочку Сёмочкина. Наружу торчали только его коротенькие ножки и длинный тонкий хвост, который подергивал кончиком в такт жевательным движениям Тешиных челюстей.

— Ой... — тихо проговорил Серёжа, без сил привалившись к двери.

Теша проглотил недожёванный кусок булки.

— Э... галлюцинация? — задумчиво спросил Серёжа то ли Тешу, то ли самого себя.

— Сам ты эта... цинация,— проворчал Теша, дёрнул хвостом, вздохнул и вылез из тумбочки.— Теша я. Закроватный. Квартирный. Кушаю вот.

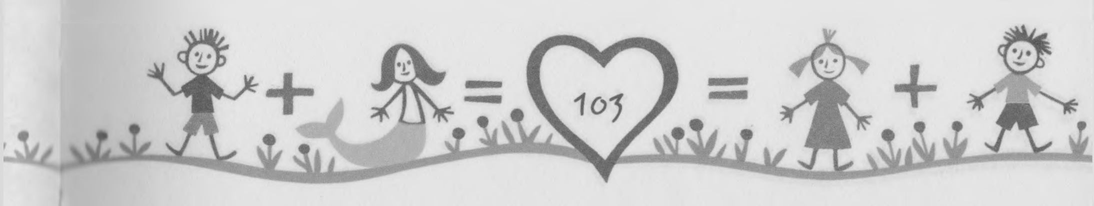
— Галлюцинация,— печально заключил Серёжа.— Ещё и разговаривает. И ест, главное... Мои же булочки и ест. Это у меня от голода, значит...

— Голод — это да,— загрустил и Теша,— голодно тут, ничего не скажешь...

— И шоколадки у меня все пропали, и даже булочки из столовой всё время... Так это ты, что ли, мои булочки схомячил? — опомнился Сёмочкин и даже, кажется, от этой мысли разом поверил в Тешину реальность.

— Эй! — Вожатый попытался снаружи открыть дверь, к которой Серёжа привалился изнутри.— Ты что там делаешь? Давай быстрее уже!

— Я сейчас! — крикнул Серёжа, обернувшись.

— Слушай! — торопливо зашептал Теша: — А где ты свои конфеты доставал? У нас дома они всегда были в кухонном шкафчике, а здесь я всё никак не найду местного месторождения....

Серёжа странно посмотрел на Тешу и вздохнул.

— Боюсь, родятся они в магазине в городке... идти туда надо. И покупать. А меня сейчас в красном уголке каком-то запрут... нельзя нам в город.

— Хм... — Теша внимательно осмотрелся вокруг.— Запрут, говоришь? А если выберешься, прихватишь на мою долю тоже?

— Да уж куда там — выбраться...

— Рюкзак возьми,— посоветовал Теша и деловито схватил первый попавшийся рюкзак.

— Стой! Это же не мой, это Домбаяна... вот этот мой...

...Через минуту Серёжа вышел из комнаты, поправляя на плече чем-то туго набитый рюкзак.

— Булочки взял, чтоб не скучно было,— бодро пояснил он недоумевающему вожатому. Тот посмотрел на рюкзак, готовый, казалось, лопнуть, но, ничего не сказав, молча пошёл показывать дорогу.

* * *

Красным уголком называлась одна из комнат на первом этаже главного корпуса. Когда-то давным-давно здесь стоял пионер на вахте и хранились всевозможные дипломы и награды, не говоря уже о знамёнах. С тех пор в комнате осталось немало хлама — те же самые знамёна, гипсовые бюсты, какие-то грамоты

в рамках... Потом комната превратилась в кладовку: сюда приносили ненужные вещи, которые вроде бы отслужили свое, но выкинуть жалко, да и числятся на балансе лагеря. Из мебели здесь были стол, накрытый скатертью из тёмно-красного бархата, несколько колченогих венских стульев и большой комод, зачем-то принесёный сюда в незапамятные времена. В комоде хранились кипы методической литературы по педагогике и папки со сценариями старых праздников. В разных углах комнаты в беспорядке валялись гитара без одной струны, старый пионерский горн и груды каких-то тряпок.

Во времена правления строгой Нагайны здесь высиживали часы наказания провинившиеся из младших отрядов.

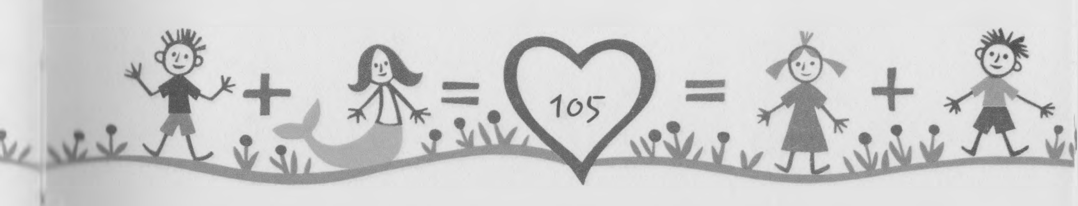
— Тебе назначили тут час сидеть,— сообщил Константин Алексеевич.— Можешь ну порисовать тут,— он огляделся вокруг, но никаких принадлежностей для рисования не нашёл,— ну или почитать... — Он указал на невнятные корешки книг на комоде.— Я перед отбоем за тобой зайду.

Дверь закрылась за вожатым, ключ повернулся в замке, и тотчас же рюкзак за спиной Сёмочкина зашевелился.

— Можешь меня выпускать,— сообщил Теша.

— Ага,— Серёжа, неловко поворачиваясь и слегка подпрыгивая, высвободился из лямок рюкзака, поставил его на пол и развязал тесёмки.— Ну и как ты предлагаешь отсюда выбираться?

— Сквозь стену,— буднично ответил Теша. Удивительное дело, но, хоть Теша доставал ростом почти до плеча Сёмочкина, он без особенного труда по-

мещался в его рюкзаке. А если бы захотел, то поместился бы, наверное, и в сумке поменьше.— Пошли! — Он схватил Серёжу за руку и решительно направился к стене с окном. Из наглухо запаянного окна открывался вид на забор, которым была обнесена территория лагеря.

— Постой! — Серёжа едва успел подхватить свой изрядно полегчавший рюкзак, по инерции сделал несколько шагов следом за Тешей... и оказался на улице.

— Обалдееееть... — пробормотал Серёжа, озираясь и тряся головой. Теша между тем неожиданно прижался к нему и крупно задрожал.

— Ты чего? — удивился Сёмочкин. Странные события сменяли друг друга, так что Серёжа уже забыл удивляться само́му факту существования Теши.

— Н-ничего,— пробормотал Теша, подрагивая и нервно дёргая хвостом,— страааашно... На улице всегда так, я уже знаю.

— Да что страшного-то? — Серёжа недоумённо оглянулся.

— Стен нет, потолок высоченный, пол непонятно какой,— Теша указал лапой на небо, затем на землю,— даже цветы без горшков, безобразие... Тьфу! Пошли, в общем!

Почти силком Теша подтащил своего спутника к забору, и без всякого труда оба прошли сквозь него.

— Ну вот,— Теша отвел глаза,— дальше сам доберёшься? Не могу я от дома далеко уходить...

— Доберусь, чего уж,— Сёмочкин пожал плечами.

— Ну и ладушки,— торопливо закивал Теша,— ты только про мои конфеты не забудь... Ну всё. Ну, я побежал.

Серёжа Сёмочкин только кивнул и некоторое время ещё смотрел вслед быстро удаляющемуся квартирному. Сквозь прутья забора было видно, как тот бежал — мелко перебирая короткими ножками и поджав длинный хвост — к корпусу отряда. Потом мальчик пожал плечами — чего только не бывает! — повернулся и зашагал прочь от лагеря.

* * *

На чердаке было шумно.

— Нельзя в жизнь людей вмешиваться! — сурово бурчал Прокопий Капитонович. С ним неожиданно согласились и Маруня, и Соколовский-Квартирный, без поддержки которых Теша чувствовал себя особенно неуютно.

— Подумаешь, Правила! — с горячностью выкрикивала Нюся.— Я их сама сто раз нарушала! Сто раз! И ничего!

С Нюсей соглашалась почти вся молодёжь — квартирные, анчутки и все прочие. Мавка из-под ванной вообще считала, что Теша поступил необычайно романтично, и загадочно смотрела на него из-под полуопущенных ресниц. Теше было не по себе.

— Чего уж там,— вздохнул он, наконец,— я теперь вообще, можно сказать... преступник.

Мавка и Нюся одновременно вздохнули и расплылись в мечтательных улыбках.

* * *

...К вечеру над лагерем и лесом засобирались тучи. Где-то вдалеке сверкали молнии, слышались отдалённые раскаты.

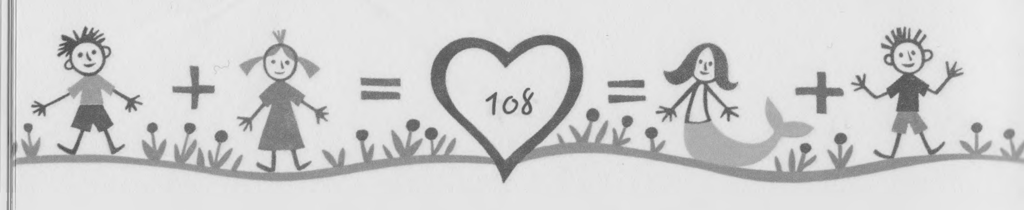
Вернувшись в знакомую комнату в своем корпусе, Теша не сразу смог успокоиться. Для этого ему пришлось прежде всего доесть запасы булочек, которые Сёмочкин принёс из столовой. Все-таки выход на улицу для большинства квартирных — событие из ряда вон, а Теша Закроватный, в отличие, например, от соседки Нюси из-за Шкафа, никогда не отличался склонностью к приключениям.

Однако драгоценное время шло, и обе спальни всё ещё были пусты. Теша, наконец, решил, что пора бы и исследовать комнату девочек. С этой целью он пробрался сквозь стену, вышел на середину комнаты, чтобы осмотреться... и тут же юркнул под ближайшую кровать, поскольку дверь в комнату в эту же минуту открылась, и вошли все девочки.

— А мне не очень нравится «Искатели»,— продолжая какой-то разговор, возмущалась одна из близняшек.— Ну глупо же, ну что мы тут будем искать?

— Всем, значит, нравится, а тебе не нравится! — спорила вторая близняшка.

Другие девочки, перебивая друг друга, бурно обсуждали происшествие с черепахой. Арам поклялся Ксюше, что завтра же выпустит Че в лес, но в это почти никто не верил.

Гроза тем временем разыгралась не на шутку. Громыхало уже совсем рядом, а молнии, вспыхивая, освещали комнату неестественным синеватым светом, от которого пропадали тени.

— А я вот грозы боюсь... — заныла Лизанька, забравшись с ногами на кровать.

— Скажи мне лучше, чего ты не боишься,— вздохнула Эля Мухтиярова, которая уже подошла к своей кровати и собралась расправить её.

— Конечно, тебе легко, ты же ничего не боишься...

— Да что я тебе, не живая, что ли? — вспыхнула Эля.

— А чего ты боишься? — обернулась Катя с любопытством.

— Папу... — Эля понурилась.— Ну, то есть не папу, а... он вообще-то не ругается даже, только смотрит так, знаешь, с разочарованием...

— Почему? — изумилась Катя.

— Ну он... он участковый тут. А мамы у нас вечно нет, она в командировках всё время. А мы с папой. Он говорит, я должна быть как взрослая и ответственная. А я не справляюсь... — Эля вздохнула.— Вот сейчас за лагерем он мне присматривать поручил. А тут всё время неприятности какие-то.

В этот момент что-то заскреблось в окно, и в неровном свете молнии девочки увидели... корявую тёмную руку, перебирающую пальцами по стеклу!

Все девочки разом взвизгнули.

— Да это же ветка, трусихи! — повысила голос Эля.— Дерево у нас перед окном! Дерево!

Несколько секунд все настороженно молчали, затем послышались тихие шаги. Лиза ойкнула и закрыла глаза. Шаги стихли.

— Ой, девочкииииии... а что у меня есть! — Вика таинственно понизила голос, и все разом повернулись к ней. Она жестом фокусника вытащила из кармана шорт огарок свечи и гордо продемонстрировала его.— У Ксюши утащила, она и не заметила!

— И зачем это тебе? — кисло поинтересовалась Эля.

— Как это зачем! — возмутилась Вика, с размаху плюхнулась на свою кровать, от чего заскрипела сетка, и со стуком водрузила свечку на прикроватную тумбочку.— А истории рассказывать?

— Что — свечкой? — приподняла брови Эля.

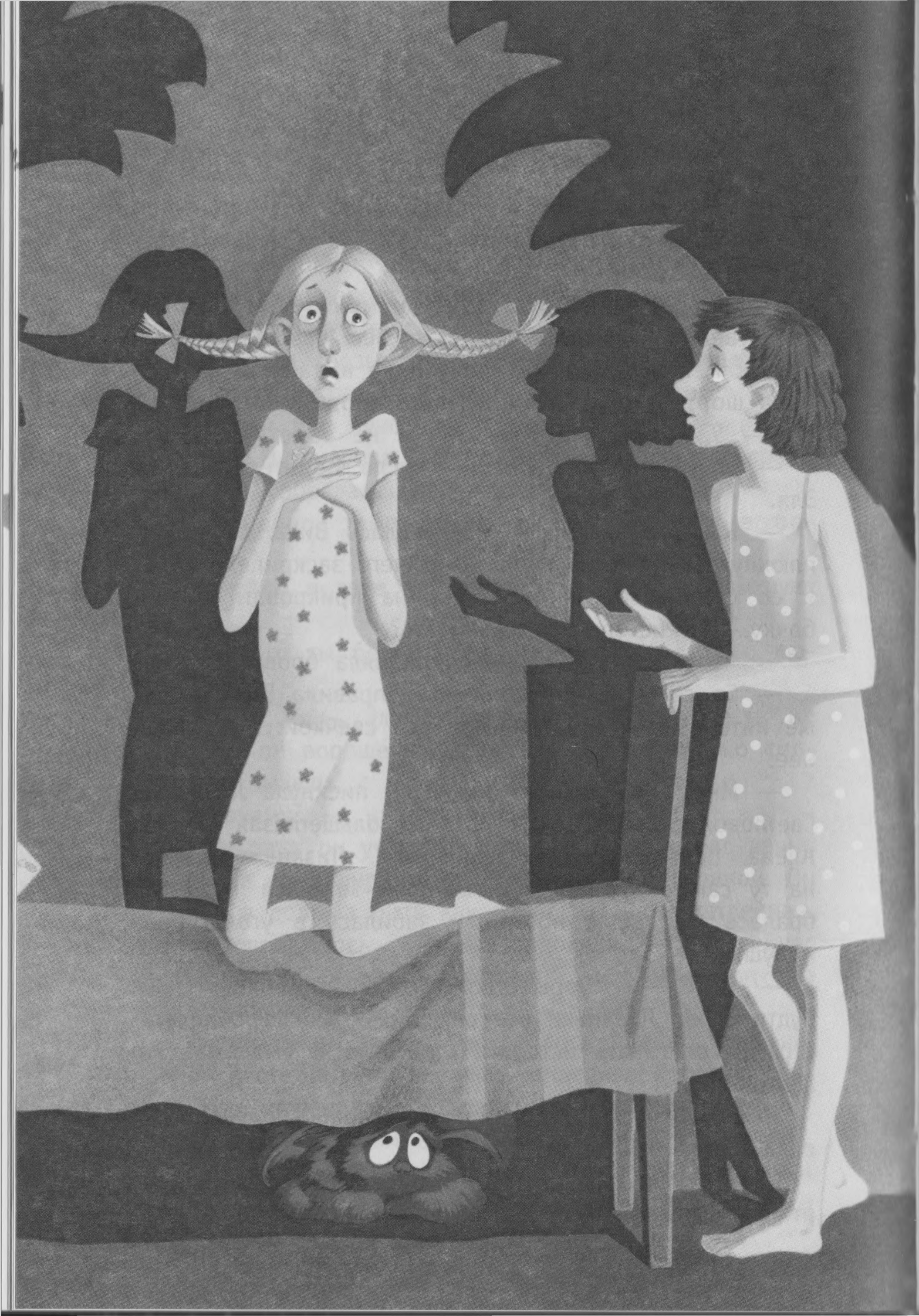
— Со свечкой,— лаконично поправила Вика.— Так же интереснее — в темноте... со свечкой... И страшнее!

— Мне и так уже страшно! — пискнула Лизанька. Светловолосая красавица Катя и большеглазая смуглая Алёна, переглянувшись, захихикали. Лизанька уселась на ту самую кровать, под которой затаился Теша, забралась на неё с ногами и забилась в угол, обняв подушку.

— Вот! — с торжеством огляделась вокруг Вика, будто слова Лизаньки все решили.— В лагере полагается рассказывать истории. Страшные и ужасные. Это же традиция!

— Ну какие ещё истории? — недовольно переспросила Эля.

— Ну как это какие! — Вика даже задохнулась от возмущения.— Я их тыщу миллионов знаю. Про

Чёрную руку[1], про Красные занавески, про Зелёное пятно...

— Тоже мне, фольклор,— скривилась Эля и отвернулась к стене. Однако большинство девочек вовсе не разделяли её настроения.

— Давайте, давайте рассказывать! — зашумели разом Катя, Алёна и одна из близняшек.

— Лично я собираюсь спать! — решительно заявила Эля, не поднимая головы от подушки.— И вам советую.

— И я... — начала было вторая близняшка, но в этот момент дверь снова приоткрылась, и в комнату заглянула Ксюша.

Сказать, что на ней не было лица, значило бы ничего не сказать. Ксюша была бледна, тяжело дышала и прижимала одну руку к груди.

— Девочки, к вам Сёмочкин не заходил? — спросила она.

— Нет,— ответила за всех Эля, приподнимаясь в кровати.— Что-то случилось?

— Случилось,— всхлипнула Ксюша, тяжело привалившись к дверному косяку. В глазах у неё стояли слезы.— У нас опять Сёмочкин пропал... из запертой комнаты! Окна заперты, двери заперты, ребёнка нет!

---

[1] Чёрная рука — наверняка существует в реальности (и даже не одна), но мамы с ней активно борются с помощью мыла и мочалки. А вот «страшные истории» про Чёрные руки, Зелёные пятна и прочие разноцветные вещи традиционно рассказывались и до сих пор иногда рассказываются в детских лагерях. Считается, что лучшее время для них — после отбоя, причём рассказчику и слушателям рекомендуется погасить свет и надёжно закутаться в одеяла, — чтобы удобнее было бояться.

— Ух тыыыы!..— Вика даже подобралась, глаза у неё прямо-таки загорелись.— Из главного корпуса пропал?

— Ага... ой, я пойду, девочки,— вожатая потерла глаза,— вы не выходите никуда отсюда, ладно? А мы с Константином Алексеевичем искать идём. Вы спите, хорошо? Я свет погашу.

Как только за ней закрылась дверь, Вика вскочила, извлекла откуда-то коробок спичек — видимо, позаимствованных у Ксюши вместе со свечкой — и зажгла огарок на тумбочке.

— Значит, началось... — сказала она как бы между прочим.

— Что началось? — замирая, переспросила смуглая Алёна. Остальные девочки сидели в своих кроватях. Никто, кроме Эли, и не думал спать. Лизанька прижимала ладони ко рту, глаза её были распахнуты от ужаса так широко, что казались втрое больше обычного.

— А то и началось... — ещё таинственнее продолжила Вика.— Что в этом лагере постоянно кто-нибудь пропадает. Тут как-то два отряда в лесу пропали. А в другой раз вожатую молоденькую лешие украли... А однажды вообще в лагере завхоз пропал! Русалки у него что-то там стянули...

— Русалки! — фыркнула Эля.

— Ну... не хочешь — не верь. А только он пошёл искать — и всё!

— Что — всё? — замирая, переспросила Лизанька.

— А то! — страшным шёпотом сообщила Вика.— Больше его никто не видел! А наш Сёмочкин был в красном уголке... а это в том коридоре, где Настасьин портрет висит. Там её чаще всего и видят...

— Кого, кого? Ну рассказывай давай уже! — загудели девочки.

— Ну ладно... слушайте! Все, наверное, заметили, что главный корпус — самый старый, а остальные — новее?

— По-моему, они тут все древние какие-то... — пробурчала Катя.

— А ты не перебивай! А то рассказывать не буду. Главный — он ещё при царе был, а другие все уже потом пристраивали. Тут раньше усадьба была. И главный корпус наш — старый особняк на самом деле, это потом уже усадьбу в лагерь превратили. Так вот. В общем, жил в этой усадьбе давным-давно один богатый помещик. А жена у него умерла. И ещё у него дочка была, Настасья, он её больше всех на свете любил. Но он всё равно с ней был строгий, ну и с парнями ей встречаться не разрешал. Он думал сам её замуж выдать, за другого богатого помещика. А она возьми да и влюбись в какого-то актёра. Ну папа, конечно, рассердился, говорит, не пара он тебе! Он, говорит, денег твоих хочет! Позор семье, говорит! И под домашний арест её посадил. А спальня Настасьина — она как раз в той комнате была, где красный уголок теперь. В общем, сбежала она через окно и со своим актёром в Петербург удрала. Так она его любила! А он бросил её потом.

— Вот гад! — вырвалось у Кати.

— Ага,— кивнул Вика.— Ну он, может, и правда денег хотел, а Настасья-то сбежала в одной ночнушке, ничего у неё и не было больше. Ну бросил. А ей, Настасье-то, деваться некуда, покрутилась и вернулась к отцу кланяться. А он её тогда и на порог не пу-

стил — уходи, говорит, откуда явилась! Не дочь ты мне, говорит, больше! Проклинаю, говорит, тебя отцовским проклятием! Ну, Настасья тогда побежала куда глаза глядят, нашла в лесу какое-то озеро и утопилась...

Алёна негромко ахнула, Катя шикнула на неё, а Вика удовлетворённо кивнула.

— С тех пор и бродит её призрак по поместью... А отец её тогда же от горя с ума сошёл. Стало ему казаться, что все вокруг его богатству завидуют. Взял он все свои драгоценности, положил в сундук, и зарыл его в лесу у озера, как раз на том месте, где дочка его утопилась. Пускай, говорит, хоть так ей всё достанется. А сам умер после этого, то ли от горя, то ли съел чего не то. Так никому и не сказал, где клад заныкал. Озеро то — до сих пор найти никто не может. Воооот. А Настасья так и бродит, говорят, по лагерю. Многие видели. Ходит такая, в белом платье, стенает...

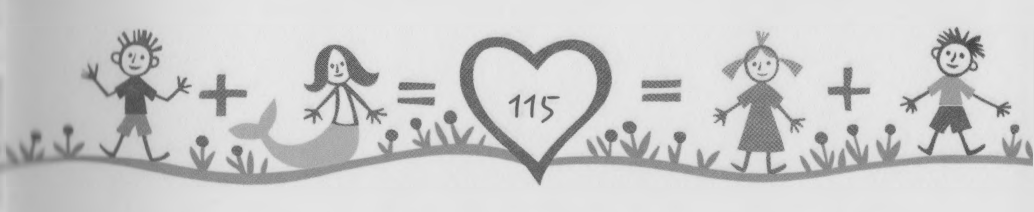
— Чего делает? — в ужасе переспросила Алёна.

— Ну стонет, в общем,— раздражённо пояснила Незнамова и ещё сильнее понизила голос: — А в лагере дети время от времени пропадают...

— А платье у неё откуда? — удивилась практичная Катя.— Ты ж говорила, она в ночнушке сбежала?

— Ну, ночнушка белая. Какая разница?..

Теша, всё это время сидевший под кроватью, продумывал планы побега из комнаты. Добежать незаметно до стены, смыкавшейся со спальней мальчиков, было невозможно. Кровать Лизаньки стояла вплотную к другой стене, отделявшей комнату от коридора. Значит, надо идти через коридор, решил Теша, выбрался

сквозь стенку и тут же наткнулся в темноте на чьи-то ноги.

— Ты чего толкаешься? — сердито зашептал кто-то.

— Я не... — начал возражать другой, не менее сердитый шёпот. Но Теша не стал слушать дальше, он поспешно — может быть, даже слишком поспешно — заскочил обратно в комнату под Лизанькину кровать.

Лизанька вскрикнула и вскочила в полный рост на кровати. Все разом обернулись к ней.

— Ой, девочкииии,— тоненьким голосом сообщила Лизанька,— у меня кто-то под кроватью... Шуршит! Там привидение, я знаю!

— Тьфу ты! — Эля, до сих пор притворявшаяся, что спит, решительно встала, неторопливо обула тапочки, взяла у Вики свечу и заглянула под Лизанькину кровать.

Теша снова поспешно нырнул в стену.

В темноте в коридоре стояли двое и внимательно прислушивались к происходящему в комнате девочек. По голосам Теша определил, что это были Дима Доброхотов и Митя Гроссман — мальчики в одинаковых полосатых футболках. Они переговаривались шепотом и приглушённо хихикали.

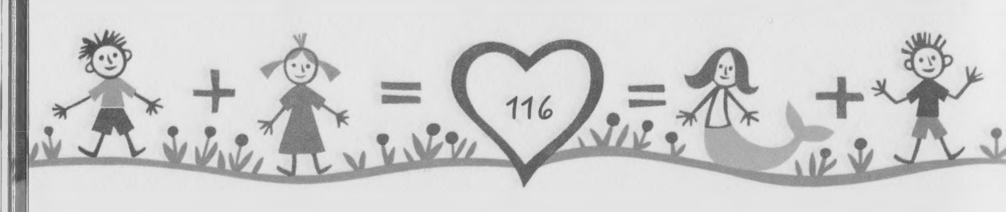
— Вот что бы ты подумал, если бы что-то зашуршало ночью у нас в комнате? — спросил один из них.

— Толстяк этот — как его, Сёмочкин? — булку под одеялом точит,— тут же предположил другой.

— Или у Домбаяна опять черепаха удрала,— продолжил первый.

Оба мальчишки захихикали, давясь.

— Спорим, первой завизжит самая мелкая? — продолжал Дима.

— Швабру бы ещё, в пол стучать... — не отставал Митя.

Дальше Теша слушать не стал. Он решил, что в комнате опасность уже миновала, и снова нырнул сквозь стену под кровать.

На кровати, поджав ноги, сидела Лизанька. Лизанька рыдала. С двух сторон её обнимали за плечи подсевшие к ней Катя и Алёна, пытавшиеся её утешить.

— Ну я же слыыыышала! — всхлипывала Лизанька.

— Нет там никого! — сердито возражала Эля.

— Может, и правда просто мыши здесь? — предположила Катя Величко.

— А я и мышееей боюсь! — пуще прежнего разрыдалась Лизанька.

Тут дверь комнаты распахнулась. На пороге кто-то стоял. Девочки хором завизжали.

В неверном свете свечи был виден только смутный силуэт, угадывался край колышащейся белой одежды...

— У-у-у-у-у-у-у! — завыло привидение смутно знакомым голосом. Где-то за стеной послышался мерный стук.

Почти все девочки в ужасе вжались в стены, однако Эля, ни на секунду не терявшая хладнокровия, снова решительно встала. Привидение попятилось. Эля в два прыжка схватила его за шкирку и сорвала с него белые одежды... то есть простыню. Под ней оказался Дима Доброхотов. Его приятель Гроссман обнаружился тут же, за стенкой, корчащийся от смеха. Обоих Эля, бывшая выше любого мальчика ростом (да пожалуй что и сильнее), ухватила за уши и втащила в комнату, чтобы все девочки могли на них полюбоваться.

— Вот! — торжествующе сообщила она.— Ваше привидение!

— Мы п-пошутили... да не крути ты ухо! — вопил Митя.

— Вы... вы! — Алёна и Катя, одновременно вскочившие с кровати, казалось, были готовы наброситься на мальчиков.

Одновременно одна из близняшек включила свет. В этот момент Вика вдруг вскрикнула и указала в окно:

— Смотрите!

На секунду в окно ударил свет фар: на площадке перед въездом в лагерь разворачивался мотоцикл. В свете уличных фонарей вокруг стоянки автобуса ребята увидели, как участковый соскочил с мотоцикла и помог кому-то выбраться из коляски.

— Да это же Сёмочкин! — первой поняла Катя.

— И папа... — мрачно заметила Эля, отпустив, наконец, уши обоих Дмитриев.

По площадке уже бежали Ксюша и Константин Алексеевич. Кутаясь в шаль, подошла директриса, что-то сказала участковому, тот кивнул в ответ и направился к корпусу шестого отряда, придерживая Сёмочкина за плечо. За спиной у последнего болтался туго набитый рюкзак. Вожатые понуро побрели следом.

— Быстро выключили свет, все по койкам! — скомандовала Эля.

Мальчики, решив воспользоваться случаем, кинулись к двери. Эля только досадливо передёрнула плечами.

Спальный корпус шестого отряда был ближайшим к въезду, а посему вожатым и участковому не понадо-

билось много времени, чтобы дойти до него. Спустя минуту дверь в комнату девочек распахнулась.

— Ну, кто здесь не спит? — строго спросила Ксюша.— Я видела свет в окне.

— Никто не спит,— вздохнула Эля и выбралась в пижаме из кровати.

— Твой папа просил тебя позвать,— смягчаясь, сообщила вожатая.

— Да знаю... — Эля почему-то опустила голову.

— Остальным — спать немедленно!

Минут пять Эли не было в комнате. Слышно было, как в коридоре что-то сердито выговаривает ей отец, но слов было не разобрать. Девочки напряжённо ждали её возвращения. Когда открылась дверь, на секунду в упавшем из коридора свете стало видно, что у Эли покраснели и опухли глаза, однако она, не говоря ни слова, прошествовала к своей кровати, улеглась и сразу отвернулась к стене.

Спустя несколько минут, когда все вроде бы затихли и перестали ворочаться, стало слышно, что кто-то всхлипывает в темноте.

— Ну что ещё?! — Эля резко села на кровати, откинув одеяло.

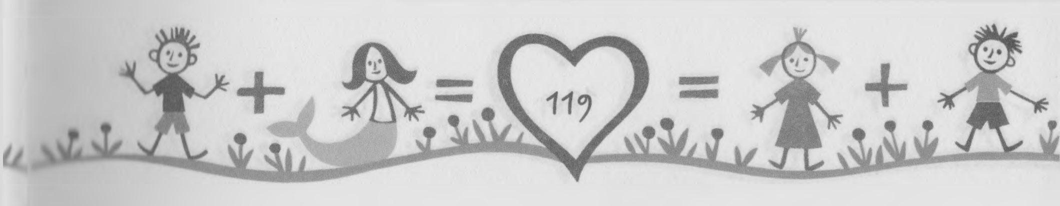
Плакала, уткнувшись в подушку, Лизанька. На резкий окрик Эли она не повернула головы.

— Ничего,— пробормотала она, глотая слезы.

— А чего ревёшь, если ничего? — все больше свирепея, переспросила Эля.

Катя, Алена, Вика и близняшки с любопытством подняли головы, наблюдая за происходящим.

Лизанька вздохнула и села на кровати, не переставая всхлипывать.

— Я в туалет хочу,— сообщила она трагическим голосом.

Катя и Алена, переглянувшись, прыснули.

— А чего не идёшь? — изумилась Эля.

— Так страшно же...

— Тебя что, за ручку отвести? Чего страшно-то? Тебе уже вроде и местное привидение показали?

— А вдруг... — Лизанька понизила голос и закончила, замирая: — Вдруг там... *бабай* какой... темно же!

— Если хочешь знать,— по-прежнему сердито возразила Эля,— бабай — это дедушка по-татарски... Де-ду-шка! — отчеканила она.— А вовсе не привидение. А если ты кого-то встретишь в туалете для девочек, можешь сказать Гроссману с Доброхотовым, что будут иметь дело со мной! Хотя нет, погоди-ка...

Эля встала с кровати, включила свет и подошла к своей тумбочке. Покопавшись немного, она извлекла оттуда пузырёк зелёнки.

— Вот, держи,— она протянула склянку Лизаньке,— если кого страшного встретишь — лей на него смело! Ну! Иди уже! Никто тебя за ручку не поведёт.

Она легко подтолкнула Лизаньку из комнаты, и та неохотно побрела по коридору. Свет там горел по-прежнему — то ли вожатые забыли выключить, то ли нарочно оставили. Секунду Эля смотрела ей вслед, после этого прикрыла дверь в комнату и в который уже раз за этот вечер улеглась в постель.

Спустя минуту из дальнего конца коридора послышался крик, затем приближающийся топот. Девочки повскакивали со своих кроватей и кинулись к двери.

— Полила! — торжествующе завопила Лизанька, едва влетев в комнату. При этом она дрожала то ли от ужаса, то ли от сознания собственной победы.— Полила зелёнкой!

— Кого? — переспросила Эля.— Гроссмана? Или Доброхотова?

— Не знаю... — Лиза замотала головой,— там почему-то свет не включился... а потом я налетела на кого-то, ну и закричала, и зелёнкой его, а потом убежала...

— Эээ... ты в туалет-то сходила? — полюбопытствовала Катя.

Ответить Лиза не успела, поскольку в коридоре послышался шум. Оказывается, мальчики, услышав крик, тоже решили выяснить, что происходит, и в полном составе высыпали из комнаты, наперебой спрашивая что случилось.

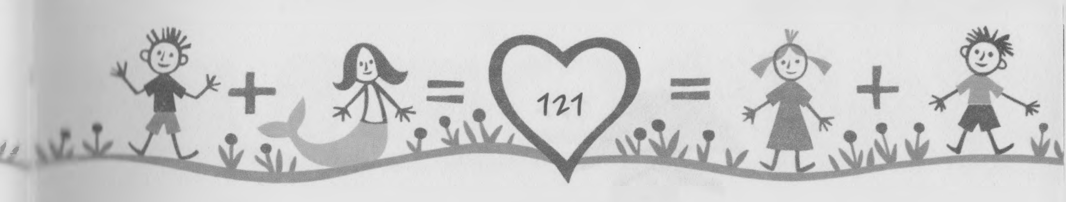
— А вы знаете,— едва взглянув на них, со своим обычным таинственным видом начала Вика Незнамова,— что это были не мальчики?.. Гроссман-то с Доброхотовым — вон они, из своей палаты вышли...

— А кто же?..— Лизанька, побледнев, выронила пустой пузырёк из-под зелёнки.

— Кто бы это ни был... — начала Катя, наклоняясь за пузырьком, который покатился по коридору в сторону холла. Однако, подняв глаза, она осеклась на полуслове и завизжала. На вопль обернулись все разом.

В дверном проёме, ведущем в тёмный холл, стояла Про́клятая Настасья.

Стояла она, низко опустив голову, так что лица её никто не видел. Но в том, что перед ними — привидение, на этот раз никто не усомнился. Фигура была

невысокого роста — лишь немногим выше Эли, самой рослой в отряде. Одето привидение было в длинную, до пят, полотняную белую рубаху. А ещё у духа были спутанные волосы рыжеватого цвета, спускавшиеся ниже плеч.

Эльмира Мухтиярова говорила потом: «Я думаю, мне просто показалось...» Арам Домбаян вообще смеялся над историей о привидении, которого сам он не видел (что, впрочем, и неудивительно: прямо перед невысоким Арамом, заслоняя ему обзор, стоял куда более крупный Дёма). Но большинство ребят из отряда все-таки вполне ясно видели ПРИЗРАКА и могли бы в этом поклясться.

Длилось это пару секунд, потом в холле вспыхнул электрический свет, и страшная фигура исчезла, а в коридор влетела перепуганная криком Ксюша в жёлтом махровом халате.

— Что опять?! — Быстро пересчитав своих подопечных глазами, она, казалось, слегка успокоилась.— Слава богу, все... почему не в постелях?!

В полном молчании ребята разбрелись по палатам. Укладывались тоже в тишине.

Мимо комнаты мальчиков кто-то тяжело прошёл.

— Крооооовь,— послышался из коридора глухой стон.— Головааааа...

Ребята напряжённо вслушивались, не решаясь пошевелиться.

— Лаааампочка! — простонал глухой голос внезапно.

Хлопнула входная дверь корпуса.

* * *

— А по ночам-то зачем стонать было? — удивилась Маруня.— Да ещё стучать. Люди — они ж пугливые! Как... Как леший какой, честное слово!

— Да не я это! — Теша с досадой взмахнул хвостом.— Стучать, ещё чего! Там... там и без меня своих привидений хватало!

— Так ить из наших же это кто-то! — вмешался вдруг бука из чулана по имени Ух.— Из бук, понимаешь! Или из хок! Отличная работа, хо-хо!

Другие буки и хоки согласно закивали головами.

— И Вика вот эта — хорошая все же девочка,— добавил Ух.— Прямо наша!

— Да погодите же вы! — Теша даже рассердился.— Там не так всё было...

Слушатели снова затаили дыхание.

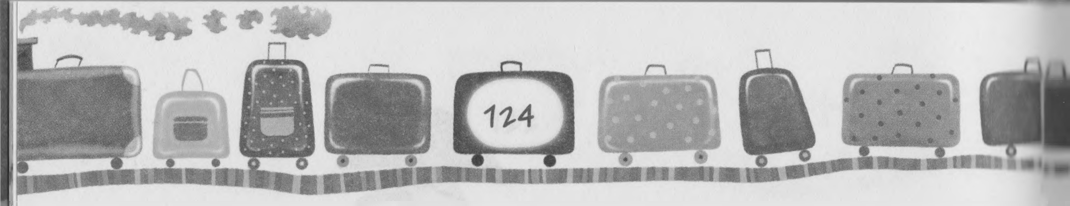

Глава шестая
РУСАЛКА

На утро третьего дня в лагере «Солнышко» весь шестой отряд дружно клевал носами.

— Ну что с вами такое?! — ругалась Ксюша, чуть ли не пинками выгоняя ребят из палат.— Сегодня на пляж можно, кто рвался?..— Впрочем, закончить фразу ей не удалось, поскольку в этом месте она сама душераздирающе зевнула. За руку она держала Лизаньку, которая вяло упиралась по дороге к умывальной комнате. Глаза у Лизаньки были совершенно красными.— Поторапливайтесь, на линейку опоздаем!

— Ксения, вы ведь справитесь самостоятельно с походом на пляж? — В корпус вошёл Константин Алексеевич, держа у виска влажное полотенце.— Я неважно себя чувствую.— Для убедительности он убрал полотенце, и стало видно, что половина его прически — русая, а другая половина — зелёная. Ксюша и Лиза одновременно ойкнули. Остальные девочки, бывшие в коридоре, хором прыснули.

— Что с вами? Вы... ушиблись? — взволнованно спросила вожатая.

— Нет. То есть да. Немного. Похоже, это зелёнка. Я не знаю, что случилось. Помните, вы попросили после отбоя заменить лампочку в туалете для девочек? — Тут Лизанька тихонько пискнула, но на неё никто не обратил внимания.— Я только поставил табурет, чтобы встать на него, как на меня вдруг что-то налетело, закричало и... Я не могу сказать, что это было,— не успел зажечь фонарик. Упал вместе с табуреткой. Очнулся — зелёнка. Я вообще-то думал — кровь, темно же. Минут десять ещё на этой табуретке сидел, соображал, где я вообще, что это было... Словом, вы одна управитесь с ребятами на пляже?

— О... — Ксюша огорчённо нахмурилась.— Но... но я не могу. Понимаете, мне Зоя Валерьевна поручила стенгазетой руководить. Я думала, вы сегодня... — Она беспомощно подняла плечи.— Может, попросить Клавдию Аркадьевну присмотреть за нашими?.. Если вы нездоровы.

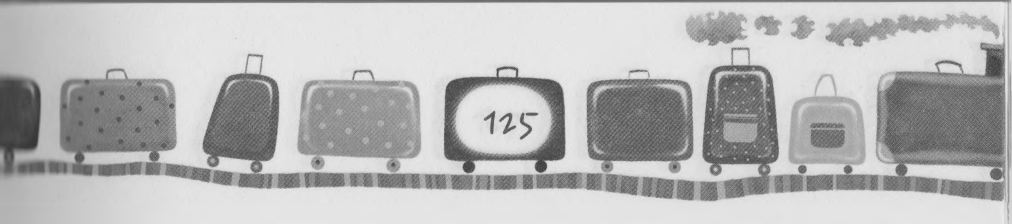
Константин Алексеевич вздохнул:

— Ясно. Я нездоров. Я очень нездоров. Но просить никого ни о чём не надо. Я справлюсь.— Судя по его виду, он совсем не был в этом так уж уверен.

В этот момент кто-то дёрнул Мишу за штанину. Оглянувшись, он увидел толстенькую сиреневую лапку, высунувшуюся из стены.

— Я сейчас! — пробормотал Миша и юркнул в опустевшую палату.

Теша стоял у двери. В руках у него была чашка с чем-то горячим, судя по поднимающемуся пару. Чашка была, похоже, из маминого сервиза. Миша не помнил,

чтобы брал её с собой. Впрочем, мама могла положить в его чемодан что угодно, с неё станется.

— Это что, чай? Где ты это взял? — изумился он.

— Мы, квартирные, о людях заботимся,— важно ответил Теша.— Это вашему этому... длинному, зелёному. Я думаю, у него морская болезнь. Пусть выпьет!

— Ну... я попробую,— с сомнением пожал плечами Миша.— Надеюсь, он не станет задавать вопросов.

— Ты здесь что? — Арам заглянул в палату, как раз когда Теша юркнул под кровать.— Сам с собой разговариваешь?

— С кем этому задохлику ещё разговаривать,— обидно заржал Дёма из коридора. Миша вздохнул.

Константин Алексеевич, похоже, вообще не был склонен сегодня задавать вопросы. Рассеянно взяв чашку из рук Миши, он поблагодарил кивком, сделал пару глотков и поставил её на подоконник. Затем выглянул в окно и поёжился с таким видом, как будто на улице была зима. На улице, впрочем, по-прежнему светило ясное июньское солнце.

* * *

— Симптомы совершенно правильные! — важно кивнул Соколовский.— Несомненно, это была она — морская болезнь! Сбор: тысячелистник, полынь, зверобой, мелисса, валериана...

— Ну да, ну да! — закивал Теша.— Там ещё и корешки какие-то были!

— Корешки? — удивился Соколовский.— Хм...

* * *

На линейке ребята тоскливо переминались с ноги на ногу. Очень хотелось спать, и одновременно — на пляж. Бо́льшую часть ночи в обеих палатах шло бурное обсуждение последних событий, и прежде всего — привидения. К тому же постоянно слышались странные звуки: стоны, охи, шаги и стуки — то в коридоре, то под полом, то вовсе почему-то над головой. Арам пытался объяснить все это с научной точки зрения. Лиза проплакала почти всю ночь.

— И зачем вообще нужны линейки каждый день? — зевнул Миша.— Вот у нас в позапрошлом году...

— Тссс! — шикнула на него Эля.— Про нас говорят.

— Шестой отряд снова успел отличиться,— невозмутимо сообщила Нагайна.— Сегодня сразу после обеда наказание в красном уголке снова отбывает Сергей Сёмочкин. Однако до этого комнату тщательно осмотрит наш завхоз Виктор Михайлович. Надеюсь, господину Сёмочкину ясно, что во второй раз этот фокус не пройдет? С вами разделят эту сомнительную честь господа Гроссман и Доброхотов... Близнецы, хоть и не братья. Господа Доб... Гро... — Казалось, она задумалась на секунду, затем ехидно усмехнулась: — Грохотовы! Надеюсь в дальнейшем вас видеть подальше от окон и футбольных мячей. Мне бы хотелось, чтобы лагерь уцелел в конечном счете...

— Грохотовы,— прыснул Арам, обернувшись к Диме и Мите.— Точно. А она ничего — Нагайна...

* * *

Пляж был небольшой, огороженный бетонными волноломами, с белыми пластиковыми лежаками. Над половиной шезлонгов был установлен неширокий сетчатый навес. Справа, возле волнолома, в воду уходили короткие мостки с металлическими перилами. В воде территория для купания была обозначена ярко-красными шарами, протянувшимися цепочкой в нескольких десятках метров от берега. Мелкая галька под ногами ещё не нагрелась.

Константин Алексеевич быстро, по-солдатски, разделся, оставшись в широких плавках, больше всего смахивавших на семейные трусы длиной по колено. При этом обнаружилось, что вожатый более худ и нескладен, чем могло бы показаться с самого начала. Он непрерывно широко зевал и тёр глаза, на воду же смотрел с явной опаской и затаённым ужасом, избегая приближаться к её кромке и всё время оглядываясь отчего-то то на Клавдию, то на игравших в волейбол ребят из старшего отряда.

Впрочем, на Клавдию и впрямь стоило посмотреть. В своём необъятном салатного цвета купальнике с широкими розовыми оборками она выглядела впечатляюще. Второй вожатый младшего отряда — невзрачный молодой чаловек в плавках и бейсболке — болтался рядом, явно не зная, куда себя деть.

— Зайчики мои! — трубила Тромбон, широко колыхаясь всем телом.— Быстренько построились все кружочком. Сначала мы с вами немножечко поупражняемся...

Младший отряд недовольно загудел, однако понемногу начал выстраиваться в круг. Спорить с Тромбоном — себе дороже, это усвоили уже все... или почти все.

— Кажется, ваш Котенька боится воды,— хихикнула над ухом у Миши невесть откуда взявшаяся Тоха.— Спорим, он и плавать не умеет?

— А ты что здесь делаешь? — изумился Миша.— Ты ведь с Тромбоном должна быть. Вон, ваши там приседают...

— Угу,— буркнула Тоха.— Этого мне ещё не хватало. Да я с рождения плавать умею. Хоть брассом, хоть кролем, хоть баттерфляем. У меня, вообще, папа — тренер. А она меня ещё сейчас учить станет. Я уж лучше тут как-нибудь. С вами.

— Тосечка, зайка! — пропел оглушительный бас.— Я все слыыышу! Знаешь, заинька, я вот тоже фигурное катание люблю... смотреть по телевизору. А сейчас мы все вместе делаем разминку! Так, цыпляточки, ноги на ширине плеч, руки в стороны...

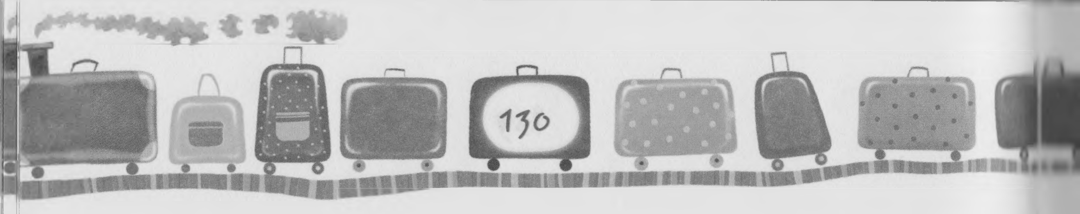
Тоха с тяжким вздохом, волоча ноги, поплелась к своим.

— Шестой отряд! «Искатели»! Плавать все умеют? — сипло прокричал Константин Алексеевич и опять зевнул.— Завтра будет инструктор. За огороженную территорию не заплывать! Долго в воде не сидеть! В общем... лезьте уже,— невпопад и понизив голос закончил он. Сам вожатый, подойдя к воде, осторожно потрогал её ногой, отдёрнул, постоял секунду в задумчивости, как аист, на одной ноге, а потом вдруг, зажмурившись, побежал в море, высоко поднимая колени.

— Похоже, Тоха права: не умеет он плавать,— прыснув, прокомментировал Арам.

Большинство ребят из отряда уже с визгом бежали к воде, некоторые — вроде Лизаньки — приближались к ней осторожно и с опаской.

— Ну что, идём? — Миша потянул друга за руку. Сам он плавал, если честно, не очень-то хорошо. Но

признаваться в этом в присутствии Арама или — тем более! — Тохи не стал бы ни за что на свете. «Хорошо, что здесь огорожено»,— подумал он про себя.

Вожатый шёл по пояс в воде, зачем-то разгребая её перед собой руками. Близняшки плавали вдоль берега наперегонки. Лиза сидела у самой кромки, погрузив ноги в воду, и перебирала камешки. Гроссман с Доброхотовым по очереди забирались друг к другу на плечи и с воплем опрокидывались в воду, раскинув руки. Брызги от них летели во все стороны, и девчонки, взвизгивая, старались отплыть подальше. Ребята из младшего отряда, продолжая делать наклоны, смотрели на них с завистью.

Впрочем, вскоре Константин Алексеевич, видимо, решил, что водных процедур пока достаточно. Сам он только один раз присел в воде, так и не намочив при этом свою наполовину зелёную шевелюру.

— Шестой отряд! «Искатели»! Загорать! Замёрзнете же. Скоро губы посинеют!

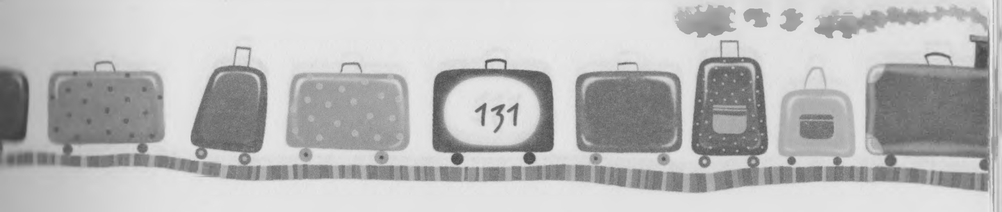
Губы у него самого и в самом деле отливали уже синевой. Вода и впрямь была с утра довольно прохладной, море не успело ещё прогреться, но большинству ребят было всё равно.

— Да мы же только зашли! Что мы — маленькие?! — недовольно гудели Гроссман и Доброхотов. Эля дисциплинированно вышла на берег первой.

— Десять минут — норма! — надрывался Константин, загоняя своих «Искателей» на берег.

— Да мы и пяти в воде не были!

Тромбон тем временем закончила с разминкой, с трудом втиснулась в широкий надувной круг и повела своих малышей в воду строем.

Выйдя из воды, Константин Алексеевич, казалось, почувствовал себя куда увереннее, тут же устроился на одном из лежаков и неожиданно снова зевнул. Похоже, вода не особенно его освежила.

— Все вытираемся, греемся, загораем! — скомандовал он и снова зевнул,— Я полежу немного...

По пляжу бродили чайки, пронзительными криками возвещая о своём присутствии и заодно выпрашивая что-нибудь съестное. Ребята из старших отрядов бросали им какие-то корки. Самая нахальная чайка подходила прямо к ногам загорающих, смешно подпрыгивая. При этом её всё время слегка заносило в одну сторону.

— Смотри, она одноглазая! — заметил Дима Доброхотов.— Надо дать ей пиратское имя!

— Джек Воробей! — с энтузиазмом откликнулся Митя Гроссман.

— Он же не одноглазый,— удивился Миша.

— Зато пират...

— Сильвер! — предложила Эля.— Из «Острова сокровищ»...

— Он одноногий, а не одноглазый,— лениво возразил Арам. Эля вспыхнула.

— Может, Пью? — подсказала застенчивая Алёна.

— А этот вообще слепой...

— Да что ты занудствуешь! — не выдержал Доброхотов.— Пью — значит, Пью! Одноглазый Пью.

Пью между тем бесцеремонно уселся на лежак Константина Алексеевича и вовсе уже непочтительно прошёлся по его ноге. Затем, убедившись, что еды здесь не будет, расправил крылья и с криком, не поднимаясь высоко, полетел к старшему отряду.

— Да он же спит! — изумился Миша, присмотревшись к вожатому.

Тот действительно спал и даже слегка посапывал. По нему сейчас могла бы топтаться целая стая чаек — и ему бы было безразлично.

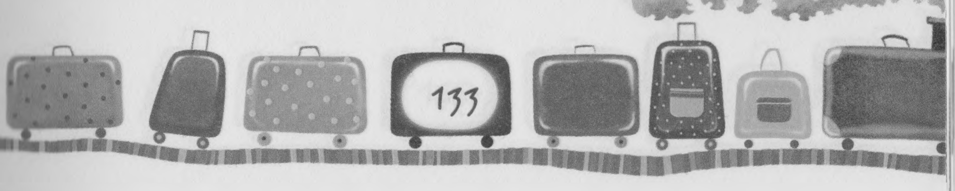
— Круто! — присвистнул Гроссман.— Айда купаться!

Арам между тем закинул руки за голову, вытягиваясь на соседнем с вожатым шезлонге.

— На вашем месте я бы переждал немного,— всё так же лениво сообщил он, приоткрыв один глаз.— Тромбон свою малышню скоро уведёт, и вот тогда на нас никто не обратит внимания...

...Прошёл уже не один час, и пляж давно опустел — ушла и Тромбон со своими малышами, и даже старшие отряды во главе со своими вожатыми. Те были слишком заняты, пересчитывая собственных подопечных, чтобы обращать внимание на чужих. Отряд «Искатели» в полном составе плескался в воде — все как один изрядно уже порозовевшие от солнца. У берега, опустив ноги в воду, оставались Эля Мухтиярова, дисциплинированно ждавшая распоряжения старших, и Лизанька, казалось, боявшаяся заходить в море дальше чем по колено. Вожатый всё так же спал беспробудным сном. На его животе было камушками выложено слово «Пью» — постарались, конечно же, Грохотовы. Квасников уже пару раз будто бы в шутку топил Мишу, но тот мужественно молчал, стиснув зубы, и только оглядывался каждый раз — не видели ли его позора девчонки?

— Что, что случилось?! Почему вы... — Ксюша, бежавшая, видимо, от самого главного корпуса, замер-

ла как вкопанная, заметив спящего на шезлонге Константина Алексеевича. Несколько раз она открыла и закрыла рот, затем обернулась к ребятам, мгновенно притихшим в воде, и громко, непререкаемым голосом скомандовала:

— Быстро на берег!

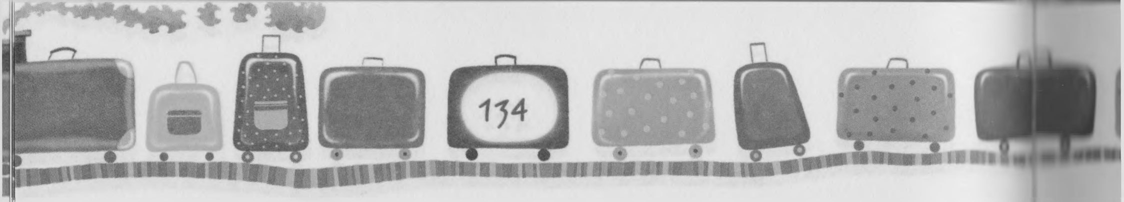
Ребята молча потянулись к берегу. На этот раз никому не пришло в голову возражать. Ксюша тем временем решительно подошла к Константину Алексеевичу и принялась весьма бесцеремонно трясти его за плечо:

— Просыпайтесь немедленно! Как вы вообще посмели заснуть! Весь лагерь в панике! Вы не пришли на обед! Дети без присмотра! Они могли утонуть! Могли получить удар! Вы могли утонуть! И получить удар! Я чуть с ума не сошла! Да вы!..— Её голос прерывался, она задыхалась то ли от возмущения, то ли после пробежки.

Константин Алексеевич поднял голову, приподнялся на шезлонге и испуганно заозирался. С его живота посыпались камешки, и стало заметно, что кожа вокруг них покраснела. Видно было, что чувствует он себя не слишком хорошо. Впрочем, разъярённой Ксюше сейчас явно не было никакого дела до чувств несчастного Константина Алексеевича.

Притихшие ребята тем временем торопливо одевались. Вот тут-то и произошло самое странное событие за этот день.

А произошло оно из-за того, что Катя Величко, засмотревшись на Ксюшу и Константина Алексеевича, на секунду выпустила из рук своё парео, которое как раз собиралась накинуть на плечи. Это было очень красивое парео из тончайшей ткани с белыми

и розовыми цветами, которым Катя очень гордилась. Внезапно налетевший порыв ветра подхватил легкий лоскут ткани и понёс его в море. Катя ахнула и прижала руки к груди. Бело-розовый лоскут было хорошо видно с берега — он качался на воде почти сразу за буйками.

Возможно, кому-то могло бы показаться, что самым естественным в этой ситуации было бы кинуться в море — ловить парео. И возможно, многие девочки поступили бы именно так.

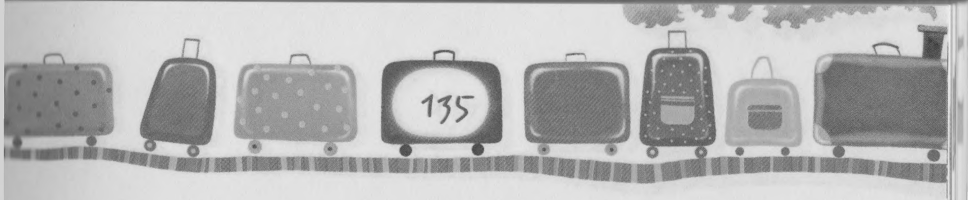
Но Катя... Катя Величко всегда знала, что она — красавица. Ей твердили об этом родители, она убеждалась в этом, разглядывая собственное отражение и ловя на себе взгляды мальчишек-одноклассников. В итоге она твердо усвоила, что всякое её желание будет немедленно исполнено: стоит ей только вот так выразительно посмотреть и взмахнуть ресницами. В конце концов, мужчинам полагается совершать подвиги ради прекрасных дам.

Поэтому Катя только ахнула и прижала руки к груди, трагически вздохнула и обернулась. Кто знает, почему она решила выбрать для этого задания именно Мишу — далеко не лучшего пловца в отряде? Как бы там ни было, она смотрела на него и очень выразительно взмахивала ресницами.

Нельзя сказать, чтобы Мишу очень радовала перспектива заплывать за огороженную территорию. Но выхода, похоже, не было.

— Ты не мог бы?..— на всякий случай уточнила Катя.

— Да запросто! — подчёркнуто небрежно пожал плечами Миша.

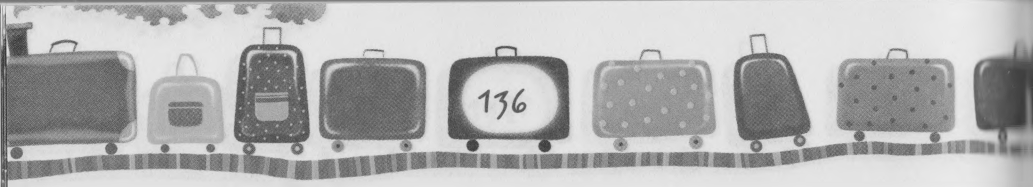
Арам только хмыкнул за его плечом, больше никто не обращал на Мишу внимания — все одевались и одновременно наблюдали за тем, как Ксюша, все больше увлекаясь, отчитывает растерянного Константина Алексеевича.

Миша слегка разбежался и плюхнулся в воду. Он знал, что Катя наблюдает, надо было плыть красиво. И быстро. И стремительно! Нет, разумеется, он мог бы вообще показать класс, но надо было ведь успеть ещё и до того, как хватятся вожатые.

Поэтому он как мог быстро доплыл до цепочки шаров, ограждающих территорию для купания, и зацепился за один из буйков, чтобы отдышаться. Дыхание сбилось порядочно, да и руки устали. Парео было прямо перед ним — не больше чем в метре. Правда, дотянуться до него отсюда было невозможно... нужно было нырнуть под цепочку шаров и проплыть ещё совсем немного.

Нырять Миша не умел. Впрочем, он был совершенно уверен, что это не так уж сложно. Он ведь видел, как это делают другие, чем он хуже, в конце концов? Времени на раздумья не оставалось: с берега уже что-то пронзительно кричала Ксюша, а по воде, всё так же высоко поднимая колени, к нему бежал Константин Алексеевич. Миша набрал в легкие побольше воздуха, отпустил руки и оттолкнулся.

Направление он потерял сразу. Стало совершенно непонятно, где верх, где низ, а в легкие через нос тут же попала вода. Он начал задыхаться, забил руками, зацепился ногой за веревку... и понял, что идёт ко дну.

Что-то подхватило и потащило его, через пару секунд Мишина голова снова оказалась над водой. Где же буйки? Странно, они же только что были рядом?.. В панике Миша продолжал биться руками и ногами, пытаясь ухватиться за своего спасителя. Тот что-то кричал, тоже барахтаясь и цепляясь за Мишу.

«Сейчас мы утонем оба»,— эта мысль пришла откуда-то извне, она была совершенно отдельно от Миши, который думать сейчас не мог вообще.

И в этот момент...

Чьи-то руки подхватили одновременно обоих неудачливых пловцов — Мишу и Константина Алексеевича — за волосы и приподняли над водой их головы.

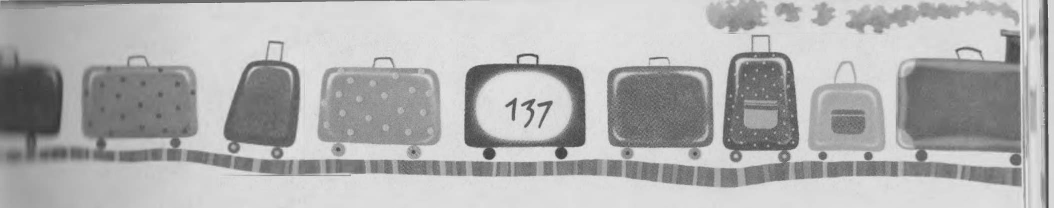
— Если не будете мне мешать, я вас вытащу,— прошептал над ухом очень мелодичный женский голос.

Что это? Мише показалось или действительно у их спасительницы зеленоватые, как морская пена, волосы? И — что это там, в воде, блестит серебристо? Уж не рыбий ли хвост?

В этот момент девушка хихикнула, и Миша понял, что она и в самом деле настоящая. Только ведь вожатый — взрослый... значит, он, скорее всего, вообще не понимает, что происходит. Он ведь не может видеть *разных*.

— Ко... — Прежде чем заговорить, Мише пришлось прокашляться.— Она... ну то есть — нас вынесет к берегу! Ну... течением! То есть — прибоем!

Говорить Константин Алексеевич не мог, только смотрел расширенными глазами, однако барахтаться перестал. Русалка, странно поглядывая на зелёную шевелюру вожатого и придерживая обоих «утопленников»

за волосы, поплыла по направлению к берегу. Сама она почти всё время держалась под водой, так что с пляжа, наверное, казалось, что оба они плывут сами, окружённые почему-то морской пеной и водорослями — русалочьими волосами. Миша разглядел огромные светлые глаза, окружённые длинными ресницами, слегка курносый нос и весёлую усмешку.

Не доплыв до берега пару десятков метров, русалка отпустила своих подопечных.

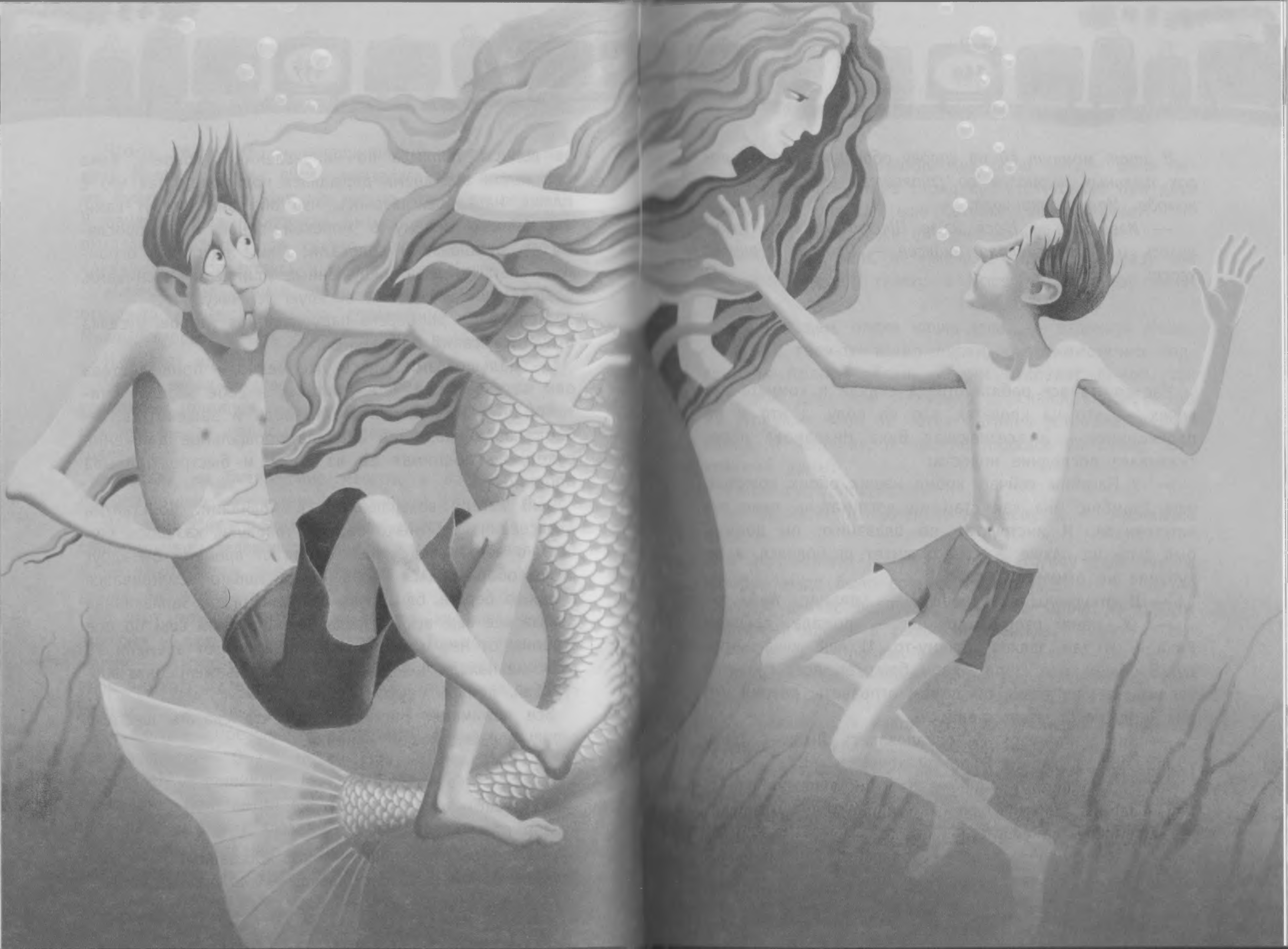
— Дальше сами. Здесь уже мелко,— прошелестела она на ухо Мише.— А тряпочку я себе заберу! Считайте, что откупились. Могла ведь и защекотать! — Снова захихикав, она сделала прощальное движение рукой, не поднимая её из воды, и быстро поплыла прочь.

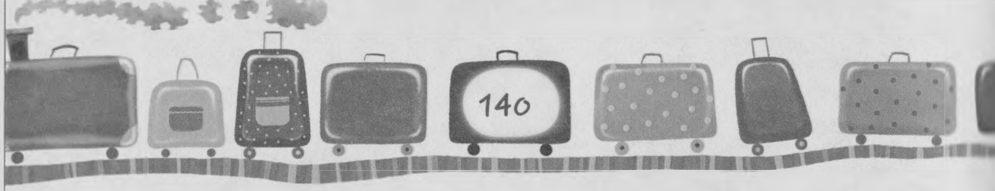
...В лагерь возвращались в молчании. Константин Алексеевич шёл, низко опустив голову и, казалось, глубоко о чём-то задумался. Время от времени он вдруг резко оборачивался назад и пристально всматривался в линию берега, близоруко сощурив глаза. Заплаканная Ксюша всё ещё всхлипывала, Алёна и Катя шли по обе стороны от неё и молча гладили время от времени её руки, не находя чем её утешить. Остальные ребята шли гурьбой, понуро опустив плечи.

Все понимали: Нагайне будет что сказать шестому отряду на следующей линейке.

* * *

— Мои родственницы — все красавицы! — с довольным видом вставила Мавка.— Что русалки, что...

В этот момент ей на голову обрушился целый ворох пыльных журналов со стоявшего рядом старого комода. Мавка закричала.

— Извините,— Нюся из-за Шкафа вежливо улыбнулась и даже сделала книксен.— Просто дёрнулся хвост...

* * *

Час спустя все ребята отряда сидели в комнате девочек — кто на кроватях, кто на полу, а кто и на подоконнике,— а всезнающая Вика Незнамова пересказывала последние новости:

— У Нагайны сейчас, кроме наших обоих вожатых, ещё Тромбон, она как старший воспитатель тоже ответственная. И инструктор по плаванию: он должен был быть на пляже, а у него живот разболелся, а он купание не отменил.

— И откуда ты всё знаешь? — удивился Арам.

— У меня свои источники,— пожала плечами Вика.— И там завхоз почему-то. И ещё куча народу. В общем, она шипит, ядом брызжет, всех грозится уволить, а наш отряд по домам отправить, потому что она, мол, несёт ответственность...

— Вот и хорошо! — обрадовалась Лиза.— Здесь привидения, страшно! Я домой хочу!

— Ха! По домам! — Дёма Квасников пожал плечами.— За нас деньги плочены. Так она нас и отправила! Да мой папа ей...

— А Ксюшу-то за что? — подала голос темноволосая Алёна.— Её там вообще не было...

— Ну, вообще, она должна была быть,— Вика пожала плечами.— Типа отряд купается только при двух вожатых. А она там ещё Котеньку выгораживает!

— Так Нагайна же ей сама поручила...

— Ну она, мож, не имела в виду прям сразу там всё рисовать, эту газету, а Ксюша прям сразу кинулась...

— В общем, плохи наши дела...— вздохнул Миша.

— Ну твои-то точно плохи,— оптимистично подтвердил Арам.— Если кого и отправят домой, так это тебя, друг мой Ихтиандр[1]... Скажи спасибо, что не утонул,— тебе бы тогда Нагайна устроила: и плавание, и ныряние, и прочие подвиги во славу прекрасной дамы.

Миша густо покраснел.

— Эх, если бы Котенька не заснул... — протянула Катя.

В этот момент Мише пришла в голову одна мысль, которую надо было срочно проверить.

— Я сейчас вернусь! — Он выскочил из палаты девочек и влетел в свою собственную.

— Теша! — позвал он.

— Чего тебе? — Квартирный высунулся из-под кровати.

— Скажи-ка, а какой ты нашему вожатому чай заваривал? — вкрадчиво спросил Миша.

— А что такое? — насторожился Теша и подобрал хвост.

— А всё-таки?

---

[1] Ихтиандр — персонаж повести А. Беляева «Человек-амфибия», который умел дышать под водой.

— Ну как же... от морской болезни же... я же сказал... — Теша отвёл глаза.— Мне Соколовский же... Вот, говорит, от живота, вот от морской болезни, вот от бессонницы...

— От бессонницы, значит,— вздохнул Миша.— Ясно. Знаешь, Теш, я тебя очень прошу: никогда не лечи меня от морской болезни. И от живота не лечи, не надо...

В этот момент дверь палаты приоткрылась и в щель просунулась голова вожатого с всклокоченными зелёными волосами. Взгляд у него всё ещё был странный, отсутствующий.

— О! Хорошо, что ты один.

Теша быстро шмыгнул под кровать. Миша настороженно ждал.

Вожатый вошёл в комнату, плотно прикрыл за собой дверь и привалился к ней спиной. Заговорил он не сразу. Несколько секунд Константин Алексеевич пристально вглядывался в Мишины глаза.

— Ну, в общем,— он никак не мог начать разговор,— я должен задать тебе один вопрос.

«Ой-ой»,— подумал Миша.

— Скажи мне честно,— вожатый пристально посмотрел Мише в глаза.— Только честно! Ты ведь тоже видел её? Видел её? Русалку?!

Глава седьмая

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С МОИМ КВАРТИРНЫМ!

Все наказания для шестого отряда в этот день отменили. Ксюша пришла в корпус молчаливая, заплаканная, сердитая и сразу же погнала всех в медпункт. Константин Алексеевич плёлся следом молча и печально. Полная женщина в белом халате и с обесцвеченными волосами долго осматривала каждого, цокая языком, и мазала всех какой-то мазью с неприятным резким запахом. При этом Миша обнаружил, что прикасаться к коже на плечах и спине очень больно, а мазь вдобавок невероятно холодная. Лизанька, пока её осматривали, в очередной раз разрыдалась. Врач потом о чём-то совещалась с вожатыми.

— Ну я вас поздравляю,— вздохнула в итоге Ксюша, обращаясь к ребятам.— Каким-то чудом солнечного удара никто из вас не заработал, ожоги не особенно сильные. Но сегодняшний вечер вам придётся провести в постелях. Можно читать книжки, разговаривать,

но вставать нельзя. Завтра утром врач осмотрит вас ещё раз. Будем надеяться, что всё обойдётся благополучно...

— Ну как тут наши рыбоньки? — В кабинет заглянула Клавдия Аркадьевна.— Все живы?

Ксюша коротко кивнула и отвернулась.

Тромбон быстро прошлась по кабинету, подошла к весам в углу и встала на них. Посмотрела на цифры, коротко вздохнула и сошла с весов, задумчиво сняла крупные алые бусы, втянула живот, встала на весы ещё раз и укоризненно прицокнула языком, прежде чем сойти снова.

— Натворили вы сегодня дел, птенчики мои... — Тут она отвела глаза.— Ну и мы не уследили, чего уж... А мои сегодня ко Дню Нептуна будут готовиться. Тонечка вот у нас русалку будет играть, она плавает лучше всех... а вам лежать надо...

При слове «русалка» Константин Алексеевич вздрогнул.

— Ну ладно, котики мои, Суся, девочка, пойдемте отсюда. Котеньку мы тут оставим, он у нас больше всех обгорел...

* * *

Вскоре после того как Ксюша и Клавдия Аркадьевна, уложив отряд по палатам, ушли в свою комнату, дверь к мальчикам снова приоткрылась.

— Не спииитее? — Вика Незнамова выглядела, как всегда, многозначительно и таинственно.— А вы знаете, что в лагере вещи пропадают?!

— Пропусти-ка,— отодвинув Вику с прохода, в комнату решительно вошла Эля.— Есть разговор.

Следом за Элей вошли разом все девочки.

— Ребят, у нас нехорошее что-то в корпусе,— Эля перешла сразу к делу.— Сначала у всех девчат пропали продукты, все сразу. А сегодня обнаружилось, что ещё и носков у всех не хватает. А у Кати бусы исчезли...

При слове «продукты» все разом посмотрели на Сёмочкина. Тот выпрямился и выпятил губы. Миша покрылся холодным потом.

— Это привидение! — всхлипнула Лизанька.— Я же говорю! Ну мы же все его видели.

— Я бы посмотрела, как твоё привидение огурцы лопает и бусы в носки заворачивает! — сердито ответила Эля.— В общем, так, ребят. Без обид. Давайте не доводить дело до разборок у директрисы. Мы в своей комнате уже всё осмотрели. Осталась ваша. Вот.

В этот момент что-то заскреблось в окно палаты. Девочки взвизгнули, но в следующую секунду за окном показалась довольная физиономия Тохи. Миша подошёл к окну и отодвинул задвижку. Тоха тут же забралась в комнату.

— Я решила навестить больных! — радостно сообщила она.— А то Тромбон меня хочет заставить какую-то русалку изображать!

«Просто проходной двор какой-то, а не палата»,— подумал Миша.

— Так и чееее? — Дёма Квасников, не обращая внимания на Тоху, скривился, угрожающе приподнявшись в кровати.— Ты в моих вещах, что ли, рыться будешь?

— Мы... — Эля осеклась.

— Я думаю,— спокойно вмешался Арам,— будет лучше, если мы сами предъявим содержимое своих тумбочек и чемоданов, верно? Я бы тоже посмотрел на мальчика, которому понадобились ваши бусы!

С этими словами он первым полез под свою кровать за чемоданом.

Миша, желая поддержать друга, последовал его примеру.

— Вот! — Миша и Арам одновременно расстегнули свои чемоданы и откинули крышки.

Девочки ахнули.

В Мишином чемодане аккуратными стопочками были сложены обёртки от шоколада, фантики от конфет и разноцветные носки. Поверх стопки носков красовались два яблока и пёстрые бусы из крашеных ракушек.

Пожалуй, это была худшая минута в Мишиной жизни.

Весь отряд смотрел на него в тяжёлом молчании. Хуже всего были взгляды Кати и Тохи: первая смотрела на него в ужасе, вторая — с невыразимым презрением. Оправдываться и объяснять что-то казалось совершенно бесполезным. Да и что тут объяснишь? Это не я, это мой квартирный? Да ведь Теша ни за что не покажется при всём отряде! Все подумают, что он, Миша, ещё и сумасшедший.

— Так это чё? — изумился, казалось, даже Дёма.— Этот, что ли, носки тырил? Так ему, может, по морде, что ли? — Он неторопливо спустил ноги с кровати и принялся, ухмыляясь, разминать пальцы.

— Вот не подумала бы... — протянула Катя.

— Ну, может, он объяснит ещё? — Алёна с надеждой смотрела на Мишу, ожидая, видимо, что всё сейчас чудесным образом разрешится.

Но Миша хорошо понимал, что чудес не бывает. Лучше всего ему прямо сейчас умереть вот на этом месте. Можно, конечно, просто сбежать из лагеря... но ведь Дёма и в школе расскажет всем. И значит, он,

Миша, до конца своей жизни будет покрыт пятном позора! И все из-за...

— Так нечестно! — Сёмочкин вскочил неожиданно для всех, полез почему-то тоже под Мишину кровать и закопошился. Какое-то время все видели только его полный зад и ноги в пижамных штанах. Зато было хорошо слышно, как он бубнит: — Ты совсем бессовестный, да?! — доносился его голос из-под кровати.— Ты видишь, человеку сейчас морду будут бить?!

— Он сошёл с ума? — в ужасе прошептала Алёна.

Однако в этот момент Серёжа вылез из-под кровати, таща за собой светло-сиреневый хвост.

Обладатель хвоста упирался как мог. Показаться сразу такому количеству народу — это было выше Тешиных сил. И уж точно совершенно против всех квартирных Правил. Теша, как и Миша, твердо знал: лучше бы ему умереть прямо сейчас, потому что в следующую секунду наверняка свершится что-то ужасное и непоправимое...

Но Серёжа Сёмочкин был настойчив. К Теше он питал самые дружеские чувства, вдобавок этих двоих объединяли общие интересы: преимущественно гастрономические. Но терпеть такую несправедливость Серёжа все-таки был не намерен.

Сделав, наконец, последний рывок, Сёмочкин вытянул из-под кровати клубок светло-сиреневого меха, который, впрочем, тут же вцепился всеми четырьмя лапами в ножку кровати и попытался втянуться обратно.

— Только без паники, а то вожатые прибегут! — вскочил Миша, предупреждая общий вопль.

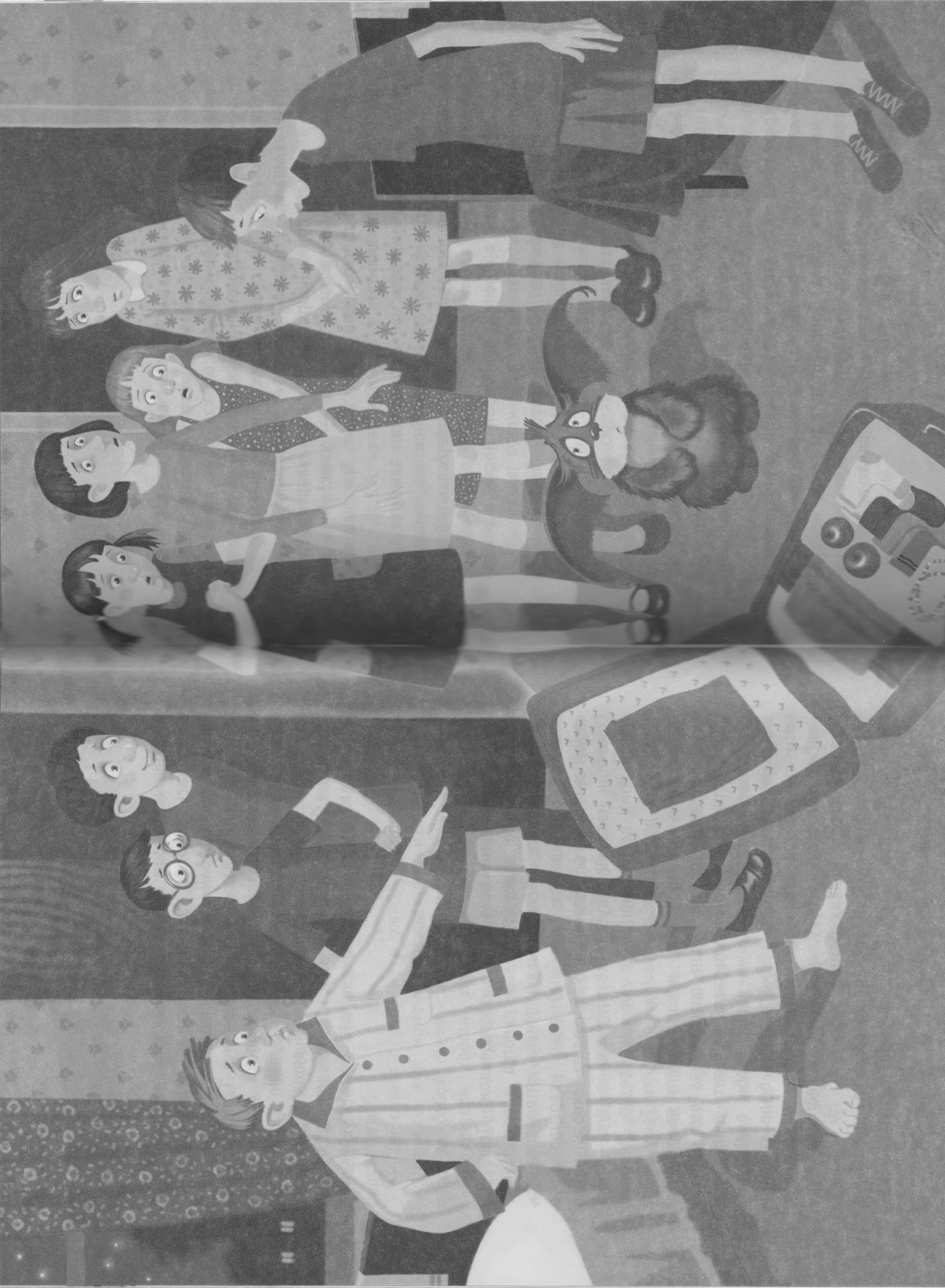
Девчонки разом ахнули, Лизанька на всякий случай спряталась за Элю, мальчишки только недоуменно таращили глаза. Арам смотрел с любопытством.

— Ну ладно, ладно уже,— всхлипнул Теша, отпуская ножку кровати и одновременно сжимаясь в комок. Тут Катя все-таки вскрикнула, впрочем тут же зажав себе рот рукой.— Ну не успел я бусы вернуть. Ну я ж не знал. Откуда я знал? Ну, что вы искать будете. Я Нюсе подарить хотел. Очень она бусы из ракушек просила...

* * *

...Столько внимания разом застенчивому Теше Закроватному не перепадало ещё никогда в жизни. Ребята изумлялись, расспрашивали Мишу, интересовались, живёт ли кто-нибудь подобный в их квартирах и в самом ли деле с «таким» можно ходить сквозь стены. Сёмочкин наконец отпустил квартирного из рук — прятаться тому всё равно было уже бесполезно. Девочки, отталкивая друг друга, норовили погладить Тешу и всё восхищались его пушистым мехом, отчего квартирный смущался ещё больше. Арам разглядывал его с интересом естествоиспытателя, пытаясь измерить длину хвоста и пересчитать пальцы на лапах, чтобы определить видовую принадлежность. Дёма потянул было квартирного за ухо, однако Теша, извернувшись, укусил его. Квасников отдернул руку, на которой отчётливо отпечатались следы мелких острых зубов.

— Ззарраза! — Квасников отпрыгнул, посасывая палец.

— Я и не знал, что ты кусаешься,— изумился Миша.

— Я и сам не знал,— застенчиво ответил Теша и завернул хвост вокруг себя.

— Кстати! — вспомнил вдруг Миша.— Я всё хотел тебя спросить. Теш, скажи, а русалки — бывают?

— Бывают,— вздохнул Теша,— ещё как бывают. Вот в нашем доме, например, в одной квартире, там мавка под ванной живет. Вредная — ужас! Чуть что ей не так — сразу соседей снизу топит. Три раза трубы из-за неё чинили.

— А... привидения? — спросила, замирая, Лизанька. Она единственная из девочек не пыталась подойти к Теше поближе, опасливо держась на расстоянии.

Сёмочкин тем временем перебирал носки в Мишином чемодане, выбирая свои.

— Да вроде бывают,— Теша пожал плечами. Лиза на всякий случай всхлипнула.— Хотя я не встречал.

— Погоди-ка,— вмешалась Эля.— А под полом по ночам — это ты стучал?

— А шаги ночью? — зашумели девочки.— А скрипы в окне? А стоны?

— Я же вам говорю, ничего необыкновенного! — с торжеством заключила Эля, не дожидаясь Тешиного ответа.— Не Грохотовы, так вот этот вот... обыкновенный квартирный. А привидений — не бывает!

Грохотовы при упоминании о себе одновременно пожали плечами и развели руками, как бы говоря: «А мы-то что!» Дима Доброхотов при этом ненароком задел стопку книг на тумбочке Арама и с шумом опрокинул их на пол. Арам молча полез собирать книги.

— Не стучу я,— насупился Теша.— И ходим мы, между прочим, вообще бесшумно.— Для убедительности он прошёлся по комнате.— Может, я, конечно, и не лучший квартирный в мире. Но уж это-то я умею!

— А кто же тогда... — Катя не закончила фразу.

— Не знаю,— отрезал Теша, недовольно размахивая хвостом.— Я, между прочим, тоже слышал. Ходит, да. А квартирных тут нет больше. Откуда бы? Квартирные, кстати, чтоб вы знали, не стонут. Может, и привидение. Мне почём знать? И в окно кто-то скребётся. А ещё следы я под кроватями встречал. Мокрые. По ночам обычно, через час где-то после отбоя.

Лизанька вскрикнула.

— Вот! — торжествующе объявила Незнамова.— Что я говорила! Настасья это. Она ж утопленница, вот и следы мокрые. Да вы ж сами её видели!

Девочки испуганно переглядывались, мальчики с недоумением пожимали плечами — историю Настасьи они ещё не слышали. Впрочем, долго оставаться в неведении в присутствии Незнамовой у них просто не было шансов...

* * *

К ужину ребятам разрешили выйти из корпуса. В столовую шли под присмотром Ксюши и Клавдии Аркадьевны.

— А у Константина Алексеевича — солнечный удар,— расстроенно рассказывала ребятам Ксюша. — Он такой умный, такой умный, и такой дурак иногда...

Вожатая осеклась, как будто чуть не сказала что-то лишнее, вздохнула, а затем, понизив голос до шёпота, добавила:

— Медсестра говорит, у него вроде даже галлюцинации были. А ещё у него ожог и белое слово «Пью» на груди,— тут она укоризненно посмотрела на Грохотовых. В авторстве этого «послания» она даже не сомневалась.

— Это не в смысле «пить»,— сообщил Дима Доброхотов с почти искренним раскаянием.— Это чайку так зовут...

Ни Ксюша, ни Клавдия Аркадьевна не обратили внимания на то, что Серёжа Сёмочкин зачем-то нёс в столовую туго набитый рюкзак. Зато во время ужина Тромбон всё никак не могла нарадоваться на то, как замечательно нынче кушает шестой отряд.

— Ну вот, набегались-накупались, наконец-то аппетит появился, птенчики мои! — растроганно приговаривала Тромбон, наблюдая, как ребята один за другим бегают к окошку раздачи за добавкой.

А под столом шестого отряда творилось странное: рюкзак Серёжи Сёмочкина сам собой переползал от одного стула к другому, а ребята непрерывно роняли вилки, то и дело ныряя за ними под стол... почему-то вместе с тарелками, булочками и стаканами с компотом. Выныривали из-под стола они с невинным видом и пустыми руками.

Теша блаженствовал. Впервые за время пребывания в лагере ему удалось так сытно поесть, не вступая в конфликт с собственной совестью...

* * *

После недолгих уговоров Ксюша разрешила девочкам оставаться до отбоя в палате мальчиков, если все будут вести себя тихо. Арам и Эля, лёжа на кроватях, читали книжки, Вика раскладывала Кате, Алёне и близняшкам Маше и Даше Куковицким пасьянсы. Теша при этом подсказывал ей — оказалось, он знает множество карточных гаданий, о которых даже Вика не слышала.

Миша сидел на подоконнике, болтая ногами и переживая несправедливость этой жизни. Теша всегда был только его собственным, персональным квартирным. Его маленькой тайной. А теперь Теша почему-то раскладывает пасьянсы с девчонками, делится булками с Сёмочкиным и вообще ведёт себя так, как будто он *общий* квартирный, а не его, Мишин...

Его размышления прервал стук в окно. Миша спрыгнул с подоконника и отодвинул задвижку.

— Кто там? — Арам поднял голову.— Тоха?

— Нет... — Миша с изумлением вглядывался в сумерки. За окном, крупно вздрагивая и обхватив себя руками за плечи, стоял Константин Алексеевич. Его все ещё наполовину зелёные волосы были встопорщены. Вид у него был нездоровый.

Дёма присвистнул.

— Визиты в окно, кажется, входят в моду,— пробормотал Арам.

— Есть разговор,— негромко сообщил вожатый, обращаясь к Мише.

Миша взобрался на подоконник, перекинул через него ноги и спрыгнул на улицу — благо здесь было

невысоко. «Во всяком случае,— подумал он,— если меня и поймают, виноват будет Котенька, а у него удар. Его уже не накажут...»

Половина ребят отряда с любопытством высунулась из окна, остальные напирали сзади, пытаясь протиснуться. Оглянувшись на них, вожатый ухватил Мишу за руку и отвёл его немного в сторону.

— У меня к тебе просьба,— немного смущённо, с запинкой зашептал Константин Алексеевич.— Я ходил уже, звал... Она больше не появляется. Я знаю, у тебя получится. Просто отдай ей это! — Он сунул в руку Мише скомканную бумажку.— Завтра — День Нептуна, вы снова пойдёте к морю. Она должна появиться! Передай...

Миша кивнул и сунул бумажку в карман:

— Постараюсь.

— Хорошо! Только это — между нами, да? — Вожатый снова обхватил себя за плечи и быстро зашагал от корпуса.

Миша, неловко подтянувшись, влез назад в окно.

— Ну чего там? Что он хотел? — Ребята обступили его со всех сторон.

— Да так... ничего особенного,— Миша посмотрел себе под ноги.— Пожелать спокойной ночи зашёл.

* * *

...Перед самым отбоем, когда девочки ушли, а ребята наконец перестали обращать на него внимание, Миша улёгся в постель, отвернулся к стене и украдкой развернул скомканную бумажку.

«Прекрасной Деве Морей...» — начиналось послание, написанное нервным, торопливым почерком, украшенным, однако, длинными завитушками.

«Прекрасной Деве Морей.

Сонет.

О дева несравненная морская!
Прекрасная спасительница, о!
Теперь, узрев тебя, лишь жить я начинаю!
Теперь лишь понимаю, как давно

Мечтал об этой встрече и в терзаньях
Себя не знал, не видел света, не любил...
Лишь ты отрада мне в моих страданьях,
Лишь взгляд один придаст теперь мне сил!

Твои глаза, и волосы, и руки —
Я исступлённо вспоминаю вас!
О дева! О! Избавь меня от муки!
Позволь увидеть вас ещё хоть раз!

Простите ль вы мой нервный, робкий стих?
Узреть мечтаю лишь любовь в глазах твоих!

Автор этих строк: Константин.
P. S[1]*. Мечтаю о встрече! Молю! Навеки ваш».*

«Да,— подумал Миша.— Это любовь...»

---

[1] P. S. — post scriptum, или «после подписи» по-латыни. Этими буквами обозначают приписки в письме. После подписи, разумеется.

Глава восьмая

ПРО ЛЮБОВЬ

С самого утра лагерь «Солнышко» бурлил и суетился. День выдался ясным и солнечным, так что празднику ничто не могло помешать. По дорожкам между корпусами то и дело сновали девчонки в длинных белых париках и мальчики с трезубцами.

В общем волнении не принимал участия только отряд «Искателей», заточённый в своём корпусе и приговорённый до обеда к постельному режиму. Впрочем, осмотрев и намазав ребят ещё раз гнусной мазью, врач милостиво разрешила им посмотреть после обеда на праздник («Не дольше получаса! Потом — обратно по койкам!»). Оставаться весь день в постели предстояло только Сёмочкину, который покрылся огромными волдырями, да ещё Лизаньке, у которой от слёз поднялась температура. Ночью в коридоре опять кто-то ходил и стонал, и Лизанька проплакала всю ночь. Катя долго не хотела выходить из своей комнаты, чтобы умыться, и тоже едва не плакала: она покрылась с головы до ног веснушками. Впрочем, обнаружив, что на это никто

не обращает особенного внимания, она быстро пришла в себя и снова повеселела.

Миша чувствовал себя превосходно. Кожа уже почти не болела, да и краснота, большей частью, сошла. Кроме того, он чувствовал свою значимость: у него было важное поручение, доверенное только ему.

Дождавшись, когда врач и Ксюша выйдут из палаты, Грохотовы молча открыли окно и целеустремлённо полезли на подоконник. Миша не менее решительно последовал за ними.

— Эй! — окликнул его Арам.— Ты в своём уме?

— Нет! То есть да! — Миша кивнул на всякий случай.— Хотя... В общем, у меня есть дело. Я скоро вернусь!

— А мы нет! — ухмыльнулся Митя Гроссман.— У нас много дел!

Миша спрыгнул и оглянулся на корпус. Из окна палаты девочек лезла Катя, которую молча назад в комнату тянула Эля. У Кати были накрашены губы.

— Эй! Славин! Гро... Грохотовы! — завопила Эля, выпуская талию Кати из рук. От неожиданности Катя едва не вылетела из окна вниз головой, едва успев вцепиться руками в раму.

Дожидаться, чем закончится дело, Миша не стал. Пригибая голову, он припустил вдоль корпуса по направлению к пляжу. Грохотовы, так же пригибаясь, побежали в другую сторону.

...Разыскать русалку на пустынном пляже оказалось не так уж сложно. Она качалась на волнах, раскинув руки и зажмурив глаза, неподалёку от мостков. Её длинные волосы казались издалека большим пятном морской пены. Вокруг шеи и талии

сложной системой узлов было завязано бело-розовое шелковое парео.

Миша тихонько подошёл по мосткам.

— Вы совсем не боитесь, что вас увидят? — негромко спросил он.

— А чего мне бояться? — усмехнулась русалка, не открывая глаз.— У вас же этот... День Нептуна. Кто увидит — подумает, ряженая. Мы в этот день тут часто шалим. Кто ж в нас поверит?

— Наш вожатый поверил,— вздохнул Миша.

— Правда? Он видел? — От изумления русалка даже открыла глаза, перевернулась в воде и подплыла к мосткам.— Интересно...

— Да уж куда интереснее... Он страдает,— Миша протянул русалке записку: — Это вам.

Русалка взяла бумажку мокрой бледной рукой и с изумлением поднесла к глазам. Затем перевернула другой стороной и даже понюхала.

«Ой... Она же не умеет читать»,— догадался Миша.

— Давайте я вам прочитаю!

Он забрал у русалки влажноватую бумажку и торжественно, с трудом разбирая расплывающиеся буквы, прочёл вслух сонет.

Русалка слушала с расширенными глазами, а затем вдруг весело расхохоталась, тряхнув волосами. В Мишу полетели брызги.

— Пусть приходит после заката, когда все уйдут! — Она махнула рукой и нырнула, плеснув по воде хвостом и снова обрызгав Мишу. Повеяло едва уловимым запахом рыбы.

«Вот и хорошо,— подумал Миша.— Миссия выполнена!»

...Окна обеих палат в корпусе шестого отряда были по-прежнему распахнуты настежь. «Отлично!» — обрадовался Миша, подбежал к своему окну и почти уже привычно закинул ногу на подоконник.

— Вас подсадить, молодой человек? — спросил доброжелательный голос за спиной.

Миша, все так же с одной закинутой ногой, обернулся. На дорожке возле корпуса стояла Нагайна. Чёрт, как это он не услышал её каблуков?.. Директриса со спокойным интересом наблюдала за ним, чуть приподняв брови. Обеими руками она железной хваткой держала за плечи Алёну Гасанову и Катю Величко. На девочках были нарядные платья, губы у обеих были накрашены, а вид — виноватый.

— Н-нет, спасибо! — Единым рывком вскарабкавшись на подоконник, Миша забрался в комнату и оглянулся на директрису.

— Похоже, под окнами шестого отряда пора ставить сети... — заметила Нагайна.

— Извините! — на всякий случай выкрикнул Миша, с грохотом захлопнул окно и пригнулся.

Рядом послышался стон. Миша оглянулся. Арам, задыхаясь, хохотал в подушку.

* * *

День Нептуна прошёл так, как проходят практически все Дни Нептуна во всех детских лагерях — в играх и представлениях. Миша заметил, что в «Танце русалок», кроме наряженных вожатых и девочек из старших отрядов, участвовали две настоящие русалки. Правда, кроме него, никто на это внимания не обратил: русалки хихикали и ныряли в точности так же, как все остальные.

Посреди представления на пляж явилась стая чаек — шайка Одноглазого Пью, и половина ребят на некоторое время перестала обращать внимание на «актёров», декламировавших стихи. Кто-то кидал чайкам хлеб, кто-то гонялся за ними.

— Слева кидай, справа Пью не видит! — выкрикивали Грохотовы, пока их не утихомирила Ксюша.

Роль Нептуна исполняла Клавдия Тромбон. Её «дочерью» была Тоха в длинном спутанном парике и серебристой юбке, мешавшей не только плавать, но даже ходить.

— Засмеёшься — убью! — прошипела она, пробегая мимо Миши. Тот почему-то сразу поверил.

Правда, сразу после основной части представления Ксюша, стараясь не шуметь и не мешать остальным, торопливо собрала своих ребят и повела назад в корпус. Девочки недовольно гудели.

— Надо было раньше думать и вести себя по-человечески! — ругалась Ксюша.— А ещё кто-нибудь из корпуса убежит — до конца смены запертыми будете сидеть! Всё-всё! Кстати, имейте в виду — завхоз на ваших окнах заглушки снаружи поставил!..

* * *

Вечером на площадке перед главным корпусом шла дискотека. Музыку было слышно издалека. Девчонки тоскливо вздыхали, но Ксюша на сей раз решила перестраховаться — она собрала «Искателей» в холле корпуса и затеяла «тихие игры» — в «Крокодила», в «Бумажки» и во что-то ещё. Впрочем, играть оказалось

весело, так что время прошло незаметно для всех. Несколько раз Ксюша выставляла из корпуса Тоху, которая каким-то непостижимым образом каждый раз снова оказывалась в холле. Вожатая только диву давалась, в очередной раз обнаруживая «лишнюю».

Только после отбоя, несколько раз перепроверив и снова пересчитав своих подопечных, Ксюша, наконец, заперла дверь корпуса, двери обеих палат и отправилась спать сама.

Вскоре после того, как её шаги затихли, из-под кровати Вики Незнамовой высунулась встрёпанная голова.

— Спите? — спросила Тоха, выбираясь и бесцеремонно усаживаясь на Викину постель. С кроватей послышалось хихиканье.

Никто не спал. Спать отчего-то не хотелось совершенно. Возможно, виновата была музыка, отголоски которой все ещё доносились от главного корпуса — у старших отрядов отбой был на час позже.

— Давайте болтать! — предложила Маша Куковицкая.— Всё равно же не спим!

— А пойдёмте к мальчикам! — предложила Катя.— Наверняка же они тоже не спят! Будем болтать и рассказывать истории.

Ксюша заставила её умыться, но это не особенно помогло: собираясь в лагерь, Катя выпросила у мамы дорогой набор стойкой косметики, которую не так просто было отмыть. Тушь на глазах, может, слегка и размазалась от мыла, зато помада вообще не пострадала. И румяна тоже. Кате было очень обидно, что такую красоту некому оценить.

— Не может быть и речи! — возмутилась Эля.— Что сказала Ксюша!

— Подумаешь! — махнула рукой Катя.— Мы же даже не выходим из корпуса!

— Ну и как ты собираешься это сделать? — скептически спросила Эля.— Дверь-то заперта!

— Есть одна идейка... — Катя невинно улыбнулась.

* * *

Мальчики тоже не спали. Грохотовы рассказывали в красках, как им удалось, ускользнув от Нагайны, пробраться к морю за лагерным пляжем, и как завхоз Михалыч вместе с охранником в итоге их выследили.

Никто почти не удивился, когда из-под Мишиной кровати одна за другой начали вылезать девочки. Последней, держа за руку Тешу, выбралась недовольная происходящим Эля. «Должен же кто-то присматривать за этим безобразием!» — как бы говорил её взгляд.

— Все чудесатее и чудесатее,— прокомментировал Арам.— Добрый вечер, леди!

— Слууушай,— протянул Гроссман, обращаясь к Доброхотову,— и как это мы с тобой сразу не подумали?

— Сквозь стену! — хмыкнул в ответ Доброхотов и кивнул.

Оба уже заинтересованно смотрели на Тешу.

— Не пойду! — категорически объявил тот, поймав их взгляды.— Наружу — не пойду!

— Тееешa,— просительно протянул Митя.— Будь человеком, а...

Теша изумлённо вытаращил глаза и ещё сильнее замотал головой. Быть человеком ему явно не хотелось.

Эля свирепо упёрла руки в бока.

В разговор вмешалась Вика Незнамова.

— А вы знаете,— восторженно начала она,— что после отбоя все вожатые голыми купаться ходят? Прыгают с разбега с мостков там, где прыгать запрещено...

— Что, и Тромбон?! — с ужасом спросила Алёна, прижав руки ко рту.

— Конечно! Всё! Что я вам — врушка какая?!

— По законам физики, это невозможно,— хмыкнул Арам.— Если Тромбон прыгнет в воду с разбега, прилив будет такой, что лагерь волной смоет.

— И только наш — не ходит! Вот!

— Да откуда ты-то всё знаешь? — недовольно вклинилась Эля.— И не верю я в это. Вечно ты какие-то сказки рассказываешь.

— Поссспорим? — свистящим шёпотом переспросила Вика и с вызовом протянула худенькую ладошку.

— Ни за что! — насупилась Эля, зачем-то спрятав руку за спину.

Все разом посмотрели на Тешу.

* * *

Музыка у главного корпуса уже затихла, и даже старшие отряды разошлись по своим корпусам. Дорожки лагеря опустели. И только четырнадцать ребят и один квартирный, стараясь держаться в тени и прижимаясь к стенам, крались по направлению к пляжу.

Теша чувствовал себя ужасно. Такие далекие прогулки по улице были для него не самым простым испытанием. Так далеко даже Нюся не заходила!

«Зато мне будет что рассказать ей, когда вернусь»,— утешал он самого себя. Впрочем, на то, что он вообще однажды вернётся домой, надежды было всё меньше.

— Если нас поймают,— не переставала бубнить Эля,— сразу отправят по домам! И правильно сделают! Я папе обещала, что...

— А мне здесь начинает нравиться,— неожиданно перебила её шепотом Лизанька.— Только очень страшно...

— Бу! — Дёма схватил её сзади за плечи. Лиза тоненько взвизгнула.

— Да тише! — шикнул кто-то.

— Смотрите! — просвистела Вика, вытягивая в темноте руку. Ребята были уже возле пляжа.

Пляж был пуст. Однако у самой кромки моря сиротливо лежала кучка одежды, а по колено в воде стоял очень худой человек в широченных плавках.

— Да это же ваш Котенька! — изумилась Тоха.

— Ничего он не голый,— с облегчением прошептала Эля.

— Зато он точно, значит, по ночам купаться ходит. А остальные не ходят,— с сожалением вздохнула Вика.

— Теперь идёмте! — Эля снова начала сердиться.

— Да подожди ты! — остановила её Катя.— Там, кажется, ещё кто-то есть! Вон там, у мостков, видите, что-то плещется?

— Ой,— Миша вдруг заторопился.— Пойдёмте, а? Может быть... ну, может, человек не хочет, чтоб мы видели!

— Да тихо вы все! — шепнула Вика, вытянув шею и пытаясь разглядеть, что же там ещё. Или кто.— Услышат!

В воде чуть дальше Константина Алексеевича кто-то тихо смеялся, хотя никого не было видно в тени мостков.

— Глупый! На такой глубине не научишься! — узнал Миша голос русалки.— Ты поглубже зайди. Вода сама держит.

— Это вас держит, дорогая Аглая! — оправдывался Котенька, страдая.— Меня не держит! Я тяжёлый!

— Глупый ты, а не тяжёлый! — Русалка снова засмеялась, а затем подпрыгнула, как дельфин, сделав сальто в воздухе и обрызгала Котеньку с головы до ног.— Руку давай, дурак!

— Это же моё парео! — шёпотом возмутилась Катя Величко, указывая пальцем на Аглаю.— На этой... селёдке.

— Ага, и посмотрела бы я, как она стометровку брассом проплыла! — не менее недовольно прокомментировала Тоха.

— Я же только хотел сказать! — Вожатый сделал шаг вперед, протягивая руку.— Я люблю вас! Я никогда прежде... я...

Послышался новый взрыв смеха.

— Бедный малёк! И кстати, мне 785 лет! У меня есть четыре правнучки! Хочешь, познакомлю? — Русалка плеснула хвостом по воде и опрокинула Котеньку.

— Но я... я вас... Аглая! — Тот всё пытался встать, прижимая руки к груди.

— Давай-ка лучше плавать учиться, балда,— вздохнула русалка.

— Пойдёмте отсюда! — шёпотом предложил Миша.— Неудобно же!..

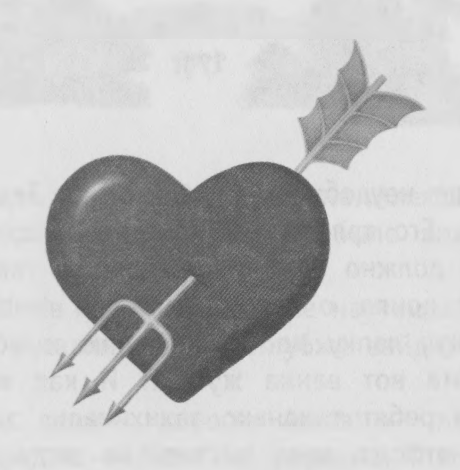
— Вообще неудобно! — подтвердил Теша, постукивая зубами. Его трясло.— Вот эта ванна, она неправильная, не должно быть таких ванн, я так не могу!..

Никто не понял, о какой ванне он говорит, но тут Теша протянул лапку по направлению к морю.

— Вот эта вот ванна жуткая! И как её чистить?!

Кто-то из ребят тихонько захихикал:

— Айда отсюда, пока чистить не заставили!

Глава девятая
ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАШ КОШМАРНЫЙ СОН!

В свой корпус ребята вместе с Тешей ввалились гурьбой, пройдя сквозь стену комнаты мальчиков.

— Нет, ну надо же! — возмущалась Катя.— Да эта скумбрия мороженая нашей Ксюше вообще в подмётки не годится!

Многие девочки соглашались с ней, придумывая для коварной русалки всё новые «рыбьи» прозвища. Элю радовало одно: похоже, на этот раз их исчезновения никто не заметил. Впечатления и мнения все высказывали хором, не слушая друг друга, когда вдруг послышался громкий стук... откуда-то из-под пола.

Все разом замолчали, замерли и прислушались. Вот заскрипели старые половицы... Совершенно точно — это шаги! Кто-то длинно, протяжно и глухо застонал — совсем близко!

— Это она... — прошептала Вика.— Бежим!!!

Она первой кинулась к двери, забыв, что та заперта. Ребята вместе с Тешей в панике кинулись за ней, толкаясь и наступая друг другу на ноги. Испугалась на этот раз, кажется, даже Эля, хотя самый бледный вид был, пожалуй, как ни странно, у Дёмы. Тот стучал зубами, не в силах ничего произнести. Наконец, давясь и толкаясь, все кое-как взялись за руки, чтобы пройти сквозь дверь... И тут одна из кроватей поехала прямо на них и встала поперёк!

Ребята кинулись к противоположной стене: но от неё — скрипя, хлопая дверцами и выплёвывая рубашки — отъехал шкаф.

Окно захлопало обеими створками, ещё минуту назад закрытыми на щеколду.

— Нет, нет, нет...— едва слышно повторяла Катя.

Близняшки обнялись, прижимаясь друг к другу и крупно дрожа.

Бежать было некуда.

— Свет! Включите кто-нибудь свет! — слабеющим голосом пискнула Алёна.

Выключатель был рядом с дверью — прямо над взбесившейся кроватью.

Тоха, издав невнятный звук, прыгнула на кровать и хлопнула ладонью по выключателю.

Странный синеватый свет вспыхнул, осветив всех мертвенными отблесками. Затем лампочка затрещала, мигнула несколько раз и погасла.

— Надо кричать... — в ужасе прошептала Лизанька севшим голосом...

* * *

— Та шош это такое-то? Аа?! — проскрежетал вдруг незнакомый голос.— Скока годов тута служу — первый раз такие ребятёнки несносные! Кричать неча.

Щас вожатых перебудите мне. Вот как с вами ищё, а?! Никакого сладу же!

Первой из стены показалась длинная палка, а за ней метла — старая, длинная, связанная из прутьев. Метлу сжимала сморщенная и сухая коричневая рука.

Ребята смотрели, не шевелясь, пока обладатель руки выбирался из стены. И только Теша Закроватный спокойно и хладнокровно подошёл к незнакомцу и протянул лапку.

— Терентий,— представился он.— Закроватный.

Худощавый старичок, выбравшийся из стены, ростом был несколько ниже среднего. С длинными спутанными волосами рыжевато-пегого цвета. Одет в полотняную рубаху до пят. Как на клюку, он опирался на метлу, держа её ручкой вниз, и со стуком переставлял, когда двигался.

— Ишь, гастролёр! — неодобрительно цыкнул старик, смерив Тешу взглядом, однако лапку пожал.— Я тута в лагере за порядок отвечаю. Только с вами никакого, эта, ни порядку, ни покою не стало. Лагерный я теперя вроде как.

Ребята слегка расслабились и выдохнули. Лизанька тихонько заревела за спиной Дёмы. На это уже почти никто не обратил внимания.

— Ага,— Арам первым пришёл в себя и подошёл к старику.— И такие ещё, значит, бывают... А если вас не затруднит, господин лагерный, вы не могли бы наклонить голову и чуть повернуться, вот так?

Старик, опешив от такой бесцеремонности, послушно наклонил голову.

— Нет, ещё повернитесь...

Арам, подняв брови, обернулся к ребятам:

— Она?

— Настасья!..— разом выдохнули девочки.

— Чаво? — изумился лагерный.— Меня Семёном ваще-то звать... А ты,— тут он повернулся почему-то к Вике Незнамовой,— токмо путаешь всех. Зря я тебе всё рассказывал, ох, зазря...

Вика вздохнула и виновато опустила голову.

* * *

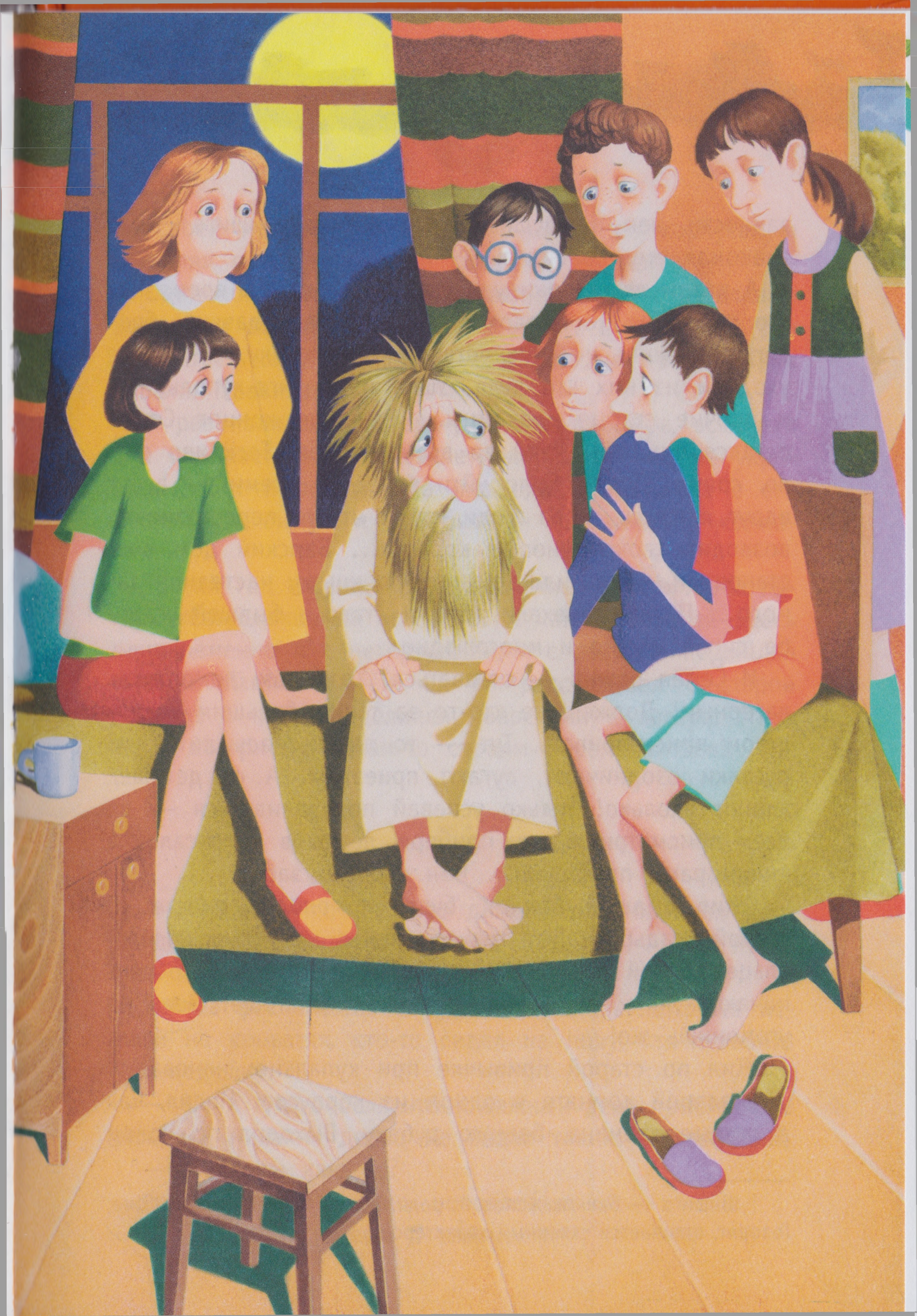
Когда-то очень-очень давно на том месте, где теперь располагался детский лагерь, была богатая помещичья усадьба. Было в ней шумно и многолюдно. И... *многоразно* — тоже было. Жили там, конечно, и домовые, и кикиморы домашние, а уж коловерш[1] разных, дворовых, конюшенных, банников и овинников[2] — и вовсе без счета.

Семён был в те времена банником — присматривал за большой купальней: парку поддавал, следил, чтобы люди в бане не угорели ненароком. Мог и подшутить, конечно, над человеком — если ему не нравился кто. Кипятком ошпарить, напугать так, что выбегал тот из бани в одном исподнем. Но в целом Семён был существом не вредным, да и пакостил больше по обя-

---

[1] Коргоруши, или коловерши — помощники домовых.

[2] Дворовые, банники и овинники — жители, соответственно, дворов, бань и овинов. Некоторые из них были добрыми и помогали хозяевам, а иные больше вредничали и пакостили. Кстати, несмотря на свой неказистый вид, банники обычно очень сильные. Двигать шкафы, например, для них — плёвое дело.

занности, чем по душевному велению. Шишига[1] одна знакомая ему нравилась.

А потом люди покинули усадьбу, и долгое время никто здесь не жил, кроме случайно забредавших бродяг. Конюшни и бани ветшали потихоньку, и *разные* уходили из них кто куда. Ушла и шишига-купальница, и прочие старые знакомцы... В конце концов Семён остался однажды один во всей усадьбе. Тоскливо стало, сонно. Думал было уйти вслед за всеми — а тут вдруг явились снова люди, стали что-то перестраивать, возводить вокруг новые корпуса... Барский дом восстановили, выкрасили; рухнувшую крышу настелили заново... Потом приехали дети, и стало в бывшей усадьбе снова шумно и многолюдно.

И Семён решил — оставаться! Хозяином, домовым... лагерным! Должен же кто-то за таким большим хозяйством присматривать. Тут — то леший расшалится, то русалки озорничают, пугают приезжих. А от детишек хлопот сколько! Только успевай поворачиваться — за всем присмотри, всюду прибери, лешаков да русалок с кикиморами приструни... Вон сколько забот!

Ожил бывший банник, будто помолодел вместе со старой усадьбой. Вот только злился на своих «постояльцев» иной раз. Эка мусорят! А шумят! А безобразничают! Ну пугал порой. А как с ними ещё? Ведь не угомонишь же!

Жил по старой привычке при купальне: ночевал в умывальной комнате в одном из корпусов. Носил, как в старые времена, банную рубаху. Выходил по ночам

---

[1] Шишига — банник женского рода. Живёт под полоком в бане. Говорят, отличается скверным характером.

со своей метлой, бродил с ворчанием по корпусам и оставлял повсюду мокрые следы босых ног.

Одиноко порой бывало. С лешими-то да с русалками домашние *разные* издревле не ладят. Думал иной раз показаться кому из людей — да старые привычки не давали, Правила.

А раз явилась в лагерь девчонка-проныра, всюду-то она пролезет, всё-то вызнает, ничего от неё не укроется... Вот и подстерегла она однажды Семёна с его метлой. Да он уж и рад был — всё какая-то компания.

Третий год подряд приезжала Вика Незнамова в лагерь «Солнышко» на всё лето. И каждый год её здесь одновременно и с нетерпением, и с досадой поджидал бывший банник Семён. Ей он рассказывал о старой усадьбе, с ней же делился новостями о лагере. Надо же и лагерному с кем-то словом перемолвиться!..

* * *

— Так что,— с каким-то даже разочарованием протянула успокоившаяся, наконец, Лизанька,— нет никакого привидения?!

Ребята расположились уже кто как: некоторые лежали на кроватях, кто-то сидел на полу, кто-то обнимал подушку.

— Ну я тута опосля отбоя кажный день прибираю... отродясь никаких девиц не видал таких. Призрачных.

— А стоны как же?

Семён глянул коротко, исподлобья:

— Та уж застонешь с вами...

— Так выходит,— Эля повернулась к Вике, её тон не предвещал ничего хорошего: — Ты нас нарочно пугала?!

— Ну так ведь интереснее! — оправдывалась Незнамова.

— А Настасьи никакой поди вообще не было? — зловеще продолжала допрашивать её Эля.— А статуя — чья? — Она снова обернулась к лагерному.

— Стату́я-то? Стату́я — то колхозница была: как усадьбу перестраивали, её и поставили. А потом порушилась она. А Настасья-то была, отчего же...

— Вот! — торжествующе вставила Вика.

— Из-за ней, балбески, тут и пусто стало,— вздохнул Семён и почесал кудлатую голову.— Сбежала, вишь ты, от батюшки ро́дного в столицу и в балерины поступила. Скандал был, уууу! Проклял её барин, конечно, как положено. Знакомый гардеробный один сказывал, мол, на питербурхских сценах блистала наша Настасья. А потом — чего, помирилась с батюшкой, куда ему деваться-то было. Дочь-то одна. Тока в дом она не вернулась, так и выплясывала всё. Он к ней туда, в столицы, и переехал. В Питербурх, значить, энтот. Внуков ещё нянчил. Ну потом он там заболел вроде от сырости, к старости домой вернулся, а она-то с детьми так и осталась, во столицах тех... эх...

— А как же романтика и смерть от любви? — обиженно переспросила Катя.

— Куды там — любви! Тоже,— проворчал Семён.— От ревматизьму!

— И что, совсем никакой романтики и неравного брака? — трагично уточнила Алёна, делая огромные глаза.

— Ну как же. Всяко тут бывало. Вот как, например, Зоинька Белоцерковская на практику приезжала... Ужо красавица-то, умница, а из семьи какой! Она ведь,— лагерный понизил голос: — Ведь из наших же, Белоцерковских, Настасьи нашей, знать, правнучка! А он-то — та куда? Ни кожи ни рожи, у нашего конюшенного и то благородней предки. В техникуме, что ли, каком учился. Она-то, известно дело, институтка[1]. И чего,— тут лагерный вздохнул,— так они тута и остались. Оба.

— Мёртвые! — зловеще вставила Вика.

Лагерный только коротко зыркнул на неё, Незнамова пристыженно опустила глаза.

— Какое — мёртвые! — Семён пожевал губами.— Вон, Зоинька, и заходила к вам нонеча, девиц-то возвернуть...

— Нагайна?! — поражённо воскликнули все хором.

— Угу,— буркнула Вика, которой явно было скучно рассказывать, не приукрашивая действительность жуткими подробностями.— А муж её — Михалыч... завхоз,— тут остальные девочки поражённо замотали головами.— Она его вечно за всё ругает, что в лагере ни случится — во всём он ей виноват...

— Та́ка любовь! — наставительно пояснил Семён.— Смертная!

— Пугали-то вы нас зачем? — вздохнула укоризненно Эля.

— А как же?! С вами-то как ещё сладить? Иные вот ребятёнки — разок постучишь ночью, тут и ути-

---

[1] Институтками когда-то называли воспитанниц Института благородных девиц. Но Семён, похоже, называет так всех студенток независимо от учебного заведения.

хомирятся. С вами-то, конечно, вовсе никакого сладу нету...

А ваще-то,— тут он поглядел за окно,— спать вам всем, ребятёнки, пора давно. Вона светать скоро начнет.

Многие из ребят действительно давно зевали, однако ложиться спать было ужасно обидно — столько ещё хотелось спросить!

— Я у вас сегодня посплю, ага? — Тоха вопросительно смотрела на девочек. Эля, как старшая, кивнула.

— А всё-таки хорошо, что никто не умер,— умиротворённо зевнула Лизанька.

* * *

Впервые за время пребывания в лагере шестой отряд засыпал спокойно. Никто не стучал под полом, никто не стонал за стеной, никто даже не пропадал в неизвестном направлении.

«А хороший у нас все-таки отряд,— думал Миша.— Даже Дёма не такой уж страшный, если подумать. Привидений вон, оказывается, боится. А Вика смешная. А Катя... Катя, она... красивая. А Грохотовы весёлые. А Арам — настоящий друг. И Тоха — свой парень... хоть и девчонка. И даже не из нашего отряда. Классные, в общем, будут каникулы...»

Он засыпал улыбаясь. Впереди было ещё целых две недели в лагере — а значит, ещё множество приключений и открытий. Одно за эти дни Миша усвоил твёрдо: ни один страх не стоит того, чтобы его бояться. Иногда со своим страхом стоит просто подружиться.

* * *

— А дальше? Дальше что было? — зашумели все сразу.

— Дальше? Ну... — Теша поковырял носком лапы пол, затем застенчиво обернулся хвостом.— Ну всякое ещё было... Ну там, мы вот ещё с чудищами сражались... Девочек спасали...

— Спасли?! — выдохнула какая-то кикиморка.

— А то как же! — Теша гордо подбоченился, впрочем тут же опять смутившись.— Спасли, конечно...

Публика замерла в восхищении.

Теша и сам не знал, какой он герой, пока не начал обо всём рассказывать. Пережитые приключения выглядели совсем по-другому, если смотреть на них отсюда, с уютного родного чердака, где всё такое привычное и знакомое. Совершенно непривычным было только уважение и восхищение в устремлённых на него взглядах старых знакомых.

— Но это уже потом было. Сначала был ещё родительский день... — Теша глубоко вздохнул, приготовившись к долгому героическому рассказу и мысленно завернувшись в почти-мушкетёрский-плащ.

Оглавление

Вступление 3

Глава первая
СНОВА НА МОРЕ! 5

Глава вторая
ВАГОН НОМЕР ЧЕТЫРЕ 29

Глава третья
ПРИЕХАЛИ! 54

Глава четвёртая
ПРОПАЖИ И НАХОДКИ 77

Глава пятая
СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ, или О ЧЁМ ГРУСТИТ НАСТАСЬЯ 92

Глава шестая
РУСАЛКА 123

Глава седьмая
ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С МОИМ КВАРТИРНЫМ! 143

Глава восьмая
ПРО ЛЮБОВЬ 159

Глава девятая
ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАШ КОШМАРНЫЙ СОН! 172